

СОВРЕМЕННАЯ И КЛАССИКА

Жан-Мишель
Генассия

КЛУБ
НЕИСПРАВИМЫХ
ОПТИМИСТОВ

«ИНОСТРАНКА»

Жан-Мишель Генассия Клуб неисправимых ОПТИМИСТОВ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6607198

*Жан-Мишель Генассия. Клуб неисправимых оптимистов: Иностранка,
Азбука-Аттикус; Москва; 2014
ISBN 978-5-389-07735-5*

*Оригинал: Jean-Michel Guenassia, “Le Club Des Incorrigibles Optimistes”
Перевод:
Елена Викторовна Клокова*

Аннотация

Жан-Мишель Генассия – новое имя в европейской прозе, автор романа «Клуб неисправимых оптимистов». Французские критики назвали его книгу великой, а французские лицеисты вручили автору Гонкуровскую премию. Герою романа двенадцать лет. Это Париж начала шестидесятых. И это пресловутый переходный возраст, когда все: школа, общение с родителями и вообще жизнь – дается трудно. Мишель Марини ничем не отличается от сверстников, кроме увлечения фотографией и самозабвенной любви к чтению. А еще у него есть тайное убежище – это задняя комнатка парижского бистро. Там странные люди, бежавшие из стран, отделенных от свободного мира железным занавесом, спорят, тоскуют, играют в шахматы в ожидании, когда решится их судьба. Удивительно, но именно

здесь, в этой комнатке, прозванной Клубом неисправимых оптимистов, скрещиваются силовые линии эпохи.

Содержание

Апрель 1980-го	7
Октябрь 1959-го – декабрь 1960-го	21
1	21
2	35
3	42
4	51
5	57
6	74
7	86
8	90
9	102
10	108
11	117
12	128
13	145
14	148
15	151
16	159
17	172
18	187
19	198
20	205
21	213

Жан-Мишель Генассия

Клуб неисправимых ОПТИМИСТОВ

Доминик и Андре

Клуб – имя существительное мужского рода, от английского *kloeb*; кружок, где собираются, чтобы поговорить, почитать, поиграть; общество друзей.

По мне, лучше быть оптимистом и ошибаться, чем оставаться вечно правым пессимистом.
Неизвестный автор

Странно, как в этой книге, вращающейся вокруг парижского бистро, автору удалось воссоздать целую эпоху!

Жак-Пьер Аметт. Le Point

Это большой роман. Это великий роман. Великолепная история: Жан-Мишель Генассия рассказывает о людских судьбах как греческий аэд. Мощная, глубокая, печальная и упоительная книга написана с поразительным мастерством...

Франсуа Бюнель. Lire

Апрель 1980-го

Сегодня хоронят писателя. Заключительный акт. Толпа – нежданная, молчаливая, почтительная и анархическая – заполонила улицы и бульвары вокруг кладбища Монпарнас. Сколько их? Тридцать тысяч? Пятьдесят? Меньше? Больше? Какая разница? Важно, чтобы на его похоронах была публика. Скажи ему кто-нибудь, что тут будет такая сутолока, он бы не поверил и посмеялся. Он полагал, его закопают на скорую руку, в присутствии двенадцати верных последователей, а не с почестями, как Гюго или Толстого. За последние полвека ни одного интеллектуала не провожали при таком стечении народа. Как будто он был необходим и крайне важен. Зачем здесь эти люди? Они много чего о нем знают и, по логике вещей, не должны были приходить. Абсурдно отдавать последнюю дань уважения человеку, который ошибался во всем, ну или почти во всем, с завидным постоянством уклонялся от правильного пути и с упорством, достойным лучшего применения, расходовал свой талант, защищая то, что не заслуживало защиты. Лучше бы сходили на похороны тех, кто был прав и кого он презирал и уничтожал. Увы, их смерти никто не заметил.

А может, в этом невысоком человеке, помимо неудач и ошибок, было нечто иное, достойное восхищения: страстное желание преодолеть судьбу силой разума, двигаться впе-

ред против всякой логики, не отступать, невзирая на запрограммированное поражение, брать на себя ответственность за противоречивость правого дела и заведомо проигранного сражения и вечной, нескончаемой и безнадежной борьбы. Нет никакой возможности попасть на кладбище, люди топчут могилы, карабкаются на памятники, опрокидывают стелы, чтобы подобраться поближе и увидеть гроб. Напоминает похороны эстрадной певицы или святого. Закопать собираются не только человека – вместе с ним хоронят старые идеалы. Ничего не изменится, и нам это известно. Лучшего общества не будет. Можно соглашаться или спорить, но в эту могилу ложатся и наши верования, и утраченные иллюзии. Толпа символизирует отпущение грехов, искупление ошибок, совершенных во имя идеала. Для жертв это ничего не меняет. Не будет ни оправдания, ни публичных извинений, ни похорон по первому разряду. Что может быть ужасней, чем причинять зло, желая творить добро? Сегодня хоронят минувшую эпоху. Нелегко жить в мире без надежды.

В такой момент не сводят счетов. Не подводят итогов. Все равны, и все не правы. Я пришел не ради мыслителя. Я никогда не понимал его философии, его театр «несъедобен», а романы забыты, я здесь ради прошлого. Толпа напомнила мне, кем он был. Нельзя оплакивать героя, который поддерживал палачей. Я поворачиваюсь, чтобы уйти. Похороню его в каком-нибудь тайном уголке мозга.

Существуют пользующиеся дурной славой кварталы, отсылающие вас в ваше прошлое, куда, вообще-то, лучше не соваться. Думаешь, что все забыл, – раз не думаешь о нем, значит забыл, а оно раз – и тут как тут. Я старался обходить стороной Монпарнас – там жили призраки, с которыми я не знал, что делать. Один из них шел сейчас мне навстречу по тротуару бульвара Распай. Я узнал его неподражаемое ратинговое пальто в стиле Хэмфри Богарта времен пятидесятих. Есть люди, которых оцениваешь по походке. Павел Цибулька – православный христианин, партизан Второй мировой, король великого идеологического уклона и скучных анекдотов, надменный, гордый и статный, двигался плавно и неспешно. Я обогнал его. Павел располнел, пальто перестало застегиваться, взлохмаченная седая шевелюра придавала ему богемный вид.

– Павел...

Он остановился, посмотрел на меня, пытаюсь сообразить, где мог видеть это лицо и почему оно о чем-то смутно ему напоминает, но в конце концов покачал головой – нет, простите, но...

– Это я... Мишель. Ну же, вспоминай.

Он разглядывал меня – недоверчиво, даже с подозрением:

– Мишель?.. Малыш Мишель?

– Бывший «малыш», Павел, бывший – я давно обогнал тебя в размерах.

– Малыш Мишель!.. Сколько лет мы не виделись?

– Пятнадцать. В последний раз встречались здесь же... по поводу Саши.

Мы помолчали, взгрустнули, обнялись. Он крепко прижал меня к себе:

– Я бы тебя не узнал.

– А вот ты не изменился.

– Не смей издеваться. Я вешу сто кило. Проклятые диеты...

– Счастлив тебя видеть. Где остальные? Или ты пришел один?

– Я еще не пенсионер, так что иду на работу.

Павел по-прежнему говорил с тягучим славянским акцентом, но его речь сделалась более энергичной. Мы пошли в «Селект», где, как мне показалось, все прекрасно знали Павла, сели, и официант тут же принес ему крепкий кофе и кувшинчик холодного молока, а потом принял заказ у меня. Павел цапнул с соседнего столика корзинку с круассанами и умял сразу три штуки, продолжая говорить с набитым ртом, причем вполне разборчиво. Павел сбежал из Чехословакии лет тридцать назад и с тех пор жил во Франции в более чем стесненных обстоятельствах. Он в самый последний момент, чудом, избежал чистки, погубившей бывшего генсе-

ка КПЧ Сланского¹ и его ближайшего соратника, министра иностранных дел Клементиса². Бывший посол Чехословакии в Болгарии, автор справочного издания «Брестский мир: дипломатия и революция» работал ночным портье в гостинице в Сен-Жермен-де-Пре и жил там же, в комнатенке на верхнем этаже. Он надеялся рано или поздно встретиться со старшим братом, который в конце войны уехал в Америку, но ему постоянно отказывали в визе – мешала биография.

– Визу они мне не дадут. И брата я больше не увижу.

– Я знаком с одним атташе из посольства. Могу с ним поговорить.

– Не бери в голову. У них на меня «досье» толщиной с мою задницу. Я прохожу как один из основателей Коммунистической партии Чехословакии.

– А это так?

Он пожал плечами с видом смирившегося со своей участью человека.

– В тридцатые годы в Праге, в мои студенческие времена, все было просто и ясно. Следовало решить, на чьей ты стороне – угнетателей или угнетенных. Мне не пришлось вы-

¹ Рудольф Сланский (1901–1952) – генеральный секретарь компартии Чехословакии (1945–1951); был обвинен в антипартийном заговоре и казнен. Все обвинения и сам процесс были сфабрикованы по образцу процессов конца 30-х годов в Советском Союзе. – Здесь и далее прим. перев.

² Владо Клементис (1902–1952) – министр иностранных дел в правительстве Р. Сланского, проходил с ним по одному делу, обвинен в антипартийном заговоре и казнен.

бирать лагерь – я в нем родился. Я был молод, убежден в нашей правоте и в том, что иного решения для страны не существует. Да, я был партийным функционером с дипломом юриста. Я верил, что поголовная грамотность и электрификация поспособствуют рождению нового человека. Никто и подумать не мог, что коммунизм пожрет нас, как Сатурн своих детей. Отношение к капитализму было однозначным. Во время войны одни поддерживали коммунистов, другие – фашистов. Хуже всего приходилось неопределившимся. Мы были полны энтузиазма. Я ни в чем не сомневался. Но после освобождения все пошло не так. Моих друзей вешали, семью терзали до тех пор, пока она от меня не отреклась, а нынешние защитнички «общечеловеческих ценностей» плевать на это хотели. Они, видите ли, не нуждаются в компании старого коммуняка – я решил, что достану их, и каждый год запрашиваю визу. Они отказывают. Я через год повторяю попытку.

– Значит, ты больше не коммунист?

– Был, есть и буду!

– Но доктрина оказалась несостоятельной. Коммунистические режимы рушатся один за другим.

– Коммунизм – прекрасная идея, Мишель. Слово «товарищ» наполнено глубинным смыслом. А вот люди никуда не годятся. У Дубчека³ и Свободы⁴ вполне могло получиться,

³ Александр Дубчек (1921–1992) – чехословацкий государственный и общественный деятель, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Чехослова-

если бы им не перекрыли кислород. Кстати, мое дело сдвинулось с мертвой точки.

– Каким образом?

– Я написал Сайрусу Вэнсу, госсекретарю в администрации Джимми Картера. Он ответил. Можешь себе представить?

Павел осторожно достал из бумажника письмо в «том самом» конверте и дал мне прочесть. В ответе Сайруса Вэнса от 11 января 1979 года сообщалось, что запрос передан в компетентную инстанцию.

– Что думаешь?

– Это стандартная формулировка. Не стоит особенно надеяться.

– Они отреагировали впервые за двадцать пять лет. Это знак. Сайрус Вэнс – демократ, не республиканец.

– А раньше тебе что, не отвечали?

– Я был идиотом, адресовал просьбы лично президенту США. Глава государства слишком занятой человек, чтобы самолично отвечать всем страждущим. Написать госсекретарю мне посоветовал Имре.

– Возможно, ты постучался в правильную дверь. Что будешь делать, если снова откажут?

кии. В 1968–1969 годах стал инициатором курса реформ, известных как Пражская весна.

⁴ Людвик Свобода (1895–1979) – чехословацкий военный и государственный деятель, президент ЧССР в 1968–1975 годах, трижды Герой ЧССР, Герой Советского Союза (1965).

– Я больше не чехословацкий подданный. И не французский. Я – апатрид. Худший вариант из возможных. Превращаешься в призрака. У меня осталась крошечная надежда встретиться с братом. Он американский гражданин. Мы перезваниваемся раз в год, на Рождество. Брат – бригадир на стройке. У него семья, все хорошо, но в Европу он прилететь не может – слишком дорого. В будущем году я подам на визу. И еще через год снова подам.

Народу в кафе прибавилось – люди заходили расслабиться после похорон. Какая-то тетка нацелилась на нашу банкетку:

– Здесь свободно?

– Занято!

Женщина удивилась агрессивности тона, и она с приятелями отошла.

– Немыслимо! Банда придурков приперлась на кладбище, чтобы почтить память «выдающегося» придурка. Да у них солома вместо мозгов.

– Ничего не поделаешь, традиция.

– Лично я пойду и наассу на его могилу. Ничего другого он не заслуживает. Гордиться ему нечем.

– Он не мог поступиться убеждениями.

– Он все знал. Со времен Жида⁵ и Руссе⁶. Я рассказал ему

⁵ Андре Жид (1869–1951) – французский писатель и драматург, лауреат Нобелевской премии (1974).

⁶ Давид Руссе (1912–1997) – французский писатель. Во время Второй мировой войны был депортирован в Германию (1943–1945).

о Сланском и Клементисе. Он промолчал. Ему было известно о Кравченко⁷. И он осудил Кравченко. Ты можешь понять и оправдать подобное? Бегать в своре, улюлюкать в общем хоре. Презирать жертв. Отрицать правду. Не есть ли это чистой воды поспешничество? Он был негодяем.

Павел умолк и тяжело задумался.

– Хотя... не мне тебя учить.

– Я не понимаю.

– Худшая вещь на свете – неблагодарность. Мы выживали, потому что они нас подкармливали, подбрасывали деньги.

– Кто?

Павел поднял на меня глаза, решив, что я придуриваюсь, понял, что это не так, и снизошел до объяснений:

– Оба. Кессель⁸ и Сартр⁹. Доставали нам переводы, всякую

⁷ Виктор Андреевич Кравченко (1905 – 1966) – советский государственный и партийный деятель, невозвращенец. Во время Второй мировой войны был членом советской закупочной комиссии в Вашингтоне. Попросил политического убежища в США. Написал книгу «Я выбрал свободу», которая описывала коллективизацию и голод в СССР и стала серьезным ударом по Сталину. Левые друзья советского режима повели яростную атаку на автора. Жан-Поль Сартр написал пьесу, где говорилось, что Кравченко – агент ЦРУ. В 1966 году Кравченко погиб при подозрительных обстоятельствах.

⁸ Жозеф Кессель (1898–1979) – французский писатель. Сын врача, выехавшего из России в Аргентину в еврейское сельскохозяйственное поселение. С 1908 года семья жила во Франции.

⁹ Жан-Поль Шарль Эмар Сартр (1905–1980) – французский философ, представитель атеистического экзистенциализма (в 1952–1954 годах Сартр занимал близкие к марксизму позиции), писатель, драматург и эссеист, педагог. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1964 года (отказался от премии).

мелкую работенку. У них был широкий круг знакомств среди главных редакторов газет и журналов. Мы работали добросовестно, выполняли нормы. Когда оказывались на мели, они платили домовладельцам и улаживали дело с судебными исполнителями. Куда было деваться? Мы все потеряли, а без них кончили бы жизнь клошарами. Когда Сартр ослеп и перестал выходить из дому, стало намного сложнее. Но два года назад они выручили Владимира. Помнишь его?

– Как сейчас.

– У него были крупные неприятности.

Ему не терпелось все мне выложить. Я вспомнил, как Владимир Горенко раздавал еду в задней комнате «Бальто».

– Так что случилось с Владимиром?

– До ухода на Запад он руководил нефтеперерабатывающим комплексом в Одессе. Во Франции он получил статус политического беженца. Работы не нашел – ни одно предприятие не захотело нанять его, даже те, с кем он вел дела. Никто и пальцем не пошевелил, чтобы помочь ему. Знаешь почему? Они опасались Москвы, не желали портить отношения. На словах эти люди обличали коммуняк, но дела с ними делали. Маркюзо, хозяин быстро, – ты его помнишь, он был хороший мужик – нашел Владимиру жилье, комнатку для прислуги, у колбасника на улице Дагер. Владимир вел его бухгалтерию.

– Хозяин платил ему колбасой и полуфабрикатами. Платил – громко сказано: Владимир вечно ворчал, что тот отда-

ет ему остатки, которые так и так пошли бы на выброс.

– Все верно, но мы поживились той колбаской – Владимир со всеми делился. Это так, к слову. Следом за колбасником Владимира стали нанимать другие торговцы. У него образовалась своя клиентура, дела шли хорошо. Местным бухгалтерам это не понравилось, и они накатали на него донос. У Владимира масса достоинств, но диплома Политехнической школы у него не было, и чужих мнений он в расчет не принимал, полагая, что всегда и во всем прав. Одним словом – не дипломат, сам понимаешь. Делу дали ход, появились дознаватели, Владимир вышел из себя и, вместо того чтобы прикинуться пнем, повел себя заносчиво: «Я не боялся КГБ, я выжил в Сталинграде, так что вас и подавно не испугаюсь. Я работаю, плачу налоги и чихать на вас хотел!» Он закусил удила, никого не слушал, хотя многие его предупреждали. Не поверишь, что случилось, – его посадили. За осуществление незаконной деятельности эксперта-бухгалтера. Он разнес следователя в пух и прах, за что провел четыре месяца в предварительном заключении. Немыслимо! Держать в кутузке человека, владеющего то ли шестью, то ли семью языками. Все рухнуло. Знаешь, кто помог? Кессель пообщался со следователем, а Сартр заплатил штраф.

– И чем он теперь занят?

– Работает у того, кто на него настучал, вернул всех клиентов, но диплома ему не видать как своих ушей.

– Саша несколько раз об этом упоминал, но я не догады-

вался, что они вам помогали.

– Я думал, вы с Игорем друзья, но не знал, что ты был близок с Сашей. Никто его не любил... Он...

Павел поймал мой взгляд и оборвал фразу. Мы сидели в шумном зале и молчали, не зная, что делать с призраками прошлого.

– Я дружил с обоими.

– Да ну? Верится с трудом. Невозможно было иметь в друзьях и того и другого.

– А мне вот удалось. Саша однажды рассказал, что Кессель покрыл его долг за комнату, когда он в очередной раз просрочил дату платежа, но денег просить он у него не осмеливался.

– Кессель был великодушен. Выручал нас до самой своей смерти в прошлом году. Видишь, я тоже веду себя как мелкотравчатый мерзавец. Не стоит ничего ждать от людей. Делаешь кому-нибудь добро, а тебе плюют в рожу. Я не могу забыть того, что Сартр сказал, что дал понять, и, главное, того, о чем он умолчал, – это сильнее меня. Сартр был негодяем, салонным революционером, но щедрости и великодушия ему было не занимать. Впрочем, не все можно компенсировать деньгами.

– Выходит, я все эти годы ни черта не замечал. По молодости. Мне казалось, он тебя ценил.

– Я рассказывал ему анекдоты и байки. Смешил. У него была прекрасная память, но анекдотов он не запоминал и

вечно просил повторить.

– Я помню Леонида и его любимую историю про Сталина и солнце.

– Давай, расскажи, будет здорово послушать еще раз.

– Сейчас, дай вспомнить. Ага. Прекрасное утро, Сталин просыпается, встает, обращается к солнцу: «Скажи мне, Солнце, кто самый красивый, умный и сильный человек на свете?» Солнце отвечает без задержки: «Ты, о Сталин, свет человечества!» В полдень Сталин снова спрашивает: «Скажи мне, Солнце, кто самый блистательный, гениальный и выдающийся деятель всех времен и народов?» И солнце подтверждает: «Ты, о несравненный Сталин». Перед ужином Сталин не может отказать себе в удовольствии спросить у солнца, кто лучший коммунист в мире. А солнце возьми да и ответь: «Ты больной, Сталин, психопат, безумец, я уже на Западе и в гробу тебя видало!»

Павел расхохотался, как будто услышал анекдот впервые в жизни.

– Рассказчик из тебя никакой. Французам это не дано. В исполнении Леонида «номер» длился целый час.

– Что да, то да. Леонид был мастер. Думаешь, он и правда рассказывал эту байку Сталину?

– Уверял, что да. Леонид не хвастун. Если я правильно помню, ты с ним дружил?

– Очень близко. Хотелось бы снова его увидеть.

– Леонид ненавидел Сашу.

– Все это «дела давно минувших дней», они мало кого интересуют.

Он ничего не ответил, только плечами пожал и взял очередной круассан:

– Угощаешь?

– Скажи-ка мне вот что: твою книгу о Брестском мире в конце концов издали?

– Да бог с тобой! Я сделал новый перевод, изменил текст, сократил объем. Сам знаешь – нет предела совершенству... Она понравилась одному молодому издателю, но он потребовал, чтобы я снял еще двести пятьдесят страниц – из девятисот шестидесяти пяти. У нас не сложилось.

– Павел, расскажи еще какой-нибудь анекдот.

– Знаешь, какая разница между рублем и долларом?

Я уже слышал эту дурацкую шутку – возможно, от него же, лет пятнадцать назад, но ответа не вспомнил.

– Один доллар! – Он довольно расхохотался. – Мишель, что произошло? Почему ты вдруг исчез?

– После смерти Сашы я продолжал видеться с Игорем и Вернером. Ты общаешься с остальными?

– Со всеми, кроме тебя.

Октябрь 1959-го – декабрь 1960-го

1

Это был единственный раз, когда обе мои семьи собрались вместе. Скажем так – некоторые члены двух семей, человек двадцать. В день рождения у меня появилось дурное предчувствие. Я ощутил неведомую угрозу, природу которой определить не мог. Позже я расшифровал некоторые ее признаки, которых не распознал в предвкушении праздника и подарков. У каждого из моих товарищей была семья, но одна, я же имел две, причем совершенно разные, не общавшиеся между собой. Марини и Делоне. Семья отца и семья матери. В тот день я понял, что они терпеть друг друга не могут. Только мой отец сохранял веселость, угощая родственников фруктовым соком.

– Стаканчик апельсинового? – произносил он голосом Габена или Жуве. – Смелее, он свежесжатый.

Марини умирали со смеху. Делоне закатывали глаза.

– Прекрати, Поль, это не смешно! – сказала моя мать, ненавидевшая папины «выступления».

Она была занята разговором со своим братом Морисом, который после войны поселился в Алжире. Отец его не жаловал, а я любил. Дядя был весельчак и балагур, он звал

меня Каллаханом – не знаю почему. При встрече он всегда говорил: «*How do you do Callaghan?*»¹⁰ – на что я должен был отвечать: «*Very good!*»¹¹ Прощаясь, он бросал: «*Bye-bye Callaghan!*»¹² – и изображал хук справа в подбородок. Морис бывал в Париже раз в год – приезжал на американский семинар по менеджменту, считая делом чести первым входить в курс новых веяний и использовать их на практике. Его речь изобиловала американизмами: мало кто понимал, что именно они означают, хотя никто, конечно, ни за что бы в этом не признался. Морис был в восторге от очередного семинара «Как стать победителем?», он вдохновенно излагал моей матери вновь открытые истины, а она благоговейно внимала каждому его слову. Папа, считавший все это наглым надувательством, не упустил случая съязвить.

– Нужно было меня предупредить – глядишь, и послали бы туда на стажировку наших армейских генералов, – произнес он голосом де Голля.

Отец расхохотался, Марини подхватили, обстановка еще больше накалилась, но Морис как ни в чем не бывало продолжал разглагольствовать, уговаривая мою мать записаться на курс лекций. Уйдя на покой, мой дед Филипп передал бразды правления дочери, которая десять лет работала с ним бок о бок. Он хотел, чтобы она «росла над собой» и, по со-

¹⁰ Как поживаете, Каллахан? (англ.)

¹¹ Очень хорошо! (англ.)

¹² Пока, Каллахан! (англ.)

вету Мориса, прошла интенсивный курс обучения по американской программе «Стать современным менеджером». Мама уехала на две недели в Брюссель, а вернувшись, привезла несколько толстенных пособий, которые теперь стояли на видном месте в книжном шкафу. Мама очень ими гордилась и воспринимала как символ и доказательство своей компетентности. Названия фолиантов говорили сами за себя: «Завоевать сложных клиентов», «Создать сеть эффективных связей», «Развить свой потенциал, чтобы быть убедительным». Каждый год мама три дня занималась в семинаре, проходившем в роскошном центре на авеню Ош, после чего очередной том в красном кожаном переплете занимал свое место на полке. В прошлом году они с Морисом слушали лекции по теме «Как завоевывать друзей?», после чего мама очень изменилась: постоянная улыбка на устах была призвана стать ключом к успеху не только в настоящем, но и в будущем. Плавные движения свидетельствовали о внутреннем спокойствии, хорошо поставленный тихий голос – о силе ее личности, что, по мнению Дейла Карнеги, могло в корне изменить жизнь. Мой отец в это не верил, считал пустой тратой времени и денег.

– Битюга в скаковую лошадь превратить невозможно, – с улыбочкой произнес он, глядя на Мориса.

Неделей раньше я попросил маму пригласить к нам Марини.

– Обычно мы их не зовем и празднуем дни рождения в

семейном кругу.

Я продолжал настаивать, и новообретенная благодаря премудростям Карнеги улыбка покинула мамино лицо. Я не сдался, больше того – заявил, что без них никакого праздника не будет. Мама посмотрела на меня – вид у нее был огорченно-сожалеющий, – но решения не изменила, и я покорился. Когда отец с заговорщической ухмылкой сообщил мне, что Марини все-таки получили приглашение, я чуть не спятил от радости, уверенный, что благодаря мне примирение состоится. Хотя радоваться, как оказалось, было нечему. Ничего хорошего из этой затеи не вышло. Единственными чужаками в этом «собрании» были мой друг Николя Мейер, изнывавший от скуки в ожидании десерта, наша испанская служанка Мария – она обносила гостей оранжадом и горячим вином – и мой тигрово-рыжий кот Нерон, который повсюду следовал за мной, как собачка. Я очень долго свято верил, что иметь две семьи – благо, и наслаждался этим. Те, у кого семьи нет вовсе, назовут меня избалованным сопляком, не понимающим, как ему повезло, но, поверьте, иметь две семьи – хуже, чем не иметь ни одной.

* * *

Марини сгруппировались вокруг дедушки Энцо. Они ждали. Мой брат Франк выбрал свой лагерь. Он о чем-то тихо беседовал с дядей Батистом и бабушкой Жанной. Появил-

ся папа с огромным шоколадным тортом, затащил «С днем рождения, Мишель!» – и Марини подхватили. Они всегда пели, когда собирались вместе. У каждого был свой излюбленный репертуар, и они обожали петь хором. Мама нежно мне улыбалась, но не пела с остальными. Я задул двенадцать свечей в два приема. Филипп, мой дедушка по маме, зааплодировал. Он не пел – как и Морис, и остальные Делоне. Они аплодировали, а Марини пели: «Веселого дня рождения, Мишель, поздравляем тебя»... Чем вдохновенней пели Марини, тем громче аплодировали Делоне. Моя младшая сестра Жюльетта аплодировала, Франк пел. И Николя тоже пел. Тут-то у меня и появилось неприятное чувство. Я смотрел на них – и не понимал, мне было тягостно и неловко, а они пели все громче. Думаю, моя боязнь – на грани фобии – семейных сборищ родилась именно в тот день.

Я получил три подарка. От Делоне – двухскоростной проигрыватель «Теппаз» – на 33 и 45 оборотов. Вещь была дорогая, и Филипп не преминул напомнить, что рычаг звукоснимателя очень хрупкий, поэтому так важно точно следовать инструкции по эксплуатации.

– Твоя мать хочет, чтобы ты перестал все время препираться с братом.

Энцо Марини преподнес мне толстую книгу «Сокровища Лувра». Он вышел на пенсию, и они с бабушкой Жанной раз в месяц приезжали в Париж по его льготному билету. Она встречалась с Батистом, старшим братом моего отца, – он

один воспитывал двоих детей после гибели жены в автокатастрофе. Батист водил автомотрису на линии Париж—Мо. Когда-то он был разговорчивым и эмоциональным человеком, но после несчастья очень изменился. Говоря о нем, мои родители всегда многозначительно переглядывались. Если я задавал вопросы о дяде, они никогда не отвечали, что смущало и тяготило меня куда сильнее, чем дядина замкнутость.

* * *

Энцо водил меня в Лувр. Ни в его родном Лансе, ни в Лилле не было особых достопримечательностей, так что происхождение его обширных знаний оставалось для меня загадкой. У Энцо был только школьный аттестат, но он разбирался в картинах и художниках, а больше всего любил итальянское Возрождение. Мы часами, до самого закрытия, бродили по бесконечным коридорам, и Энцо общался со мной как с другом. Я обожал проводить время с дедом и часто расспрашивал его о молодости, хотя знал, что он не любит об этом говорить. Отец Энцо был уроженцем Фонтанеллато, деревушки в окрестностях Пармы. Нищета вынудила его покинуть родные места вместе с двумя младшими братьями, оставив семейную ферму старшему. Он оказался на севере и пошел работать на шахту. Его первенец Энцо родился во Франции. Прадед делал все, чтобы стать французом, и запрещал говорить дома на итальянском. Он порвал все связи

с родиной и перестал общаться с родственниками. Энцо женился на уроженке Пикардии. Он считал себя французом и гордился этим. Если какой-нибудь болван обзывал его итальяшкой или макаронником, он улыбался и отвечал: «Очень рад, а я – лейтенант Винченцо Марини из Ланса, что в Паде-Кале».

Дед рассказывал, что ему не раз приходилось завоевывать уважение кулаками. Он считал Италию за границей, никогда там не бывал и в тот день очень удивил нас, объявив, что начал брать уроки итальянского.

Лувр наделен небывалыми образовательными достоинствами. Энцо научил меня распознавать художников, различать стили и эпохи. Он делал вид, будто верит, что статуи обнаженных женщин работы Кановы¹³ и Бартолини¹⁴ привлекают меня исключительно совершенством линий. Папа ничего не сказал, когда Филипп подарил мне проигрыватель, но пришел в восторг от книги. Он долго и чуточку нарочито восхищался качеством репродукций, восклицая: «Ух ты!» и «Надо же!» Дольше всего он рассматривал «Иоанна Крестителя» да Винчи: кудлатая голова, поднятый палец и загадочная улыбка Иоанна привели отца в недоумение.

– Он совсем не похож на святого...

¹³ Антонио Канова (1757–1822) – итальянский скульптор-неоклассик.

¹⁴ Лоренцо Бартолини (1777–1850) – итальянский скульптор, представитель холодного, чопорного и – в женских фигурах – приторно-сентиментального стиля империи; он, подобно Канове, отличался условностью и аффектацией, но не обладал другими достоинствами Кановы.

– Почему ты никогда не ходишь с нами в Лувр? – спросил Энцо.

– Ну, у меня с музеями не очень складывается...

Папа всегда был любителем эффектных концовок. Он торжественно водрузил на стол сверток в глянцевої бумаге, перевязанный красной лентой, и предложил мне угадать, что находится внутри. Нет, это не книга, такая идея папе в голову прийти не могла. Игрушка?

– Ты уже не ребенок, какие могут быть игрушки!

Не книга, не игрушка, не игра. Теперь гадали все, только мама молчала и снисходительно улыбалась. Не разборный грузовик, не самолет, не корабль, не поезд, не модель машины, не микроскоп, не часы, не бинокль, не галстук, не одеколон, не набор оловянных солдатиков и не перьевая ручка. Съесть и выпить нельзя, не хомяк и не кролик.

– Как ты мог подумать, что я запихну живую зверюшку в коробку?.. Нет, это не чучело.

Идеи закончились, и я замер, испугавшись, что останусь без подарка.

– Помочь открыть? – предложил папа.

Я торопливо развернул бумагу и пришел в восторг, обнаружив прозрачный пластиковый футляр. «Брауни Кодак»!¹⁵ Такого я от отца не ожидал, хотя две недели назад – мы шли по улице Суффло – застрял перед витриной фото-

¹⁵ «Брауни Кодак» (Kodak Brownie) – фотокамера, один из наиболее известных продуктов Kodak.

магазина и долго объяснял ему преимущества новой модели. Папа тогда удивился моей осведомленности, не поняв, что я просто выпендриваюсь. Я бросился ему на шею и стал целовать, бормоча слова благодарности.

– Маме тоже скажи спасибо, в магазин ходила она.

Меня охватило возбужденное нетерпение, я мгновенно зарядил пленку и рассадил родственников напротив окна, подражая фотографу, делавшему в лицее ежегодный снимок класса.

– Улыбайся, дедуля! Дядюшка Морис, встань за мамой, и улыбайтесь, черт возьми, улыбайтесь!

После вспышки я перевел кадр и щелкнул еще раз, чтобы подстраховаться. Не каждому дано осознать свое призвание, но я в тот вечер твердо решил стать фотографом, эта профессия казалась мне престижной и одновременно достижимой. Папа меня поддержал:

– Все верно, малыш, фотографом быть интересно, да и денежно.

Получив родительское благословение, я воспарил в мечтах, но Франк, как обычно, остудил мой пыл:

– Хочешь стать фотографом, приналяг на математику.

С чего он это взял – неизвестно, но обсуждение приобрело опасный оборот: одни утверждали, что фотография – искусство и математика тут вовсе ни при чем, другие напоминали о необходимости разбираться в перспективе, оптике, составе эмульсий и в других технических тонкостях. Каждый

был уверен в своей правоте, что привело меня в растерянность. Все выдвигали аргументы, никто никого не слушал, а я тосковал, поскольку плюрализм мнений был мне внове. Я решил, что Франк просто завидует, ему таких потрясающих подарков в детстве не делали. Фотография не наука, в ней силен фактор случайности. Историческая фотография собравшейся вместе семьи – единственная в своем роде – три года простояла на буфете, на самом видном месте, а потом исчезла по причинам, никак не связанным с ее художественными достоинствами.

* * *

Я долго пребывал в полном неведении относительно истории моей семьи. Все в моем мире казалось мне идеальным – или почти идеальным. Взрослые не посвящают детей в свои тайны. Сначала те слишком малы и многого не могут понять; когда они подрастают, им становится не до того, а потом бывает поздно. Такова семейная жизнь. Люди живут бок о бок, считают, что знают друг друга, но в действительности никто и понятия не имеет о своих близких. Мы надеемся на чудеса кровного родства: невероятные совпадения, безоговорочную откровенность, внутреннюю схожесть. Человек склонен довольствоваться спасительным самообманом о непреложности родства по крови. Скорее всего, я сам виноват – слишком много ждал... Просветил меня Франк, и случилось это в

день торжественного открытия обновленного магазина, после событий, потрясших нашу семью.

У нас с Франком семь лет разницы. Он родился в 1940-м, и его история – это история нашей семьи со всеми ее случайностями и вывертами. Без Франка не было бы и меня. Наша судьба решилась в первые месяцы войны. В то время Филипп руководил собственной мастерской по выполнению сантехнических и оцинковочных работ, а еще торговал сантехническим оборудованием и кухонными плитами, хотя ни разу в жизни не держал в руках ни одного крана или ацетиленовой горелки. Дело Филипп унаследовал от отца и вел его весьма успешно, хотя не упускал случая посетовать на своих работников. Неприятности Филиппа начались 3 февраля 1936 года, когда он нанял в подмастерья Поля Марини. Отцу исполнилось семнадцать, и он не имел ни малейшего желания продолжать семейную традицию и становиться железнодорожником. Жить отец хотел только в Париже, а папашу Делоне впечатлил, сделав идеальный сварной шов за рекордно короткое время. Следующие три года Филипп не мог нахвалиться на своего помощника, очаровавшего всех вокруг улыбкой, любезным обхождением, услужливостью и сноровкой. Сам того не ведая, Филипп пустил волка в овчарню. Его дочь Элен без памяти влюбилась в кудрявого красавца с бархатными глазами и ямочкой на подбородке, который неумоимо вальсировал и ужасно ее смешил, пародируя

Мориса Шевалье¹⁶ и Рэмю¹⁷. Думаю, те годы остались самой счастливой порой в жизни моих родителей. Отцу было семнадцать, маме – восемнадцать, они встречались тайком от всех, и никто ни разу ничего не заподозрил. В обществе господствовали фарисейские нравы: дочь хозяина не имела права встречаться с его работником, да еще сыном итальянского иммигранта. Это было просто немыслимо. Каждый должен был знать свое место. Все могло наладиться, но приближалась война, а для влюбленных нет ничего опаснее голоса пушек. Легко представить, каким горьким было их расставание. Отца призвали на «странную войну»¹⁸: он оказался в самом сердце Арденн прямо перед разгромом французской армии. Моя мать полгода скрывала от родителей свою беременность. Семейный врач диагностировал у нее апластическую анемию, потом она занемогла, и все открылось. Мама отказалась признаться, кто отец ребенка, которого она назвала Франком. Папа четыре года был заключенным шталага¹⁹ в Померании, известий от нее не имел, думал, что она его

¹⁶ Морис Шевалье (1888–1972) – всемирно известный французский шансонье и киноактер.

¹⁷ Жюль Мирер Рэмю (1883–1946) – французский актер театра и кино.

¹⁸ «Странная война» – название начального периода (до мая 1940-го) Второй мировой войны, когда правительства Франции и Великобритании, несмотря на объявление войны фашистской Германии, не вели активных боевых операций сухопутных сил на Западном фронте.

¹⁹ Шталаг – концентрационные лагеря германского вермахта для интернированных военнопленных из рядового состава во время Второй мировой войны (1939–1945).

забыла, и узнал обо всем, только вернувшись во Францию. Беззаботная, веселая девушка стала женщиной. Оба изменились и едва узнали друг друга.

Если бы не Франк, мои родители вряд ли сошлись бы: у каждого была бы своя судьба, а роман, о котором никто не знал, постепенно стерся бы из памяти. Если бы не Франк, мои родители не поженились бы и я бы не родился. Но Франку было уже пять, ситуацию следовало урегулировать, и они сделали, что должно, — тихо поженились в мэрии Пятого округа. Утром накануне церемонии мои родители «забежали» к нотариусу семейства Делоне и, не читая, подписали договор о раздельном владении имуществом. Поль Марини получил девушку, но не деньги. У бабушки Алисы в то утро случилось «дипломатическое» недомогание, Филипп не захотел оставлять ее одну, и они не присутствовали на свадьбе дочери. Возможно, прояви мой отец чуть больше изворотливости, решение было бы найдено, но он не захотел венчаться под тем идиотским предлогом, что не верит в Бога. Отказ оскорбил семейство Делоне, у которого с незапамятных времен были постоянные места в церкви Сент-Этьен-дю-Мон. Черно-белая фотография, сделанная на крыльце мэрии, запечатлела новобрачных в окружении родственников со стороны Марини: мама и папа даже не держатся за руки, между ними стоит малыш Франк. В день свадьбы моих родителей пришло печальное известие о гибели в Страсбурге Даниэля Делоне, так что скромный праздничный ужин, запла-

нированный Марини, пришлось отменить. Траур продлился целый год. Алиса напрочь забыла о своем «недомогании» и теперь говорила, что быть на свадьбе дочери ей помешала героическая смерть сына на поле боя. Для клана Делоне этот день навечно стал днем памяти Даниэля, а мои родители никогда не отмечали годовщину свадьбы.

Лицей меня совершенно не интересовал. Я предпочитал ошиваться в Люксембургском саду, на площади Контрэскарп²⁰ или в Латинском квартале. Я проводил часть жизни, «проскальзывая» сквозь ячеи сети. Моих усилий хватило для перехода в шестой класс лицея Генриха IV, хотя прошло это не гладко, и дедушке Делоне пришлось нанести визит директору, хорошему знакомому семьи. Франк тоже ходил в этот лицей, имевший, несмотря на старомодную обстановку и запах плесени, ряд преимуществ. Учащиеся пользовались относительной свободой, никто не контролировал их приходы и уходы. Мне повезло: Николя был лучшим учеником в классе. Достоверности ради, я не ограничивался примитивным списыванием заданий по математике, допускал мелкие ошибки и некоторые отступления от темы, но иногда получал более высокие оценки за пространное изложение работы моего друга. Позже я отказался от мелкого жульничества – книга на коленях во время сочинения! – и начал пользоваться искусно скрываемыми шпаргалками, на их изготовление уходило уйма времени – выучить было бы быстрее. Меня ни разу не поймали с поличным. Шпоры по истории и геогра-

²⁰ Площадь Контрэскарп появилась в 1852 году во времена правления Филиппа II Августа и получила свое название от контрэскарпа – искусственного укрепления вдоль городской стены.

фии мне не требовались – я запоминал текст учебника после первого прочтения и успевал помочь Николя: он эти предметы не любил. Мы числились среди лучших. Меня много лет считали хорошим учеником, а я ничего не делал, только старался выглядеть старше, что было совсем не трудно. Я перешел в четвертый класс, но рост – метр семьдесят три! – позволял выдавать себя за второклассника²¹. По этой причине у меня не было друзей-ровесников, кроме Николя, и я общался с приятелями Франка. Они собирались в бистро на Мобер²² и спорили о том, как переделать мир.

* * *

Наступило новое, беспокойное время. Совершив долгий переход по пустыне, де Голль вернулся к делам, чтобы спасти Французский Алжир от алжирских террористов. В обиход вошли слова, смысл которых был мне не совсем ясен: «деколонизация», «потеря империи», «война в Алжире», «Куба», «неприсоединившиеся» и «холодная война». Меня политические новации не интересовали, но друзья Франка только о том и говорили, я слушал молча, делал вид, что все понимаю, и оживлялся, лишь когда речь заходила о рок-н-рол-

²¹ Во французских коллежах классы считаются в обратном порядке: ученик поступает в шестой класс, через четыре года заканчивает третий, а первый – выпускной.

²² Одна из самых старинных площадей Парижа (XII век).

ле. Несколько месяцев назад эта музыка обрушилась на меня – без предупреждения, как рысь с дерева. Я читал, удобно угнездившись в кресле, Франк работал, и вдруг из приемника зазвучала незнакомая мелодия. Мы синхронно подняли голову и переглянулись, не поверив своим ушам, подошли, и Франк прибавил звук. Билл Хейли²³ за секунду изменил нашу жизнь, на завтра эта музыка стала нашей музыкой, заглушив избитые напевы. Взрослые ненавидели рок-н-ролл, все – кроме папы, обожавшего джаз. Взрослые считали рок музыкой дикарей, которая лишит нас слуха и сделает еще глупее. Смысла текстов мы не понимали, но это ничему не мешало. Франк и его друзья открыли для нас многих американских певцов: Элвис²⁴, Бадди Холли²⁵, Литтл Ричард²⁶, Чак Берри²⁷ и Джерри Ли Льюис²⁸ стали нашими верными спутниками.

²³ Билл Хейли (Уильям Джон Клифтон Хейли; 1925–1981) – американский музыкант, певец и автор песен, один из первых исполнителей рок-н-ролла.

²⁴ Элвис (Элвис Аарон Пресли; 1935–1977) – американский певец и актер.

²⁵ Чарльз Хардин Холли (1936–1959) – американский певец и автор песен, один из первопроходцев рок-н-ролла.

²⁶ Литтл Ричард (Ричард Уэйн Пенниман; р. 5 декабря 1932) – американский певец, пианист и композитор, который стоял у истоков рок-н-ролла.

²⁷ Чарльз Эдвард Андерсон Берри (р. 18 октября 1926) – американский певец, гитарист, автор песен. Один из наиболее влиятельных ранних исполнителей рок-н-ролла.

²⁸ Джерри Ли Льюис (р. 29 сентября 1935) – американский певец, пианист, композитор, один из ведущих исполнителей рок-н-ролла.

* * *

Бурной была не только эпоха – бурлил и Латинский квартал. Депутатом-пужадистом²⁹ от Пятого округа стал Жан-Мари Ле Пен. Избранный голосами мелких торговцев и консьержек, он явился против красных, то есть всех, кто не разделял его идей. Студенты из противоборствующих политических станов сходились в схватках вокруг Сорбонны и на бульваре Сен-Мишель. Традиционное расслоение на правых и левых было взорвано войной в Алжире, ежедневно умножавшей печаль и ужасы бытия. Теперь все делились по принципу за или против Французского Алжира. Многие социалисты выступали за, многие правые были против, многие то и дело меняли мнение.

* * *

Франк был за независимость. Мой брат состоял в Союзе коммунистической молодежи, свято верил в доктрину и недавно стал членом партии. Он был близок с Энцо и Батистом и каждый год ходил с ними на праздник газеты «Юманиите», что делало его настоящим Марини. Дедушка Дело-

²⁹ Пьер Пужад (1920–2003) – лидер буржуазно-националистической партии «Союз защиты торговцев и ремесленников». Его сторонники называли себя пужадистами, а движение получило название – пужадизм.

не не упускал случая высмеять своего старшего внука и его взгляды. Именно из-за этой скрытой вражды Франк с таким нетерпением ждал окончания занятий на экономическом факультете, чтобы уйти из дома. Папа сидел между двух стульев. Заяви он открыто о коммунистических убеждениях, Филипп тут же выставил бы его из дома. Мой отец знал, где проходит черта, которую не следует переступать. Его терпели, потому что он называл себя радикальным социалистом. Для него было важнее отстоять свою независимость перед семьей жены, и он делал все, чтобы сгладить углы и завоевать доверие тестя. Социалистом папа был только на словах, а вот Франк старался привести свою жизнь в соответствие с исповедуемыми идеями. Воскресные обеды в нашем доме проходили куда более оживленно, чем в большинстве семей. Мама запрещала вести за столом разговоры на актуальные темы. Избежать этого было нелегко. Как говорил Франк, все темы в нашей жизни – политические.

Клан Делоне считал Алжир неотъемлемой частью Франции; «неприкасаемым», почти священным его делало то обстоятельство, что Морис поселился там после войны, женившись на Луизе Шевалье – коренной алжирке, «черной ноге»³⁰. Ее богатейшая семья владела десятками зданий в Алжире и Оране. Морис распоряжался состоянием жены и приумножал его, каждый год приобретая новую недви-

³⁰ Черноногими называют алжирцев европейского происхождения. – Прим. ред.

мость. Слово «независимость» он считал неприличным, почти бранным. Филипп и моя мать душой и телом были на стороне Мориса, поэтому приход к власти де Голля внушил им уверенность в будущем. При нашем великом национальном герое Алжир останется французским. Кучка террористов-оборванцев не справится с третьей по силе армией мира. Феллахи – банда кровожадных неблагодарных дегенератов, которой манипулируют американцы. Делоне готовы были допустить, что туземцы заблуждаются, что их завели в тупик, но питали безграничную ненависть к французам, предающим свою страну и соотечественников, поддерживая мятеж. Франк и Морис не просто испытывали друг к другу враждебность. Каждый твердо стоял на своих позициях, держался собственного мнения и провоцировал противника, демонстрируя ему глубочайшее презрение. Их старались не сводить вместе, а если такое все же случалось, мама строго-настрого запрещала касаться опасной темы. Слова «Алжир», «война», «покушения», «самоопределение», «референдум», «генералы», «полковники», «Африка», «легионеры», «армия», «честь», «озабоченность», «будущее», «негодяй», «пытка», «ублюдок», «свобода», «коммунист», «нефть», «плохо для торговли» – запрещалось употреблять во время аперитива и за едой. Это сильно сужало поле для дискуссии, но позволяло спокойно доестъ жиго с фасолью³¹.

³¹ По торжественному поводу французские хозяйки подают жиго, то есть бараний окорок.

Из-за Франка, желая любой ценой помешать мне пойти по его стопам, Филипп и моя мать организовали своего рода санитарный кордон. Я не должен был встречаться с родней отца и ходить с ними на праздник «Юманите». В разговорах о папином семействе они всегда напускали на себя многозначительный вид и поджимали губы, и я долго думал, что там творятся тайные постыдные мерзости, но помешать мне ходить раз в месяц с Энцо в Лувр мать не могла. Он не пытался ни в чем меня убедить или перетянуть в свой лагерь. Член компартии Энцо был по природе своей фаталистом, что, впрочем, одно и то же. Родился рабочим – станешь коммунистом, вышел из буржуазной среды – примкнешь к правым. Смешение недопустимо. Принадлежность к соцпартии Энцо считал сделкой с совестью, упрекал отца за переход в стан врага и говорил, что он предал рабочий класс. Мир был прост: я – сын буржуа, значит стану буржуа. Честно говоря, я плевать хотел на все их истории, разногласия и ругань. Их убеждения были мне чужды, их словесные перепалки и баталии меня не касались. В жизни меня интересовали рок-н-ролл, литература, фотография и настольный футбол.

Мы с Николя составляли одну из лучших пар игроков в настольный футбол. Он в защите, я в нападении. Победить нас было нелегко. Чтобы поиграть спокойно, мы отправлялись на площадь Контрэскарп, где нашими противниками становились студенты, в основном из Политехнической школы. Игроками эти умники были никакими, и мы не упускали случая над ними посмеяться. Некоторым не слишком нравилось, что мальчишки – мы были лет на десять моложе! – выставляют их дураками, а мы подражали Самё, нарочито их игнорируя.

– Следующий.

Сначала мы злорадствовали. Ликовали. Потом стали наслаждаться своим превосходством молча. В тишине. Не обращали внимания на соперников. Смотрели только на поле, белый шарик и маленьких футболистов синего и красного цвета. Партия не успевала начаться, а те, кто играл против нас, уже понимали, что обречены. Игнорирование было хуже презрения. Чтобы заслужить хотя бы взгляд с нашей стороны, следовало создать опасное положение, добиться равного счета или матчбола. Настольный футбол был так популярен, что, проиграв, приходилось долго ждать очереди, чтобы взять реванш. Вылетали даже самые сильные игроки – снижали темп, уставали, расслаблялись и с кривой

ухмылкой уступали место другим. Лучшим удавалось продержаться пять-шесть партий подряд, остальные выбывали после первой.

* * *

Мы ходили в большое бистро на площади Данфер-Рошро в те дни, когда чувствовали себя в форме, готовыми «порвать» весь мир и задать трепку соперникам. В «Бальто» было два настольных футбола. Мы играли со взрослыми, и нас уважали. Не могло быть и речи о партии в футбол рядом с электрическим бильярдом, даже если он был свободен и бильярдисты предлагали сыграть. Мы берегли силы для «первачей» – тех, кто приезжал из южного предместья. Сами был самым сильным из всех, он играл один против двух соперников и легко выигрывал. Сами останавливался, когда ему надоедало или пора было отправляться на работу. Вкалывал он по ночам на Центральном рынке³² – перетаскивал тонны фруктов и овощей. Сами был настоящий рокер со взбитым коком и бачками, высоченный, с огромными бицепсами и кожаными браслетами на запястьях – к таким всегда относятся с уважением. Стремительная манера игры Сами приводила нас в замешательство, каждый мяч он отбивал с неве-

³² Центральный продовольственный рынок (1183–1970), кормивший весь Париж. В 1979 году был поглощен торговым центром Ле-Аль и Национальным центром искусства и культуры имени Жоржа Помпиду.

роятной силой. Игроков, которым удавалось победить Сами, можно было пересчитать по пальцам. Я обыграл его три раза, с незначительным перевесом, он же громил меня десятки раз. Сами не питал никакого уважения к студентам и буржуа. Всех нас он называл олухами и презирал с высоты своего внушительного роста. Общался он только с теми, кого считал ровней, ну и с некоторыми «простыми смертными». С Жаки, официантом из «Бальто», они были приятелями и «соотечественниками» по предместью. О Сами ходили всякие слухи, но пересказывали их шепотом у него за спиной. Кто-то называл его мелким проходимцем, другие уверяли, что он настоящий преступник, но никто не знал, насколько обоснованна эта дурная репутация. Ко мне Сами относился с симпатией – с тех пор как я выбрал «*Come On Everybody*»³³ в музыкальном автомате «Бальто», огромном «Вурлицере»³⁴, сверкавшем хромированными боками между двумя электрическими бильярдами. В тот день Сами дружески похлопал меня по спине и подмигнул, как своему. Время от времени, когда Сами попадались сильные противники, он брал меня в игру защитником. Я очень старался оправдать его доверие и всякий раз забивал два-три гола – мои удары трудно было парировать. В остальные дни Сами относился ко мне как ко всем

³³ Хит Эдди Кокрана (1938–1960) 1958 года. – Прим. ред.

³⁴ Десятки лет музыкальные автоматы американской компании «Wurlitzer» (1853) с торговой маркой «Музыка для миллионов» были точкой притяжения в любом баре или кафе.

другим «олухам», то есть с пренебрежением, и даже называл «великим олухом». Переменчивость Сами совершенно сбивала меня с толку. Если у меня появлялось немного денег, я бросал монету в автомат, и, как только начинали звучать первые аккорды гитарного блюза, Сами облегченно вздыхал и кивком приглашал меня занять место у себя за спиной. Вместе мы не проиграли ни одной партии.

«Бальто» был типичным овернским бистро. Маркюзю приехали в Париж из Канталя³⁵ после войны и практически жили в заведении, работая семь дней в неделю, с шести утра до полуночи. Альбер твердой рукой управлял семейным предприятием, о репутации которого пекся самым ревностным образом. Он всегда носил английские галстуки-бабочки, коих у него было великое множество, и всегда следил, чтобы бабочка сидела идеально. Если дневная выручка оказывалась хорошей, он довольно похлопывал ладонями по толстому животу и говорил:

– Вот они, денежки. Никто их у меня не отберет.

Определение «бонвиван» как нельзя лучше подходило папаше Маркюзю. Он часто говорил, что хочет вернуться в родные края и открыть свое дело в Орийаке или Сен-Флуре, но его жена, толстуха Мадлен, и слышать об этом не желала, ведь трое их детей тоже обосновались в парижском районе.

– В родной земле наежемся после смерти, нечего зажи-

³⁵ Канталь – департамент на юге центральной части Франции, один из департаментов региона Овернь. Административный центр – Орийак.

во хоронить себя, довольно и того, что мы проводим там отпуск.

Почти все продукты чета Маркюзо получала из Канталя. Их трюффад³⁶ славился на всю округу, его подавали к колбаскам из Керси – порции были такие огромные, что потом целых два дня не хотелось есть. Кое-кто не ленился приезжать с другого конца города, чтобы насладиться антрекотом по-салерски³⁷. Мамаша Маркюзо была искусной поварихой. Блюдо дня в ее исполнении всегда было таким ароматным и аппетитным, что гастрономические критики посвятили им целых три статьи в газетах (их вырезали, благоговейно вставили в золоченую рамку и повесили рядом с меню). Об овернцах говорят много гадостей, но супруги Маркюзо были щедры, благородны и обслуживали постоянных посетителей в долг, если те оплачивали счет в начале нового месяца и не пытались сменить быстро. Последнее, впрочем, было совершенно бессмысленно: овернский «беспроволочный телеграф» работал без сбоев, так что недобросовестногоплательщика тут же призывали к порядку.

Пространство за баром было вотчиной Маркюзо, в зале и на террасе царил Жаки. Он с утра до вечера принимал заказы, на лету передавал их патрону, тот готовил, Жаки устанавливал поднос тарелками, стаканами, бутылками и никогда ни-

³⁶ Запеканка из картофеля с тертым сыром канталь.

³⁷ Антрекот по-салерски со сливочным маслом и длинной зеленой фасолью, говядину сорта la salers вряд ли удастся найти за пределами Франции.

чего не ронял, подбивал любой счет по памяти с точностью до сантима, был улыбчив и внимателен к любому клиенту, за что получал щедрые чаевые. Больше всего в этой жизни Жаки любил футбол. Он был страстным болельщиком «Реймса»³⁸ и питал наследственную ненависть к парижскому «Рейсинг-клубу»³⁹, который именовал не иначе как «клубом гомиков», считая это худшим из оскорблений. Мир «по Жаки» был организован очень просто: все люди принадлежали либо к одному лагерю, либо к другому. Никому не следовало непочтительно отзываться о героях Жаки – Фонтéне, Пьянтони и Копá⁴⁰, которому он с трудом простил его измену. Если «Реймс» проигрывал «Рейсингу» или мадридскому «Реалу», даже болельщики этих команд не рисковали выступать слишком громко. Сами разделял страсть своего закадычного дружка Жаки и всегда играл в настольный футбол красными. Выиграв – а делал это Сами легко и красиво, – он молча, игнорируя поверженного противника, брал из пепельницы монету в двадцать сантимов и опускал ее в автомат, чтоб вер-

³⁸ «Реймс» – французский футбольный клуб из Реймса. Основан 18 июня 1931 года. Шестикратный чемпион Франции. Дважды доходил до финала Кубка европейских чемпионов и оба раза в финале проигрывал мадридскому «Реалу»: в 1956 году со счетом 3 : 4, в 1959-м – 0 : 2.

³⁹ Сообщество людей, объединенных одной целью – организацией различных видов гонок.

⁴⁰ Жюст Фонтен (р. 1933), Роже Пьянтони (р. 1931) и Раймон Копá (р. 1931) – игроки команды «Стад де Реймс» и знаменитые форварды сборной Франции по футболу с 1952 по 1961 год. Р. Копá в 1956 году изменил «Реймсу» и ушел в «Реал Мадрид». Вернулся в родную команду в 1959 году.

нуть свои шарики. В тех случаях, когда Сами приходилось поднапрячься ради победы, он издавал воинственный клич: «„Реймс“ сделает всех!»

«Бальто» был огромным бистро на углу двух бульваров. В той его части, что выходила на авеню Данфер-Рошро, посетители могли сыграть в настольный футбол и бильярд, здесь же стоял музыкальный автомат. Окна зала на шестьдесят мест смотрели на бульвар Распай. Как-то раз, совершенно случайно, я обратил внимание на дверь, замаскированную зеленой плюшевой занавеской. Этот вход – неизвестно куда! – был открыт только для пожилых мужчин, что выглядело странным само по себе, но еще более интригующим был тот факт, что оттуда никто не выходил. Я часто гадал, что там может находиться, но мне и в голову не приходило заглянуть в «тайную комнату». Никто из моих товарищей тоже ничего не знал, да их это и не интересовало. Если случалось долго ждать своей очереди, я устраивался с книгой на террасе, на солнышке, и Жаки меня не беспокоил. Он видел, как я расстроился, когда «Реймс» проиграл в финале «Реалу», и теперь считал меня больше чем клиентом. В те времена «Бальто», чета Маркюзо, Николя, Сами, Жаки и постоянные клиенты были моей второй семьей. Я проводил там уйму времени. Главное было успеть домой до возвращения мамы с работы. Я прибегал за несколько минут до семи, раскладывал на столе учебники и тетради, и родители заставляли меня за занятиями. Если мама опережала меня, приходилось врать

и изворачиваться: я клялся, что делал домашнее задание у Николя, и был вполне убедителен.

* * *

Я не расставался со своим «Брауни» и без конца фотографировал, хотя результат выходил посредственный. Персонажи терялись в кадре, выглядели статично, лиц было не различить. Мои снимки ни о чем не говорили зрителю. Иногда мне удавалось поймать какое-нибудь выражение или чувство, но это случалось очень редко – фотографу трудно оставаться незаметным.

Мне приходилось противостоять неожиданному врагу – моей сестре, которая была моложе на целых три года. Жюльетта не выбирала, к какому лагерю примкнуть, она была чистопородная, до кончиков ногтей Делоне. Шкаф маленькой кокетки ломился от одежды, но она утверждала, что ей нечего носить, и думала лишь о том, что надеть на выход. Жюльетта изумительно прикидывалась невинной дитяткой и добивалась от родителей всего, чего хотела. Мама полностью ей доверяла и часто спрашивала, действительно ли я вернулся домой к шести, как утверждал, и Жюльетта тут же меня закладывала.

Моя сестра была невероятной и неисправимой болтушкой, она могла говорить часами, не закрывая рта, так что собеседник успевал забыть, о чем, собственно, шла речь в

самом начале. С Жюльеттой невозможно было ничего обсудить или поспорить – она просто не давала вам возможности вставить хоть одно слово в ее монолог. Все над ней подсмеивались. Дедушка Филипп обожал внучку, но называл ее «моя маленькая словесная мельница» и запрещал открывать в его присутствии рот. Жюльетта его утомляла. А Энцо уверял, что у Жюльетты в животике поселилась болтливая старушка.

– Ты – *chiacchierona*⁴¹, как моя кузина Леа из Пармы.

Прозвище прижилось. Жюльетта его ненавидела и, если кто-то так ее называл, умолкала и надувалась, как индюк. Иногда Жюльетта заводила свой монолог в самом начале обеда и не умолкала, пока папа не хлопал ладонью по столу:

– Остановись, ты всех нас уболтала! Невозможная девчонка...

– Никакая я не болтушка! – возмущенно протестовала моя сестра. – Никто меня не слушает.

⁴¹ Болтушка (ит.).

Я терпеть не мог попусту тратить время, а единственным полезным занятием считал чтение. Никто из членов семьи не разделял моей страсти. Мама целый год читала «*Книгу года*»⁴², потом долго об этом говорила и слыла завзятой читательницей. Отец не читал вовсе и гордился этим.

У Франка в комнате были книги о политике. Дедушка Филипп питал уважение только к Полю Бурже⁴³ – он прочел его романы в молодые годы.

– Что бы там ни говорили, до войны книжки были куда интересней.

Филипп покупал подборки книг в лавочках на улице Одеон – не для чтения, а чтобы составить библиотеку, а вот я читал запоем, так сказать, за всю семью. По утрам я зажигал свет, хватал книгу и не расставался с ней целый день, чем ужасно нервировал маму.

– У тебя что, нет других занятий? – раздраженно вопрошала она.

Мама выходила из себя, если я ее не слушал, и не раз от-

⁴² Специально публикуемый список победителей литературной премии «Лучшие книги года», вручаемой ежегодно редакцией французского журнала «Читать».

⁴³ Поль Бурже (1852–1935) – французский романист («Ученик», 1889; «Демон полдня», 1914).

нимала у меня книгу, чтобы получить ответ на поставленный вопрос. Когда ей надоело по сто раз звать меня ужинать, она придумала действенный способ – выключала свет в моей комнате прямо из кухни. Я садился за обеденный стол с книгой, чем выводил из себя отца. Я читал в ванной, чистя зубы, и даже в туалете, и родственникам приходилось барабанивать в дверь, чтобы вытурить меня оттуда. Я читал на ходу. Дорога до лицея занимала пятнадцать минут – я из-за чтения тратил полчаса (а иногда и больше!) и выходил из дому заранее, но все равно часто опаздывал, за что меня оставляли после уроков. Я решил не объяснять болванам-учителям, что эти опоздания оправданны и неизбежны. Между тем мой ангел-хранитель исправно нес службу, защищая и направляя меня. Я ни разу не поцеловался со столбом, не попал на улице под машину и даже не вляпался в собачьи какашки. Я ничего не слышал и не видел, двигаясь на автопилоте, но благополучно добирался до лицея. Я читал почти на всех занятиях, положив книгу на колени, и ни один преподаватель меня не застукал. Если в книге попадалось особенно захватывающее место, я застывал на тротуаре и читал, забыв о времени, и неизбежно опаздывал на урок. Хуже всего были переходы – я мог так увлечься, что водителям приходилось жать на клаксон, чтобы заставить меня очнуться.

Я разделил писателей на две категории: тех, кто позволял добраться до лицея вовремя, и тех, кто заставлял опаздывать. За русских авторов меня то и дело оставляли по-

сле уроков. В дождь я укрывался под козырьком и продолжал читать. «Толстовский» период оказался черным месяцем. Бородинская битва стоила трех часов после уроков. Когда я объяснил воспитателю-диссертанту, что опоздал из-за самоубийства Анны Карениной, он принял это за издевку, а я усугубил ситуацию, признавшись, что не понял причину поступка героини и вынужден был перечитать несколько глав. Он наказал меня аж двумя четвергами⁴⁴: за энное по счету опоздание и за то, что «эта идиотка не заслуживает подобного внимания». Я не держал на него зла – наказание позволило мне дочитать до конца «Госпожу Бовари». Я никогда не бросал книгу, недочитав, хотя некоторых авторов понять было непросто. Я приводил в отчаяние родителей во время отпуска в горах и на море: меня интересовали только книги, а окружающие красоты оставляли равнодушным. Сотрудницы муниципальной библиотеки, находившейся напротив Пантеона, приходили в недоумение, когда я возвращал очередные пять книг намного раньше положенного срока. Весь их вид выражал недоверие, но мне не было до них дела: я продолжал методично дочитывать очередного автора, снимая с полки книгу за книгой. Я глотал произведения классиков, руководствуясь собственными литературными пристрастиями. Первым делом я всегда читал биографию романиста, и если мне не нравился человек – не нравилось и его произведение. Человек был для меня важнее его творче-

⁴⁴ Четверг во французских лицеях свободный от занятий день.

ства. Если оказывалось, что он прожил героическую или наполненную разнообразными событиями жизнь, его романы очень мне нравились; если же выяснялось, что он был мерзавцем или посредственностью, я читал его книгу без всякого удовольствия. Очень долго моими любимыми авторами оставались Сент-Экзюпери, Золя и Лермонтов – и не только из-за литературных достоинств их творчества. Я любил Рембо – у него была волнующе бурная жизнь, и Кафку – за то, что прожил жизнь так сдержанно и незаметно. Я не знал, как быть с тем фактом, что обожаемые мной Жюль Верн, Мопассан, Достоевский, Флобер, Сименон и многие другие писатели были теми еще мерзавцами. Как поступить – забыть об их существовании и никогда больше не читать? Сделать вид, что их вообще нет, когда их романы как будто специально для меня написаны? Как таким отвратительным особям удалось создать гениальные творения? Когда я пытался поговорить на эти темы с товарищами, они смотрели на меня как на ирокеза. Николя утверждал, что на свете достаточно достойных писателей и нечего терять время на тех, кто предал свое творчество. Он ошибался. В каждом шкафу имелся свой зловонный труп. Я решил поинтересоваться мнением преподавателя французского, и он в два счета доказал, что любой писатель, которого издают «Лагард и Мишар»⁴⁵, до-

⁴⁵ Имеется в виду известное издательство «Лагард и Мишар», публикующее элитные произведения французской литературы. Попасть в антологии, выпускаемые издательством, равнозначно всеобщему признанию.

стоин моего внимания, а руководствуясь критериями морали и гражданской доблести, пришлось бы «вычистить» девяносто процентов авторов. Анафему следует приберечь для совсем уж вопиющих случаев, которые не достойны ни изучения, ни «лагардимишардизации».

* * *

Решающим стало мнение дедушки Энцо. В одно из наших с ним «луврских» воскресений я поделился с ним сомнениями. Я только что узнал, что Жюль Верн был ярым антикоммунаром и одержимым антисемитом. Энцо пожал плечами и кивнул на окружавшие нас картины. Что мне известно о художниках, чьи работы вызывают трепетный восторг? Знай я во всех подробностях жизнь Боттичелли, Эль Греко, Энгра или Дега, закрыл бы глаза, чтобы не видеть их полотен? Неужто стоит заткнуть уши, чтобы не слышать музыку большинства композиторов или любимых рок-певцов? Пришлось бы жить в безупречном мире и умирать от скуки. Для Энцо, которого я не мог заподозрить в снисходительности, такой вопрос просто не стоял. Творения авторов для него всегда были на первом месте. Он сказал, что оценивать людей следует по их делам, понял, что не убедил меня, и добавил с улыбкой:

– Если человек прочел и полюбил роман, написанный негодяем, – это вовсе не означает, что он согласился с его

убеждениями или стал его сообщником. Признать талант не значит принять моральные принципы или жизненный идеал другого человека. Я бы не подал руки Эрже⁴⁶, но мне нравится Тентен⁴⁷. И потом, разве мы с тобой безупречны?

⁴⁶ Жорж Реми Эрже (1907–1983) – бельгийский рисовальщик.

⁴⁷ Тентен – персонаж и главный герой комиксов, придуманный Эрже.

В настольный футбол играли и в «Нарвале», быстро на площади Мобер. Николя жил совсем рядом, и мы ходили туда после занятий, чтобы не тащиться на площадь Данфер. Играли в «Нарвале» послабее, зато атмосфера, благодаря студентам из Сорбонны и лица Людовика Великого⁴⁸, была намного веселее и приятнее. К нам относились с опаской. Мы били все рекорды по продолжительности игры, часами оставаясь у стола. Некоторые посетители сами не играли, но делали ставки и потом угощали нас. «Нарваль» был вотчиной Франка и его приятелей, и он вечно отправлял меня во свояси – чтобы не мешал расслабляться. Я всегда подчинялся и «послал» брата только после того, как мы отпраздновали мое двенадцатилетие. Сам не понимаю, как мне хватило смелости. Подошла наша очередь. Играли мы синими, что уравнивало шансы. Передняя штанга проворачивалась недостаточно легко, но мне удался удар «туда-обратно»⁴⁹, и я сорвал аплодисменты. Один из болельщиков возьми да и скажи сидевшему в зале Франку:

⁴⁸ Лицей Людовика Великого – государственное учебное заведение. Основан в 1563 году орденом иезуитов и первоначально назывался Клермонский коллеж.

⁴⁹ Специальный метод удара в настольном футболе: очень быстро качнуть фигурку футболиста вперед, потом назад и снова вперед. Игрок, успевающий исполнить такой маневр, считается асом.

– А твой брат мастер!

Я знал, какотреагирует Франк – подойдет и устроит мне выволочку перед всеми игроками, – но продолжал забивать голы, не отвлекаясь от игры. Франк сверлил меня взглядом, постукивая пальцами по столу. Играл я в тот день с небывалым блеском, забивая гол за голом при почтительном молчании знатоков, а закончил партию подкатом под левого нападающего, чем поверг их в полный восторг. И тут Франк схватил меня за руку:

– Иди домой, Мишель!

Кое-кто насмешливо заухмылялся, решив, что «малыш» как миленький подчинится старшему брату и отправится «в стойло», но я внезапно взбунтовался:

– Ни за что!

Франк изумился:

– Ты оглох? Вали отсюда немедленно!

– А то что? – заорал я в ответ. – Ударишь меня?.. Настучишь родителям?

Франк не ожидал подобной реакции, но понял, что я не подчинюсь, пожал плечами и вернулся к друзьям. Время от времени я косился на их стол, но старший брат меня игнорировал. Нас выбили из игры возомнившие себя чемпионами новички. Никола жаждал реабилитироваться, но у меня кончились деньги, и он, недовольно ворча, отправился домой. Я недолго посидел на банкетке с Франком, а когда собрался уходить, он вдруг спросил как ни в чем не бывало:

– Что будешь пить?

Такого я не ожидал и задумался, опасаясь какого-то подвоха.

– У меня нет денег.

Тут вмешался сидевший напротив Франка Пьер Вермон:

– Я угощаю, дурачок. Выбирай, что хочешь.

Я заказал пиво с лимонадом и произнес тост за здоровье Пьера, отправлявшегося служить в Алжир. Его отсрочка истекла, и он был счастлив, что сумел пройти медкомиссию. Пьер работал воспитателем в лицее Генриха IV, в старших классах, и был нападающим в команде по регби Парижского университетского клуба⁵⁰. Учеников он иначе как «дурачками» не называл, что поначалу слегка напрягало. В течение двух месяцев до ухода Пьера в армию мы виделись каждый день и стали друзьями. Меня удивляло, что он, несмотря на разницу в возрасте, так ко мне относится. Возможно, все дело было в моем умении слушать. После Сьянс-По⁵¹ Пьер дважды не выдержал конкурс в ENA⁵², преуспев в письменном испытании и провалив «Большой устный»⁵³, чего нико-

⁵⁰ Французский клуб, базируется в Париже.

⁵¹ Институт политических исследований (Париж). – Прим. ред.

⁵² ENA (Ecole Nationale d'Administration – Национальная школа администрации) – французское элитарное государственное учреждение высшего послевузовского образования и повышения квалификации в подчинении премьер-министра Франции, созданное в 1945 году генералом де Голлем, чтобы «демократизировать» доступ к высшим должностям государственного аппарата.

⁵³ «Большой устный» – знаменитый 45-минутный диспут (часть вступительно-

гда прежде не случалось. Пьер не скрывал своих радикальных воззрений и решил посвятить жизнь делу революции. Непонятно, как директор лицея Генриха IV, вечно придиравшийся к внешнему виду учащихся, взял на работу Пьера — длинноволосого, с невзрачной бороденкой, всегда ходившего в черном вельветовом костюме и белом пуловере из крученой шотландской шерсти. Пьер отказался от мысли стать чиновником. Система его отвергла, и он проникся глубоким отвращением к любой организованной структуре, в том числе к семье, национальному образованию, рабочим профсоюзам, политическим партиям, прессе, банкам, армии, полиции и колониализму. По его мнению, всех придурков следовало истребить — в прямом смысле слова — физически. Пьера не пугала перспектива уничтожения чертовой прорвы народа. Его ненависть к религии и священнослужителям не знала границ, его ярость была глубинной и незамутненной.

— Всех этих придурков с их ужимками и прыжками слишком уж почитают. Вывать к ним — все равно что беседовать со стенкой. Их святыни ложны, мозги «растревожены». Религию и церковников нужно искоренить, и не говори мне, что они творят добро. Кто сказал, что атеист не может иметь моральных принципов?

Главным врагом рода человеческого Пьер считал чувства

го экзамена), в течение которого экзаменуемому могут задать любой вопрос, в том числе о взглядах, пристрастиях и личной жизни.

и их проявление.

– Никогда не показывай, что чувствуешь, иначе пропадешь.

Когда Пьер пускался в рассуждения, остановить его было невозможно. Он не принимал никаких возражений, даже аргументированных, говорил быстро, перескакивал с одного на другое, то и дело отклонялся от темы. Кое-кто считал, что Пьер наслаждается звучанием собственного голоса, хотя на самом деле у него было замечательное чувство юмора, он ничего и никого не принимал всерьез, и в первую очередь – себя. Чего я никак не мог понять, так это его отвращения к велогонке «Тур де Франс».

* * *

Пьер и Франк были лучшими друзьями – и яростными политическими противниками. Они все время спорили, цеплялись друг к другу, ругались, мирились и никогда не стеснялись в выражениях. Окружающим могло показаться, что Пьер и Мишель рассорились навек, а они минуту спустя весело хохотали над какой-нибудь шуткой. Я не понимал, за что коммунисты и троцкисты ненавидят друг друга, если защищают одних и тех же людей. Пьер орал, что он больше не троцкист, ненавидит троцкистов не меньше Франка, но теперь стал вольным революционером, без партийных пристрастий. Я присутствовал при этих разговорах двоих глу-

хих, не осмеливаясь вмешаться и чувствуя неловкость из-за яростных наскоков. Я понимал, что должен пройти свой путь, и часами следил за рассуждениями Пьера, соглашаясь с ним в том, что нужно разрушить прогнившее общество и выстроить на его обломках новое – здоровое и справедливое, хотя многие детали низвержения старых устоев и создания новых оставались тайной за семью печатями. Я получал удовольствие, слушая Пьера. Он говорил ясно и убедительно, а если я перебивал его и задавал вопрос – например, такой: «Почему эту войну называют холодной?» – раздраженно отвечал:

– Слишком долго объяснять, дурачок.

Я пребывал в сомнениях и неизвестности.

Сильнее всего на свете Пьер ненавидел законный брак.

– Это извращение должно исчезнуть без следа!

Для себя Пьер принял волевое решение: ни одна его любовная связь не будет длиться дольше месяца-двух, максимум – трех, за исключением «особых случаев». Я набрался смелости и попросил Пьера разъяснить.

– Все зависит от девушки. Однажды сам поймешь. Никогда не нарушай золотое правило трех месяцев, иначе тебя неизбежно поимеют.

Он бросал подружек ради их же будущего счастья.

– Это безнравственно, понимаешь? Мы возводим стены нашей будущей тюрьмы.

Две-три девушки всегда ходили хвостом за Пьером и вни-

мали ему, будто перед ними мессия. Я не сразу понял, что это его «бывшие». Может, они надеялись, что он передумает? Экс-возлюбленные не ревновали к «новенькой», не подозревавшей, что и ее срок отмерен и она очень скоро вольется в их дружные ряды. Пьер считал любовь вздором, брак – низостью, а детей – гадостью. В Китае вершилось грандиозное переустройство – революция, призванная повернуть ход истории, упразднив диктаторские законы рынка и пагубные отношения между мужчинами и женщинами. Изничтожение чувства, своего рода любовное прореживание, уже началось, вековой тирании брака скоро придет конец. Думаю, женщин Пьер любил сильнее, чем революцию, хоть и утверждал обратное.

Пьер был убежден, что большинству людей следует запретить размножаться: слишком уж плачевны результаты, достигнутые родом человеческим. Он надеялся, что научный прогресс и новые достижения биологии положат конец беспорядочному воспроизводству глупцов. Этот аспект своей теории Пьер до конца еще не продумал, но название для нее выбрал – «сенжюстизм», в честь великого революционера⁵⁴ и его лозунга: «Никакой свободы врагам свободы». Как следовало из пылких объяснений Пьера, во всех наших бедах виноваты демократия и всеобщее избирательное право, позволившее голосовать идиотам. Пьер хотел заменить республи-

⁵⁴ Луи Антуан Сен-Жюст (1767–1794) – военный и политический деятель Великой французской революции.

ку масс республикой мудрецов. Аннулировать индивидуальные свободы, установить коллективный порядок, чтобы будущее общества определяли самые компетентные и образованные его члены. Пьер рассчитывал, что в Алжире у него будет свободное время и он напишет главный, основополагающий труд на эту тему. И попробует найти альтернативу физическому истреблению оппозиции. Пьер чувствовал, что достичь своих целей, не став новым Сталиным, будет трудновато.

– Возможно, для большинства найдутся другие решения, но некоторых придется уничтожить – в назидание остальным.

Пьер владел уникальной коллекцией альбомов рок-музыки и дисков всех американских певцов. Всех, без исключения. Стоили пластинки безумно дорого, но Пьер никогда не жадничал и давал их слушать всем, кто просил. У Пьера было важное преимущество – он знал английский. Мы наслаждались музыкой и ритмом, схватывая время от времени одно-два слова. Смысл текстов от нас ускользал, но это было не важно. Пьер часто переводил в режиме реального времени, и мы изумлялись:

– Уверен, что он поет о своих синих замшевых ботинках?⁵⁵

⁵⁵ «Blue Suede Shoes» – 1 января 1956 года студия «Sun Records» выпустила свой новый хит – «Синие замшевые туфли» в исполнении Карла Перкинса. – Прим. ред.

Тексты так нас разочаровали, что мы решили больше не слушать переводов. Однажды Пьер сказал, что заполучил новый диск своего любимого певца Джерри Ли Льюиса, и мы пошли к нему домой, чтобы я мог взять пластинку и переписать на магнитофон. Раньше я у Пьера не бывал и думал, что он живет в жалкой комнатенке на восьмом этаже без лифта, а увидел огромную квартиру в доме на набережной Августинцев окнами на Нотр-Дам. Одна только гостиная была размером со всю нашу квартиру. Пьер как ни в чем не бывало передвигался по длинному лабиринту коридоров. Когда я начал восторгаться мебелью, Пьер небрежно бросил:

– Все это не мое, дурачок, квартира принадлежит предкам.

В одной из комнат стоял рояль фирмы «Шimmel», на котором Пьер творил чудеса: он ставил пластинку и виртуозно, в том же темпе, повторял на рояле пассажи Джерри Ли, хотя пел, конечно, хуже. У Пьера был один недостаток: он жаждал научиться играть в настольный футбол. В вечер моей стычки с Франком Пьер угостил меня пивом с лимонадом и захотел сыграть партию. Я составил пару с братом – впервые за все время, Пьер играл против нас, и это была ошибка. Франк следовал правилам, Пьер творил неведь что, используя пруткэ для «каруселей», что запрещено правилами, и громко хохотал. Я просил его остановиться, он не слушался, я нервничал, а он все сильнее расходилсЯ. Никудышный игрок.

Накануне зачисления в часть Пьер устроил отвальную для друзей. Он пригласил и меня, но Франк тут же сказал:

– Родители не позволят.

Я запротестовал – для проформы, но вечером все-таки сделал попытку.

– Мишель, тебе всего двенадцать! – вознегодовала мама.

Пришлось пустить в ход классические аргументы: я буду с Франком, мы вернемся вместе, рано, до полуночи, до одиннадцати, до десяти, только туда и обратно. Ничего не вышло. Папа, который обычно меня поддерживал, подлил масла в огонь, заявив, что ему разрешили выходить одному только в восемнадцать, когда они с Батистом уже работали. Видя, как я раздосадован, он решил меня утешить:

– Потерпи, пока не станешь взрослым.

Я сдался. После ужина все сели смотреть телевизор. Я делал вид, что наслаждаюсь чудовищно пошлой программой варьете. Франк ушел в девять вечера, выслушав мамино напутствие: «Возвращайся пораньше!» Я отправился спать, сделав вид, что обо всем забыл. Мама зашла пожелать мне спокойной ночи. Нерон спал, свернувшись клубком у меня в ногах. Она бросила взгляд на обложку лежавшей на тумбоч-

ке книги – это был «Проступок аббата Муре»⁵⁶, и я попытался затеять обсуждение, но она чувствовала себя усталой, не помнила, читала ли вообще этот роман, и велела мне засыпать. Я сразу послушался и выключил свет. Мама наградила меня нежным поцелуем. Я долго ждал в темноте, потом оделся и снова лег, напряженно вслушиваясь, но в квартире все было тихо. Нерон смотрел на меня, высокомерно-загадочный, как все коты. Я встал, стараясь не шуметь. Родители спали – я слышал, как храпит отец, на цыпочках прокрался в кухню, осторожно открыл заднюю дверь, вышел, запер ее на ключ, обулся и в полной темноте сбежал вниз, пересек пустой двор и просочился через холл, толкнул дверь подъезда, подождал несколько секунд... и, не оборачиваясь, тронулся в путь.

* * *

Ночной Париж. Красивая жизнь. Я чувствовал себя повзрослевшим на десять лет и легким, как ласточка. Меня поразила толпа на улицах и в барах. На бульваре Сен-Мишель было полно народу, выглядели все очень счастливыми. Я боялся, что на меня обратят внимание, «вычислят», но этого не случилось. Я выглядел старше своих лет и вполне мог сойти за студента. Я сунул руку в карман и поднял воротник

⁵⁶ Роман Эмиля Золя. – Прим. ред.

куртки. На набережной Августинцев с тротуара доносилась музыка. Карл Перкинс устраивал побудку рано отошедшим ко сну парижанам. Я позвонил в дверь. Открыла незнакомая молодая женщина – худенькая, с правильными чертами лица и коротко стриженными темными волосами. Ее карие глаза смотрели удивленно и чуть насмешливо. Она посторожилась, приглашая меня войти, я переступил порог, тут появился Пьер и представил нас:

– Ты знаком с моей сестрой, дурачок?

Я смешался, что-то пробормотал, а Пьер продолжил:

– Сесиль, это Мишель, лучший игрок Левого берега в настольный футбол. Вы похожи, он тоже все время читает. Сесиль пишет диссертацию⁵⁷ по филологии. Она обожает Арагона, можешь себе представить? Арагона!

Сесиль весело улыбнулась, развернулась и смешалась с толпой, танцующей рок под «Hound Dog»⁵⁸.

– Я не знал, что у тебя есть сестра.

Пьер приобнял меня за плечо и повел знакомиться с гостями, говоря всем, что я его лучший друг. За нами как приклеенные следовали две бывшие подружки Пьера и одна действующая, от него пахло спиртным, он курил купленную в Женеве кубинскую сигару и пускал дым мне в лицо. Пьер

⁵⁷ Во Франции понятие «диссертация» знакомо уже учащимся коллежа и лицея, это высшая ступень письменной работы после «резюме» и «объяснения текста»

⁵⁸ «Hound Dog» – песня Джерри Лейбера и Майка Столлера. Самой известной версией остается ремейк 1956 года в исполнении Элвиса Пресли.

жестом пригласил меня устроиться на подлокотнике кресла и выпить виски. Я отказался. Одна из бывших держала в руке бутылку, чтобы обслуживать Пьера по первому его требованию.

– Я очень рад, что ты пришел, Мишель, – сказал Пьер, внезапно став серьезным. – Могу я попросить тебя об услуге?

Я заверил, что сделаю для него все, что угодно. Пьер отправлялся в Алжир надолго и не знал, когда вернется. Не раньше чем через год, а может, даже позже, а отпуска в метрополию отменили. Пьер решил доверить мне свое маленькое сокровище, считая, что только я сумею его сберечь. Я запротестовал – слишком уж велика была ответственность, но Пьер не дал мне уклониться, похлопав ладонью по двум коробкам с пластинками. Пятьдесят два альбома. Импортные, американские, дорожные. Я онемел.

– Будет обидно, если они все это время пролежат без движения и никто ими не насладится. Я не собираюсь играть в национального героя. Останусь в армии, пока не напишу книгу, и демобилизуюсь при первой возможности! Вернусь через полгода – я уже придумал, как это сделать.

Я предложил составить список доверяемых мне сокровищ. Пьер категорически отказался – он знал названия пластинок наизусть.

– Я смогу одалживать их Франку?

Пьер затянулся сигарой, пожал плечами и повернулся,

чтобы уйти, но я повторил свой вопрос, и тогда он сказал:

– Да мне по фигу!

Я поклялся, что Пьер может полностью на меня положить-ся, а он вдруг спросил:

– Любишь фантастику, дурачок?

Вопрос застал меня врасплох, я не понимал, почему Пьер об этом спрашивает, и покачал головой – нет.

– Читал Брэдли?

Пришлось сознаться в своем невежестве. Пьер схватил книгу и сунул ее мне в карман:

– Лучший роман из всех, что я читал. Без прикрас.

Я взял в руки книгу и замер, потрясенный увиденным: Сесиль танцевала с Франком под сладенькую мелодию «Platters»⁵⁹ и они страстно целовались. Я переводил взгляд с парочки на Пьера, опасаясь, что он кинется на них и набьет Франку морду, но его, судя по всему, это только забавляло. Я запаниковал:

– Не злись на него.

Пьер не обратил внимания на мой лепет и окликнул парня, державшего в руках пластинку:

– Эй, завязывай с фокстротами, надоело! – Потом наставил на меня указательный палец и вынес приговор: – В новом обществе будут казнить тех, кто не танцует рок!

Буйная роковая мелодия нарушила очарование момента. К тому же Франк заметил меня, схватил за руку и начал тря-

⁵⁹ «Platters» – вокальная группа из Лос-Анджелеса, образованная в 1953 году.

сти:

– Черт, что ты тут делаешь?!

Пьер немедленно вступился за меня:

– Не приставай к нему! Сегодня мой день.

Франк был в бешенстве, но отстал. Подошла обеспокоенная Сесиль, и Пьер объяснил ей ситуацию.

– Не знала, что у тебя есть брат, – сказала она, повернувшись к Франку.

Он взял ее за руку и повел танцевать. Пьер допил виски и пробормотал, глядя в пустоту:

– Сегодня люди разговаривают, но не слышат друг друга.

Я присутствовал на первой в жизни вечеринке и чувствовал себя энтомологом, изучающим муравейник. Я даже выпил водки с апельсиновым соком, и у меня закружилась голова, после чего затянулся предложенной соседом сигаретой «Boyard maïs»⁶⁰ и едва не захлебнулся кашлем. Франк нарочито меня игнорировал, а Сесиль то и дело улыбалась уголками губ. Ближе к полуночи я решил, что пора возвращаться. Вусмерть пьяный Пьер лежал на диванчике, и я не был уверен, что могу забрать пластинки. Он решил сделать широкий жест, однако, протрезвев, скорее всего, передумает.

Я незаметно выскользнул из квартиры, успешно проделал обратный путь, осторожно открыл дверь и замер, прислушиваясь. Все было тихо. Родители спали. Я проник в освещен-

⁶⁰ «Boyard maïs» – сорт сигарет из кукурузной бумаги, любимые сигареты Жан-Поля Сартра.

ную лунным светом кухню, держа ботинки в руке, закрыл дверь на ключ, повернулся, чтобы идти в свою комнату, и тут щелкнул выключатель. Передо мной стояла мама. Для начала она отвесила мне такую оплеуху, что я крутанулся вокруг себя, а потом задала самую жестокую трепку в моей жизни. Она, видимо, очень испугалась и потому лупила от души, кричала и била – руками и ногами. Я свернулся клубком, съежился, а мама все никак не могла остановиться и наносила удары даже по голове. Досталось и папе, который пытался нас разнять. Ему пришлось приложить всю свою силу, чтобы она меня не покалечила. Потом у нее началась истерика.

– Подумай о соседях! – выкрикнул папа, и она тут же затихла.

Папа втолкнул меня в комнату. Дверь захлопнулась. Мама стенала и жаловалась на неблагодарность мужчин вообще и собственных сыновей в частности. Папа бубнил, что ничего страшного не случилось. Наконец они утомонились. Сердце у меня колотилось как сумасшедшее, щеки горели, задница болела. Я сидел в потемках, пытаюсь отдышаться, сна не было ни в одном глазу. Взбучка и суровые санкции – я не сомневался, что они последуют! – не заставили меня жалеть о сегодняшней выходке. Я вытащил из кармана книгу – прощальный подарок Пьера, зажег лампу и прочел название: «451о по Фаренгейту». Томик был не слишком толстый и, к счастью, не пострадал от припадка материнского гнева. Многие места были подчеркнуты рукой Пьера. Я начал чи-

тать, выбрав отрывок наугад:

«Девять дней из десяти дети проводят в школе. Мне с ними приходится бывать только три дня в месяц, когда они дома. Но и это ничего. Я их загоняю в гостиную, включая стены – и все. Как при стирке белья. Вы закладываете белье в машину и захлопываете крышку... Лучшие все хранить в голове, где никто ничего не увидит, ничего не заподозрит... В штате Мэриленд есть городок с населением всего в двадцать семь человек, так что вряд ли туда станут бросать бомбы, в этом городке у нас хранится полное собрание трудов Бертрана Рассела...»⁶¹

Некоторые параграфы Пьер снабдил примечаниями. По-черк был мелкий и неразборчивый, если не считать пометки к третьей части: «Все мы – Монтэги?!»⁶²

⁶¹ Перевод с английского Т. Шинкарь. См.: Брэдбери Р. О скитаниях вечных и о Земле. М.: Правда, 1987.

⁶² Гай Монтэг – главный герой культового романа Рея Брэдбери.

Следующие недели выдались трудными. Я стал кем-то вроде зачумленного, на которого все указывают пальцем. Семья и соседи считали меня малолетним мерзавцем, добрая, приветливая Мария – богохульником, осквернившим распятие. Консьержка мамаша Бурдон объявила меня пропащим, а ее муж – мелкая сошка в парижской мэрии – взял моду поучать, даже в мамином присутствии:

– Вытирайте ноги о половик, молодой человек, следует уважать чужой труд!

– Мсье Бурдон прав, Мишель, – подхватывала мама, – ты понятия не имеешь об уважении.

Колкости старого пужадиста так меня бесили, что свалившиеся на мою голову неприятности отступали на второй план. И я придумал отличный способ мщения: выходя на улицу, не пропускал ни одной кучки собачьего дерьма, а потом тщательно вытирал ноги о коврик Бурдонов. Меня лишили «четвергового» телевизора – я должен был сидеть в своей комнате и заниматься. Мария получила приказ звонить маме при первых признаках ослушания. Меня все время бранили, а я усугублял свое положение, отказываясь признать вину и быть тише воды ниже травы, за что лишился всех отвоеванных у взрослых прав и свобод. Мама снова провожала меня по утрам в лицей и забирала после занятий.

Я запаниковал и попытался найти защиту у папы. Он долго колебался, но в конце концов заявил – не вполне, впрочем, убежденно:

– Будет так, и никак иначе.

Закручивать гайки мама решила собственноручно. Она снова взяла дело моего образования в свои руки, но не учла, что это процесс двусторонний. Я же твердо вознамерился ни в чем не участвовать. Папа сказал, что может забирать меня после занятий – он часто освобождался раньше мамы, – получил категорический отказ и отступился. Франк попытался встать на мою защиту, но мама резко его осадила. Она не любила друзей Франка и считала, что в случившемся есть доля его вины. Мама всегда мило улыбалась, но домом управляла как предприятием клана Делоне и не терпела ослушивания. Сначала я надеялся, что распорядок дня не позволит ей успевать к концу уроков в лицее, но она договорилась с директором, что меня будут каждый вечер оставлять в здании до семи вечера. Прощай, футбол, прощайте, друзья. Заниматься усерднее я не стал, а появившееся время использовал для чтения. Пришлось, правда, отказаться от муниципальной библиотеки и брать книги в лицейской – скучной, составленной исключительно из томов, которыми учеников награждали в конце года за успехи в учебе.

Книга Пьера захватила меня. Начитавшись Брэдбери, я решил выбрать силовой вариант разрешения конфликта. Человек должен уметь сопротивляться, не капитулируя и не уступая, но принимая за должное диктат силы. Решение представлялось очевидным и простым. Я окажу пассивное сопротивление. Не буду с ними разговаривать. Ни с кем. Так я их накажу.

Я укрылся в раковине молчания и, если кто-то ко мне обращался, бурчал в ответ что-нибудь нечленораздельное. Каждый день мама заезжала в лицей Генриха IV, чтобы забрать меня после занятий. Я садился в машину и всю дорогу демонстративно игнорировал все ее вопросы. Гнетущая тишина согревала мне душу. За столом я не поднимал глаз от тарелки, наслаждаясь возникшей – по моей вине! – неловкостью. Доев, я молча вставал, отправлялся к себе и больше не показывался.

Вначале я с ними играл, а они и не догадывались. Как долго можно жить, не разговаривая с родителями? «Я сумею продержаться долго, они сдадутся первыми», – рассуждал я, храня молчание и радуясь новообретенной власти. Никогда не думал, что тишина способна вызывать такое беспокойство. Первым пострадал Нерон – ему не хватало общения, и он, к вящей радости Жюльетты, ретировался в ее комнату.

Через две недели я констатировал у себя некоторые признаки усталости. Папа с мамой ругались из-за меня, но никогда – в моем присутствии. Я упивался их жаркими спорами. Мама оказалась не готова к такой подрывной тактике. Я игнорировал ее намеки, тайные знаки и попытки примирения, наблюдал, как родители суетятся, разглядывают меня исподтишка, говорят обо мне как о больном. «Что, если причина его состояния не физического свойства?» – «Не показать ли его психологу?» Я не смог одурачить только Франка, и он давил на меня, требовал «перестать придушиваться».

Дедуля Делоне призвал на помощь одного из своих друзей, профессора медицины. Он пришел на воскресный обед и два часа собирал «удаленный анамнез». Жюльетта донесла, что я показался ему усталым и подавленным, и он порекомендовал занятия спортом и курс витаминов. Каждое утро мне стали подавать на завтрак свежавыжатый апельсиновый сок. Я наотрез отказался от предложения записаться в футбольную команду, а на любой вопрос пожимал плечами и уходил к себе в комнату читать.

Иногда ко мне присоединялась Жюльетта. Она садилась на кровать, Нерон пристраивался между нами, и сестра начинала описывать свою жизнь во всех подробностях. Я не отрывался от чтения и не слушал, зато Нерон внимал ей со всем кошачьим вниманием. Через час или два я говорил:

– Пора спать, Жюльетта.

Она умолкала, целовала меня в щеку и объявляла:

– Здорово бывает иногда вот так поболтать.

* * *

Однажды за ужином мама предложила сходить в воскресенье вечером в кино на «Форт Аламо»⁶³ с Джоном Уэйном. Об этом фильме говорили все вокруг, и мне ужасно хотелось его посмотреть. За много месяцев до выхода картины на экран я увидел рекламные афиши, влюбился в Дэви Крокета, и папа подарил мне шапку с лисьим хвостом из искусственного меха. Мама знала, как трудно мне будет устоять перед таким искушением. Папа притворился удивленным, воскликнул: «Потрясающая идея!» – предложил пообедать перед сеансом в «Гран Контуар» и пойти в кинотеатр на бульварах – громадный экран подарит незабываемые впечатления от фильма. Родители смотрели на меня и ждали ответа, я держал паузу, потом встал и молча вышел из-за стола. В дверях меня посетило вдохновение: я обернулся, открыл рот, но ничего не сказал, чтобы продлить удовольствие. Согласись я на этот поход в кино, мы бы помирились и получили удовольствие от фильма, но я, как истинный мазохист и любитель провокаций, решил довести ситуацию до крайности:

– На будущий год я хотел бы стать пансионером.

⁶³ Американский фильм (1960) о битве за форт Аламо во время Техасской революции (1836). Режиссерский дебют Джона Уэйна (1907—1979), который также выступил продюсером киноленты и сыграл одну из главных ролей.

Папа был поражен, у мамы рот приоткрылся от непонимания, даже Франк выглядел удивленным. Эффектная концовка, ничего не скажешь... Ответ родителей значения не имел, даже если бы мне с ходу дали согласие. Они смотрели друг на друга, не зная, как реагировать, потом мама спросила:

– Почему?

Я выдержал драматическую паузу и сказал:

– Чтобы больше вас не видеть.

Я ушел к себе – и не увидел «Форт Аламо» на панорамном экране. Утешало одно: родители тоже лишились этого удовольствия. Итак, я сидел и терзался сомнениями, готовый сдаться и молить о мире, но слышал, что родители спорят на повышенных тонах, только что не кричат. Раньше до такого не доходило. Потом папа удалился, изо всех сил шваркнув дверь, а мама вошла ко мне в комнату. Я сделал вид, что погружен в чтение «Удела человеческого»⁶⁴. Щеки у меня горели, сердце колотилось, я всеми силами пытался скрыть смятение. Мама присела на краешек кровати. Она смотрела на меня и молчала, а я уставился в книгу – и не мог разобрать ни строчки.

– Нам нужно поговорить, Мишель.

Я поднял голову:

– Почему вы не в кино?

⁶⁴ Роман (1933) Андре Мальро (1901–1976), французского писателя, культуролога, героя французского Сопротивления, идеолога Пятой республики, министра культуры в правительстве де Голля (1958–1969).

Мама была в полном замешательстве. Она смотрела на меня, пытаясь понять, что происходит, но логического объяснения найти не могла, ибо я действовал по наитию.

– Ты меня пугаешь. Продолжишь в том же духе – пропадешь. Загубишь свою жизнь. И я ничем не смогу тебе помочь.

Я оторвался от книги, сделав удивленное лицо, как будто только что ее заметил.

– Ты всерьез говорил о пансионе?

Я кивнул, мама покачала головой, с выражением горестного недоумения на лице:

– Что с тобой, Мишель?

Я с трудом удержался от смеха, мне хотелось сказать, что это была глупая шутка, что я так не думаю, но меня как будто черт под руку толкал.

– Предпочитаю отправиться в пансион. Так будет лучше для всех, разве нет?

Повернувшись к маме спиной и снова уткнувшись в книгу, я почувствовал, что она встала, но из комнаты не вышла, словно чего-то ждала. Я обернулся, мы встретились взглядом, но не произнесли ни слова. Я инстинктивно понимал: тот, кто откроет рот первым, проиграет. Я смотрел на маму без высокомерия и дерзости. В столовой зазвонил телефон, но трубку никто не снял. Они ушли. Мы остались вдвоем. Телефон все звонил и звонил, а мы смотрели друг на друга и молчали. Наконец звонок умолк, и в квартире снова стало

тихо. Мама занесла руку, я заметил, что пальцы у нее дрожат, но не шевельнулся. Она ударила со всего размаха, от души, и... выместила гнев на Мальро. Книга отлетела к стене. Мама потерла руку и вышла. Хлопнула входная дверь. Я остался один в пустой квартире. Снова зазвонил телефон, но я не взял трубку. В тот вечер Нерон решил, что наша разлука затянулась, и вернулся в мою комнату, на свое место в ногах кровати.

* * *

На следующее утро Мария объявила, что в лицей я отправлюсь один, не «под конвоем», и мама больше не будет забирать меня после занятий. Днем меня вызвал к себе Шерлок, наш главный надзиратель. Этот сухой угловатый человек был от природы наделен такой властью, что в его присутствии все невольно умолкали, переставали носиться по коридорам, а встретившись с ним взглядом, почтительно кивали. Он умел так посмотреть на любого ученика, что тот начинал чувствовать себя виноватым, хотя никто не слышал, чтобы Шерлок хоть раз повысил голос или накричал на провинившегося. Пьер Вермон очень его любил и называл одним из самых образованных людей на свете, ученым-философом, отказавшимся от преподавания ради административной работы. Шерлок вызвал меня, чтобы взглянуть на мой пропуск, он изучил его с явным недоверием, переводя взгляд

с разложенных на столе бумаг из личного дела на мое лицо.

– Ваши результаты далеко не блестящи, Марини, – произнес он наконец. – Особенно по математике. Если не одумаетесь, в следующий класс не перейдете. У вас остался последний триместр, чтобы исправить положение. Было бы досадно потерять имеющийся в запасе год.

Шерлок разорвал желтую карточку, подписал бледно-зеленую – это было разрешение на свободный выход из лица после окончания занятий, – прикрепил мою фотографию, поставил печать и протянул мне пропуск со строгим напутствием:

– Прекратите шлаться по бистро! Вам ясно?

В назначенный час никто за мной не пришел. Моим первым побуждением было кинуться в магазин и просить у мамы прощения, сказать, что я сожалею о том, как глупо себя вел, но потом решил все-таки отправиться домой. Никола удивился, когда я отказался пойти в «Бальто» или «Нарваль» поиграть в футбол. Я не стал посвящать его в беседу с Шерлоком, просто сказал, что должен немедленно засесть за учебники, иначе... Никола был сугубым реалистом и изложил свое мнение прямо и откровенно:

– Ты и математика несовместимы. Не морочь себе голову, на свете полно профессий, где можно обойтись и без нее.

Если Бог существует, Он знает, что я попытался. Приложил массу усилий. Потратил уйму времени. Франк тоже поучаствовал. Он испробовал все способы, чтобы вдолбить мне знания по чертовой программе. Ничего не вышло. В моем мозгу существовал не антиматематический блок – пустота. Мне казалось, что я начинаю что-то понимать, что лед тронулся, но, как только Франк переставал помогать, я увязал.

– Это совсем не трудно, – упорствовал брат. – Успокойся, возьми себя в руки. Любой болван способен решить эти примеры! У тебя должно получиться – и получится!

Мы занимались вечерами, по субботам, воскресеньям, в каникулы, но не преуспели. Когда Франк объяснял теорему, все казалось простым и ясным, но доказать ее самостоятельно я не мог. Два приятеля Франка тоже попытались, но вынуждены были признать очевидное:

– Не переживай. Требуется время и упорный труд.

Наступил день, когда сдался и Франк. Ему самому нужно было готовиться к экзаменам, и я не обиделся. Он сделал все, что брат может сделать для брата. Мы с математикой оказались несовместимы. Тут уж никто не поможет. Не в первый и не в последний раз в истории произошла необъяснимая вещь. Я предпочитал не думать о том, что случится,

если меня оставят на второй год. Поставил учебник математики на полку и присоединился к Николя. Будь что будет. Мы снова играли в настольный футбол. Терпели поражения. Выигрывали. Такова жизнь.

* * *

Как-то раз вечером Николя захотелось сменить обстановку, и мы отправились в «Нарваль» на площади Мобер. Я не был там три месяца с момента отъезда Пьера. Мне не хотелось столкнуться с Франком – он считал, что я корплю над Евклидом, гармонической четверкой прямых и уравнениями второй степени. Заметив нас с Николя у стола, он произнес многозначительным тоном: «Вот, значит, как...» Я притворился глухим и выместил досаду на соперниках. Вокруг стола толпились зрители. Во время одной из смен состава я украдкой взглянул на стол, за которым играл Франк, и обнаружил, что он ушел, даже не простившись. Кто-то положил мне руку на плечо. Я обернулся и увидел улыбающееся лицо Сесиль.

– Куда ты исчез?

Я понял, что Франк не посвятил ее в семейные неурядицы, поэтому не стал распространяться о недавних событиях и ответил уклончиво:

– У меня было... много работы.

Глаза Сесиль смеялись. Я «поплыл», вспотел и впервые

в жизни пропустил свою очередь играть. Николя, получивший нового партнера, наградил меня изумленно-недоверчивым взглядом, чем окончательно вывел из равновесия.

– Что будешь пить?

Мы пошли к стойке и заказали кофе с молоком.

– Не забыл, что Пьер оставил тебе пластинки? Сама я их к тебе не потащу.

Я хотел отказаться, привел уйму доводов, но Сесиль ничего не желала слушать. Я пообещал, что зайду как-нибудь в субботу и все заберу. На прощание она меня поцеловала, окутав легким лимонным ароматом духов. В ту ночь я плохо спал. Мария сказала, что не следует так поздно пить кофе с молоком.

В какой-то момент я почувствовал, что ситуация изменилась и мне следует быть начеку. Мама выглядела расстроенной и отстраненной из-за налоговой проверки: въедливый инспектор задавал коварные вопросы, на которые у нее не было ответов. Она тратила все силы и время на ликвидацию прорыва, опасаясь суровых санкций и штрафа. Папа исполнял функции коммерческого директора и ничего не понимал в управлении. Мама не упускала случая напомнить, что не может на него рассчитывать и вынуждена одна тянуть всю неблагодарную работу. Она часами говорила по телефону с Морисом, выслушивая его полезные советы. В День матери папа приготовил для нее огромный букет из тридцати девяти красных роз и зарезервировал столик в «Ла Куполь». Незадолго до полудня мама заскочила домой, я ее поздравил и показал папин букет. Она едва взглянула и поспешила вернуться в магазин, к аудитору, чтобы уладить детали очередной встречи с налоговым инспектором. Она даже не поблагодарила папу за цветы, а он сделал вид, что ничего не заметил, только назвал извергами чиновников-садивов, которые заставляют матерей семейств работать по воскресеньям. Он поставил букет в вазу прямо в упаковке, и мы отправились в ресторан, хотя настроение было безнадежно испорчено и аппетит пропал. Вечером мама так и не прикоснулась к цве-

там, даже целлофан не сняла. Через два дня букет завял, и Мария его выбросила.

* * *

В тот праздничный день я хотел сообщить маме, что перешел в четвертый класс, разумеется умолчав о вкладе в мой «успех» Николя. Я не обманывался на свой счет, но уговаривал себя, что важен только результат. Рассказать не получилось – ни тогда, ни потом. Мама ни о чем не спросила, она и мысли не допускала, что может быть иначе, а вот папа был горд и счастлив – сам он окончил только начальную школу. Он так радостно делился хорошей новостью с каждым соседом, как будто меня приняли в Политехническую школу, и решил сводить нас в кино. Мы с Жюльеттой хотели посмотреть «Путешествие на воздушном шаре», папа предпочитал «Бен Гура», но на него билетов не оказалось, и он смирился с «Путешествием». Очередь в кассы была длиннющая, папа попытался пролезть к окошку, но бдительные граждане оттерли его, да еще и обозвали нахалом. Мы дошли по бульварам до кинотеатра, где давали «На последнем дыхании»⁶⁵. Франк восторгался этим фильмом, но желающих попасть на сеанс было совсем мало, и, хотя кассирша заявила папе, что

⁶⁵ «На последнем дыхании» – дебютный полнометражный фильм Жан-Люка Годара. Одна из первых и наиболее характерных картин «французской новой волны».

«эта картина не для детей», он не внял ее совету. Их с Жюльеттой фильм разочаровал, и мы ушли, не досмотрев.

– Как Франку могла понравиться такая мура? – негодовал папа.

Я прикинулся дурачком, хотя знал ответ – меня фильм тоже покорило.

* * *

После сдачи экзаменов на степень бакалавра мы с Николя обрели желанную свободу и дни напролет торчали в Люксембургском саду – читали, били баклуши, вылавливали потерпевшие кораблекрушение кораблики из фонтана, а в конце дня отправлялись в «Бальто» играть в настольный футбол. Однажды я заметил в глубине ресторана, за банкетками, на которых обычно сидели влюбленные парочки, дверь, замаскированную зеленой плюшевой гардиной. Заветный угол, куда обычным посетителям хода не было. За таинственный полог входили только мужчины странного вида – и никогда женщины. Меня снедало любопытство, но ни один из футбольных партнеров ничего не знал, а папаша Маркюзо произнес обескуражившую меня фразу: «Ты еще мал для этой комнаты». Жаки носил туда напитки, но на все мои вопросы только плечами пожимал, а Николя досадливо отмахивался:

– И что ты прицепился к дурацкой двери?

– Эй, мелкота, играть будем? – надменно вопрошал Сами,

и жизнь возвращалась в привычную колею.

В конце июня случилось то, чего я так опасался: мы с Сесиль столкнулись нос к носу на бульваре Сен-Мишель. Избежать встречи было невозможно. Сесиль бросилась ко мне, она была возбуждена, говорила, не давая вставить ни слова в ответ, обрывала фразы, чем напомнила мне Пьера. Просьбу проводить ее до Сорбонны она произнесла не терпящим возражений тоном, подхватила меня под руку и увлекла за собой. Я был ошеломлен количеством студентов на лестницах факультета, здесь стоял такой гул, что приходилось кричать. Сесиль запаниковала, готовая сбежать, сжала мою руку, и мы поднялись на второй этаж. Она была ужасно бледная, но двигалась через толпу с гордо поднятой головой.

– Иди посмотри, Мишель, прошу тебя, – жалобно попросила она.

Перед стендами со списками принятых толпились абитуриенты. Одни победно вскидывали руку, другие сокрушенно качали головой, девушки плакали. Я пролез к доске и начал искать фамилию Сесиль, толкаясь локтями и плечами, чтобы меня не оттеснили, совершенно уверенный в успехе, и наконец нашел, что искал: «Сесиль Вермон: принята, оценка „достаточно хорошо“». Я не без труда выбрался из плотного кольца победителей и проигравших, увидел, что Сесиль стоит с закрытыми глазами, прокричал:

– Тебя приняли! – и кинулся к ней.

Мы крепко обнялись. Я чувствовал на шее горячее дыхание Сесиль и аромат ее тела. Мне показалось, что наше объятие длилось вечность, даже голова закружилась. Никакая, даже самая бурная радость по поводу успешной сдачи экзаменов не объясняет столь долгого, на несколько секунд дольше положенного, объятия... Я прижимал Сесиль к себе, наслаждаясь ее близостью и чувству невероятную нежность. Она взяла мое лицо в ладони и прошептала:

– Спасибо, маленький братец, спасибо тебе.

В тот день она назвала меня так впервые, чем привела в совершенный восторг. Поцелуй в щеку заставил мое сердце колотиться как бешеное. Мы шли к выходу с факультета, и окрыленная успехом Сесиль смеялась, пританцовывала, целовала всех подряд, утешала неудачников. Она представляла меня окружающим по имени. У многих на лице появлялось недоуменное выражение, они смотрели нам вслед, но мне было все равно – я чувствовал себя легким, как воробышек, и не заметил, как мы оказались на площади. Собиравшиеся группками абитуриенты обсуждали результаты. Сесиль заметила Франка, он все понял по ее счастливому лицу, протянул к ней руки, закружил. Потом мы зашли в кафе, где было не протолкнуться от посетителей, и выпили за успех Сесиль. Она без умолку говорила об экзаменах и тех скользких местах, которых ей удалось избежать. Перебить Сесиль было невозможно, да мы этого и не хотели. Корот-

ко стриженная, по-мальчишечьи угловатая, она очень напоминала нам Джин Сиберг⁶⁶, была такой же красивой, яркой, грациозной и хрупкой, как кинозвезда, только с темными волосами и карими глазами.

Сесиль решила, что я должен немедленно забрать оставленные мне Пьером пластинки, не пожелала слушать наши с Франком возражения, и мы оказались в огромной квартире на набережной Августинов, которая могла бы показаться мрачной, не цари здесь радующий душу и глаз беспорядок. Сесиль не делала уборки со дня прощальной вечеринки Пьера: пустые бутылки, стопки книг на полу, окурки в пепельнице, грязные тарелки, картины, составленные в ряд у стены, странным образом оживляли пустое и слишком просторное для одного человека жилище. Сесиль освободила диван, сбросив одежду на пол, и мы сели. Она проверяла шкафы и чертыхалась: «Ну что за бардак!» – возвращалась в комнату и снова исчезала. Франк обнял меня за плечи:

– Я слышал, фильм вам не понравился?

– Мне очень понравился. Но не папе с Жюльеттой. Они не поняли, что ты в нем нашел.

⁶⁶ Джин Сиберг (1938–1979) – американская киноактриса. Много работала в Европе, в основном во Франции у Жан-Люка Годара, Клода Шаброля и других режиссеров, стала одним из символов «французской новой волны».

— ...Я люблю девушку с прелестным затылком, красивой грудью, чудесным голосом, изящными запястьями, дивным лбом и классными коленками... — задумчиво произнес Франк, криво улыбнулся, и я вдруг заметил, что глаза у него на мокром месте.

Появилась Сесиль с коробкой пластинок. Их было слишком много, я колебался, не зная, могу ли взять все, и Сесиль сочла нужным уточнить:

— Пьер не дарит их тебе — дает попользоваться.

Видя, что не убедила меня, она взяла из пачки перетянутых резинкой писем последний конверт, открыла его и прочла:

Милая моя Сесиль!

Каникулы продолжаются. Погода стоит идеальная. Ночью мы мерзнем на нашем посту в Сук-Ахрасе. Линия Мориса оказалась дырявой, как сито, и ее продублировали линией Шалля. Сделано на совесть — проволока на всем протяжении под током в пять тысяч вольт, а в отдельных местах — до тридцати тысяч. Лучшие не трогать. Я работаю на пару с парнем из «Электрисите де Франс», он здорово разбирается в высоком напряжении, так что, если после армии не попаду на госслужбу, пойду по электрической части. Каким бы невероятным это ни выглядело,

французская армия извлекла уроки из прошлых ошибок. С тяжеловесными «непреодолимыми» укреплениями в стиле линии Мажино покончено, линия Шалля – обычное заграждение, главное ее назначение – обнаруживать прорывы, и функционирует она дьявольски быстро и четко. Наша система позволяет определить, где произошел обрыв, послать туда наряд и предотвратить проникновение со стороны Туниса. Как только поступает сигнал тревоги, мы запускаем осветительные ракеты. Благодаря радарам и колючей проволоке на нашем участке стало даже слишком спокойно. Уже много недель ничего не происходит, как в «Пустыне Тартари»⁶⁷. Я чувствую себя лейтенантом Дрого, только поговорить не с кем. Буццати написал потрясающую книгу, но в его форте нереальное число интеллектуалов на метр квадратный. У нас здесь настоящая жизнь, тупиц – море. Мы все время смотрим в направлении «перед собой». Они там. Вот только неизвестно, где именно. В пределах видимости одни кусты и камни. Возможно, они где-то в другом месте. Мы целыми днями ждем появления типов из Фронта национального освобождения Алжира и умираем от скуки. Я часами наблюдаю за радарами, но пока что все сигналы тревоги оказывались ложными – «прорывались» к нам только кабаны. Тоже неплохо, отличная добавка к рациону... Большие всего меня

⁶⁷ «Пустыня Тартари» (1976) – фильм итальянского режиссера Валерио Дзурлини. Экранизация одноименного романа Дино Буццати. Главный герой романа – лейтенант Джованни Дрого.

достаёт то обстоятельство, что я меняю убеждения. Я был уверен, что мы мерзавцы, считал, что народ против нас и жаждет независимости. Каждый излагает собственную теорию, взгромоздившись на трибуну. Видела бы ты, что творится в деревнях! Армия трудится не покладая рук, так что не верь идиотским слухам. Теперь я начал понимать, что к чему. Выбор приходится делать между плохими и очень плохими решениями. Мало кто напел в этой жизни так много глупостей, как я. Разве что Франк. Но это было в Париже, в другой жизни. Здесь все иначе. Это не треп в бистро, а реальное дело, которое не сделаешь, не запачкав рук. Я никак не могу договориться сам с собой, иногда думаю, какого черта мы здесь делаем, но понимаю: если уйдем, начнется та еще заваруха. Наш противник настроен более чем серьезно, но на открытое столкновение не решается – знает, что мы отлично вооружены.

Сенжюстизм обретает форму. Я исписал две тетради – нашел их в школе по соседству, которая вот уже год как закрыта. Моя убежденность в том, что демократия – чистой воды жульничество, крепнет день ото дня. Придется разрушить все до основания без лишних слов, невзирая на лица. Личные свободы – обман и химеры. Зачем человеку свобода слова, если он получает нищенскую зарплату и жизнь у него собачья? Ты самовыражаешься, ты наделен так называемыми фундаментальными

свободами, но твое существование ни к черту не годится. В мире происходили войны и революции. Менялись правительства. Но ничего не меняется. Богатые остаются богатыми, бедные – бедными. Эксплуатируют всегда одних и тех же. Единственная необходимая гражданам свобода – это свобода экономическая. Нужно вернуться к фундаментальному принципу: «Каждому по способностям, каждому – по потребностям». Сегодня, как никогда раньше, единственная реальная власть есть власть экономическая, ее нам и нужно вернуть себе. Силой. И ничего, что снова придется физически устранять представителей старого режима. Мы останемся пустыми болтунами, если не совершим новую революцию, не казним тех, кто узурпировал экономическую власть. Выборы – ловушка для тупиц.

Мне не терпится узнать, как ты сдала экзамены. Уверен, у тебя все получилось в лучшем виде. Как всегда. Ты должна научиться верить в себя. Напиши, как только узнаешь результат. Этот маленький дурачок Мишель забрал пластинки? Не понимаю, почему он тянет. Если не хочет, тем хуже для него, но никому, кроме Франка, ничего не отдавай. И кстати, пластинки – не подарок, я их просто одалживаю, на время...

– Он называет тебя «маленьким дурачком», но не со зла, ты ведь понимаешь? – решила подбодрить меня Сесиль.

Брать все пластинки я не стал – отобрал тридцать девять штук. Составлять список Сесиль не пожелала:

– Не морочь себе голову, сам отдашь все, когда Пьер вернется. Это не подарок.

Еще шестнадцать пластинок из собрания Пьера я мог в любой момент обменять на те, что прослушал. Письмо произвело на Франка неприятное впечатление, он явно расстроился и решил поучить меня жить:

– Ты бы лучше математикой занимался, чем слушать рок. Куда подевалась твоя решимость? Испарилась? Ты отступил-ся? На будущий год завалишь экзамены и будешь жалеть всю жизнь. Пьер прав, ты просто маленький дурачок.

Я с трудом сдержался, чтобы не накинуться на него. Сесиль встала на мою защиту. У нас с ней было общее свойство – аллергия на математику. Неискоренимая заторможенность и глубинное непонимание. Пьер бился над проблемой годами. Испробовал все средства и способы. Орал. Тряс сестру как грушу. Тщетно. Сесиль «сорвалась с крючка», подавшись в гуманитарии.

– Ты этого хочешь? – не успокаивался Франк. – Будешь филологом.

Сесиль бросила на него не слишком приветливый взгляд. Они поругались – из-за меня, математики, гуманитарного диплома. Спор начался на повышенных тонах и очень скоро перешел в крик. Они лаялись, как цепные псы, потом Франк ушел, хлопнув дверью. Сесиль была обижена и расстроена.

Я тоже. Мы сидели на диване и молчали. Думали, что Франк вернется, но ошиблись.

– Почему все так? – прошептала она.

– Не злись на Франка. Мой брат бывает слишком прямолинейным, может много чего наговорить, но он так не думает.

– Я не о нем, маленький братец. Я о математике. Мы совсем ничего не соображаем. Это ненормально.

– Такова наша природа. Ничего постыдного тут нет. Почти все математики ни фига не смыслят в литературе и гордятся этим.

Мои объяснения не убедили Сесиль. Она уперлась – и ни с места. Мои доводы казались неубедительными мне самому. Пришлось отступить. У нас была общая проблема, ее следовало решать совместными усилиями. Раз человек, способный к математике, не может научить тупицу, возможно, это получится у двух болванов, если они будут учить друг друга. Именно такое решение предложила Сесиль. Она не могла смириться с провалом. Я сомневался – хромой, выходящий на беговую дорожку на двух костылях, не станет лидером, – но сопротивляться не мог.

– Отличная идея, – сказал я, покрывив душой, и принял предложение вместе заниматься математикой.

Когда я принес пластинки домой, мне устроили допрос с пристрастием. Мама хотела знать, откуда они взялись, кто и с какой стати мне их дал, ведь ей никто никогда ничего просто так не дарил – ни пластинок, ни чего-то другого. Франку удалось ее успокоить. Мама приняла решение: слушать пластинки я могу, но приглушив звук, чтобы не беспокоить соседей. В отношении рок-н-ролла это было чистой воды извращением. Я много раз брал проигрыватель и пластинки и шел к Николя. Он жил в новом доме, и мы могли наслаждаться песнями Элвиса и Джерри Ли Льюиса, врубая звук на полную мощность, до гула в ушах. Уходя домой, я всегда забирал пластинки с собой, помня данное Пьеру обещание. Потом мне улыбнулась удача: соседи снизу переехали и их квартира несколько месяцев пустовала. Теперь я мог слушать любимую музыку «по-человечески», то есть очень громко, а перед возвращением мамы убавлял звук. Рок-н-ролл действовал на меня как глоток кислорода в удушливой монастырской атмосфере. Так мы и жили. Я часами лежал на кровати, гоняя пластинки по кругу, слов не понимал, но знал их наизусть. Мария на музыку не реагировала. Жюльетта сочла своим долгом высказаться. Она обожала варьете и Жильбера Беко, но в конце концов сдалась и влюбилась в рок. Он оказывал на мою сестру волшебное действие – она умолкала.

Мы слушали пластинки на предельной громкости – только так эту музыку и можно слушать. Если раздавался звонок в дверь, мы убирали звук, и соседка с пятого этажа, явившаяся узнать, не от нас ли доносится «этот ужас», уходила ни с чем – в квартире царила полная тишина.

Жюльетта проявила себя неожиданным образом. Выяснилось, что в искусстве вранья она превосходит даже меня, хотя я в этом деле был мастером. Она выглядела такой невинно-простодушной, что заподозрить ее в нечестном поступке было бы верхом нелепости. Жюльетта делала изумленное лицо, глаза у нее округлялись, губы приоткрывались, и она начинала жаловаться на адский шум. Никто на свете никогда бы не усомнился в правдивости ангельского создания. Каждое воскресенье Жюльетта ходила к мессе, исповедовалась по четвергам, была любимицей кюре. Я не удержался и поддел ее:

– А что говорит отец Странó? Ты каешься во вранье?

В ответ она только загадочно улыбалась. У Бардона и некоторых соседей были подозрения на мой счет, и Жюльетте пришла в голову гениальная идея. В мое отсутствие она включала проигрыватель на полную громкость, а я шел к Бардону жаловаться: «Как же этот грохот мешает заниматься!»

– Просто невысказуемо! Даже дома нет ни минуты покоя.

Жюльетта не раз предупреждала меня о внезапном возвращении нашей матери. Так продолжалось довольно дол-

го. Странно, но этот невинный обман еще больше отделил нас друг от друга. Моя ложь не имела значения – мужчина должен уметь устраиваться, чтобы выжить, но тот факт, что маленькая девочка – воплощенная чистота – может так нагло притворяться, внушил мне сомнения насчет человеческой души. Если Жюльетта способна врать так ужасающе искренне, что даже я хочу ей верить, откуда мне знать, когда она говорит правду? Кому вообще можно доверять? Лично я больше не мог доверять никому. Ужасное открытие...

В «Бальто» было полно народу. Вокруг футбольного стола собралось человек десять. Я был в блестящей форме. Соперники сменяли друг друга, но были бессильны. Мы по всегдашней привычке играли, не поднимая глаз, поэтому сначала я заметил кожаные браслеты, потом услышал хриплый голос:

– Привет, мелкота. Делаем успехи?

Самé бросил жетон на сукно. Вид у него был до ужаса самодовольный. Мы с Николя переглянулись, полные решимости разгромить его в пух и прах. Рискóвым парнем был сейчас не он, и мы собирались это доказать, я перешел в полузащиту. Николя сыграл лучшую партию в своей жизни. Он отбивал почти все удары, блокировал Самé, чем ужасно его нервировал, забил четыре гола с дальней позиции и три – от борта. А я вот не блистал, Самé предугадывал все мои действия. Я забил один жалкий гол в тот момент, когда он только взялся за ручки. Гол был на грани фола, но Самé великодушно не стал его оспаривать. При матчболе он сыграл так стремительно, что мы не успели заметить, как белый шарик влетел в ворота. Раздался металлический звук – щелк! – Самé произнес: «Бывайте, олухи!» – и исчез. Николя ужасно на меня разозлился. Мало того что Самé задал нам трепку, как жалким новичкам, так теперь еще и придется почти час

ждать следующего подхода. Он предложил сыграть партию в бильярд, приблизился к столу, а я выскочил на террасу, чтобы прийти в себя, остыть и почитать.

* * *

Прямо напротив меня, в глубине, за банкетками, находилась заветная дверь за зеленой портьерой. Оттуда вышел Жак с подносом пустой посуды. Я отодвинулся еще дальше в угол, и он прошел мимо, не заметив меня. Плохо выбритый человек в поношенном грязном плаще исчез за дверью, и я удивился: почему он так странно одет, ведь дождя не было много недель? Движимый любопытством, я отодвинул портьеру и увидел сделанную от руки надпись: «Клуб неисправимых оптимистов». Замирая от волнения, я сделал шаг вперед и изумился, поняв, что попал в шахматный клуб. Человек десять мужчин были заняты игрой, с полдюжины других наблюдали. Одни сидели, другие стояли. Остальные разговаривали тихими голосами. Неоновые лампы освещали комнату с двумя окнами на бульвар Распай. Папаша Маркюзо использовал это помещение как склад, он держал здесь столики, складные стулья, зонтики, ободранные банкетки и ящики из-под бутылок. Двое мужчин сидели в креслах и читали иностранные газеты. Никто не обратил на меня внимания.

Удивил меня не сам клуб, а сидевшие за шахматной доской в прокуренной задней комнате популярного бистро

Жан-Поль Сартр и Жозеф Кессель. Я видел их по телевизору и знал в лицо. Настоящие знаменитости! Я был потрясен. Сартр и Кессель смеялись и шутили, как школьники. Я потом часто спрашивал себя, что могло их так рассмешить, но так и не нашел ответа на свой вопрос. Имре, один из столпов клуба, всегда говорил, что Сартр – полный профан в шахматах, что ужасно веселило остальных членов клуба. Не помню, сколько времени я стоял в дверях и разглядывал людей в комнате. Ни один из них даже не посмотрел в мою сторону. Потом за мной пришел Николя:

– Наша очередь.

Он не знал о существовании шахматного клуба, да и знать не хотел. Имена Кесселя и Сартра ничего ему не говорили. Телевизора в его доме не было, чтением он не увлекался.

– Я больше не хочу играть.

– Ты сдурел? – изумился Николя.

– Пойду домой.

* * *

Я поспешил рассказать обо всем Франку и Сесиль. Лучше мне было промолчать, потому что они снова поругались. Для начала я немного поинтриговал – заставил их угадывать. Они перебрали кучу имен знаменитостей. Франк пришел к выводу, что это интеллектуалы-шахматисты, вычислил Сартра и был потрясен. До Кесселя они не додумались

– им просто в голову не приходило, что эти двое могут вместе играть в шахматы, шутить и смеяться. Проблема заключалась в одном: для Франка Сартр был высшим авторитетом, Сесиль же обожала Камю⁶⁸, которого Франк терпеть не мог. Я тогда не знал, что между Сартром и Камю следовало выбирать – как между «Реймсом» и парижским «Рейсинг-клубом», «рено» и «пежо», бордо и божоле, русскими и американцами, причем выбор делался раз и навсегда. Видимо, между двумя интеллектуалами существовали серьезные разногласия, иначе Франк и Сесиль не перешли бы так сразу на повышенные тона. Некоторые тонкости их разговора от меня ускользнули. Франк и Сесиль пытались переубедить друг друга, пуская в ход одни и те же аргументы. Звучали слова: «ограниченный», «история», «сообщник», «слепец», «трезвость взглядов», «непорядочность», «трусость», «мораль», «вовлеченность», «сознание». Победу одержала Сесиль: ее страстность и напор не позволяли Франку вставить ни слова. В конце концов он вышел из себя и рявкнул:

– Ты всегда была морализаторствующей мещанкой, ею и останешься! Как Камю.

Сесиль разозлилась, но ответила очень спокойно:

– А ты всегда был и останешься жалким претенциозным придурком. Как Сартр.

Франк ушел, хлопнув дверью. Мы с Сесиль остались

⁶⁸ Альбер Камю (1913–1960) – французский писатель и философ, близкий к экзистенциализму, получил нарицательное имя при жизни – Совесть Запада.

ждать. Он не вернулся, но она на меня не разозлилась. Я попытался утешить ее и заступиться за Франка. Для нее этот спор был делом принципа. Чем-то жизненно важным, перво-степенным. Я сказал, что я против такой принципиальности.

– Оставим эту тему. Он не прав, – ответила она и протянула мне толстую книгу, одну из тех, что были уложены в стопки на полу гостиной.

– «Человек бунтующий», Альбер Камю.

– Вряд ли я пойму.

Она открыла книгу, и я прочел первую строчку: «Кто такой человек бунтующий? Тот, кто говорит „нет“». Мысль не показалась мне сложной, и я заинтересовался. Означает ли это, что я тоже взбунтовался?

– Прочти, сам все поймешь. Читательность Сартра раздражает их сильнее всего. А еще светлый ум. Они ненавидят Сартра, потому что он прав, хотя я не во всем с ним согласна. На мой вкус он слишком человечен. Иногда следует быть более радикальным. Понимаешь?

Вечером, за ужином, я не смог удержаться и спросил:

– Угадайте, кого я сегодня видел за шахматной доской?

Франк сделал мне «страшные» глаза, но я его проигнорировал и все рассказал. Папа пришел в восторг и счел нужным пояснить маме, что Сартр – известнейший философ-коммунист.

– Он не коммунист, а экзистенциалист.

Этот нюанс был недоступен папиному пониманию.

– Не вижу разницы.

– Очень жаль, что не видишь!

Мама воззвала к Франку, и он подтвердил:

– Сартр близок к коммунистам, но в партию не вступил.

Он прежде всего интеллеktуал.

Папа предпочел уйти от скользкой темы и вознамерился объяснить Энцо тонкости игры, хотя чаще всего проигрывал ему. Энцо слушать не пожелал:

– Хочу напомнить – в нашей последней партии я поставил тебе мат.

– Давно, после войны. Пожалуй, мне стоит на днях заглянуть в этот клуб.

Мамин взгляд означал, что ей эта идея совсем не нравится, и я понял, что приближается гроза.

– А ты что делал в том бистро? Сколько раз я просила тебя не болтаться без дела? Ты, похоже, забыл об отметках по математике, иначе не вел бы себя подобным образом! Я запрещаю тебе таскаться по сомнительным заведениям! Все ясно?

Произнеся эту гневную тираду, мама вышла. Франк злобно осклабился, а папа попытался меня утешить:

– Будет так, и никак иначе.

Вот так я в один день открыл для себя Кесселя, Сартра и Камю.

Конечно, я туда вернулся. Открыл дверь. Постепенно познакомился с членами клуба. Все они были выходцами из Восточной Европы. Венгры, поляки, румыны, немцы из ГДР, югославы, чехословаки, русские – о, простите, советские граждане, – один китаец и один грек. Большинство страстно любили шахматы. Двое или трое терпеть их не могли, не играли и все-таки каждый день приходили в «Бальто». Больше им некуда было пойти. Венгры предпочитали карты: правила знали только они, никто другой постичь их был не в состоянии. На столике в углу лежали шашки, но прикасались к ним только Вернер и папаша Маркюзо. Когда кто-нибудь хотел поддеть партнера, говорил, кивая на стол:

– Шахматы – слишком сложная игра, может, переключишься на шашки?

У всех членов клуба много общего. Они бежали из родных стран при драматичных или фантастических обстоятельствах, оставались на Западе во время командировки или дипломатического визита. Одни никогда не состояли в компартии и годами скрывали от окружающих свои истинные взгляды. Другие были коммунистами первого призыва и очень долго истово верили, что действуют во имя всеобщего блага, а потом осознали весь ужас системы и обнаружили, что попали в собственную ловушку. Некоторые оста-

вались коммунистами, хотя родная партия от них открестилась, а ФКП не пожелала принять предателей в свои ряды. «Они хуже предателей, – утверждал Франк. – Они – ренегаты!» Эти самые «ренегаты» вели бесконечные споры, искали самооправдания и задавались вопросами без ответов: «Почему ничего не вышло? Где мы допустили ошибку? Что, если Троцкий был прав? Во всем виноват Сталин или мы его подельники, читай – чудовища? Мы тоже виноваты?» Худшим из всех был вопрос о том, не является ли социал-демократия решением проблемы. На эту тему велись самые жаркие и злые споры. Страсти утихали только из-за языковых различий. Игорь, один из двух основателей клуба, предписывал всем говорить только по-французски и то и дело одергивал товарищей:

– Мы во Франции, значит говорим по-французски. Хочешь говорить по-польски, возвращайся в Польшу. Я – русский. Я хочу понимать твои слова.

* * *

Они выбрали свободу, покинув жен, детей, семьи и друзей. По этой самой причине в клубе не было женщин. Своих спутниц они оставили на родине. Они были тенями, париями – без денег, с дипломами, которых никто не признавал. Жены, дети и родина жили в их памяти и сердцах. Они хранили им верность. Редко говорили о прошлом, занятые тем, что-

бы заработать на жизнь и найти в ней хоть какой-то смысл. Уйдя на Запад, они отказались от удобных домов и успешной карьеры. Они не думали, что день завтрашний окажется таким невыносимо трудным. Некоторые за несколько часов превратились из высокопоставленных функционеров и руководителей крупных предприятий в бездомных бродяг, и это падение было столь же невыносимым, как одиночество и ностальгия. Многие находили политическое убежище во Франции, помыкавшись и постранствовав по миру. Здесь было куда лучше, чем в отвергших их странах, здесь была родина прав человека, конечно, если ты умел помалкивать и не предъявлять слишком высоких требований. Они все время повторяли, как заклинание: «Мы живы и свободны». Однажды Саша сказал мне: «Разница между нами и остальными заключается в одном: они – живые, мы – выжившие. Если ты выжил, грех жаловаться на судьбу, это было бы оскорблением тех, кто остался там».

В клубе им не нужно было ничего объяснять или оправдываться. Они были среди своих, среди изгнанников, и понимали друг друга без слов. Они находились в одинаковых условиях, переживали одни и те же невзгоды. Павел не раз повторял: «Мы можем гордиться, ребята, нам наконец-то удалось воплотить в жизнь идеал коммунизма – всеобщее равенство!»

– Чего же еще хотеть, мой милый?

Первым со мной заговорил румын Виржил, чей раскати-сто-певучий акцент вызвал у меня улыбку. Акцент был еще одной общей чертой этих людей. Они «съедали» половину слов, употребляли глаголы в инфинитиве, ставили их в начале фразы, игнорировали местоимения, путали омонимы, плевать хотели на род существительных и вставляли их в более чем смелые словосочетания. Время от времени кто-нибудь начинал поправлять ошибки в речи остальных, читая импровизированную лекцию по французской грамматике, которая наверняка привела бы в ужас почтенного лицейского преподавателя. Тем не менее они хорошо понимали друг друга и, говоря о политике или событиях в мире (что было их главным занятием), ухитрялись ругаться на французском.

– Можно мне остаться?

– Если ты молчать, можно кибитц⁶⁹.

Он увидел, что я не понял смысла сказанного, и пояснил:

– Смотреть игру молча. Не встревать.

Тишина была неотъемлемой составляющей клуба. В действительности людям нужна была не столько тишина, сколь-

⁶⁹ В данном случае «болеть», «быть болельщиком» – от английского глагола kibitz – следить за игрой (в карты, шахматы), поучая играющих; вмешиваться в чужие дела, давать непрошенные советы.

ко покой. Было слышно, как игроки передвигают по доске фигуры, как они дышат, вздыхают, перешептываются, хрустят пальцами, а выиграв, издают победный смешок... Иногда раздавался шелест газетных полос и мирное посапывание уснувшего игрока. Догадаться, что два человека разговаривают, можно было только по движению губ и подставленному уху. Некоторые даже прикрывали рот ладонью, чтобы никто не смог прочесть слов по губам. Выглядели они при этом как заговорщики. Игорь объяснил мне, что это давняя, неизжитая привычка, приобретенная на другом конце света, там, где одно слово могло отправить человека в тюрьму или в могилу, там, где следовало опасаться лучшего друга, брата, собственной тени. Если кто-то повышал голос, остальные изумлялись, через секунду вспоминали, что они в Париже, и тоже начинали говорить громко, но возбуждение спадало так же быстро, как возникало. У меня появилась привычка бесшумно пробираться между столиками, молча сидеть в своем углу, говорить тихо, почти неслышно, выражать свои мысли взглядом, движением бровей, взмахом ресниц.

Бывали вечера, когда тишину в клубе сменял оглушительный смех.

Игорь, Павел, Владимир, Имре и Леонид были веселыми людьми, они ничего не принимали всерьез, объектом их насмешек становилось все и вся и в первую очередь – они сами. Они не давали спуска ворчунам, требующим тишины, и без усталости хохотали над коммунистическими анекдотами, коих

знали без счета. Я не сразу понял, что их абсурдистские шутки не так уж далеки от реальности. Будничную жизнь этих людей никто не назвал бы легкой, но они не грустили и не предавались меланхолии, не теряли чувства юмора и выглядели беззаботными – так, словно никакие воспоминания не мешали им жить. Того, кто впадал в уныние и не мог скрыть тоску, немедленно призывали к порядку: «Не доставай нас своими проблемами. Ты жив, так живи!»

* * *

Отношения между ними бывали либо благостно-дружелюбными, либо запредельно враждебными. Одни ненавидели систему, другие верили в будущее рода человеческого – поддерживался нейтралитет, и вдруг – по непонятной причине – происходил взрыв эмоций. Они забывали французский и нарушали установленное Игорем правило, переходя на родной язык. Следом в перепалку включались все присутствующие – даже те, кто понятия не имел о причинах стычки. Минут десять они орали друг на друга, выкрикивали чудовищные оскорбления. Больше всего это напоминало вавилонское столпотворение. Когда я просил Игоря перевести, он улыбался и отвечал: «Не стоит. Ничего хорошего ты не услышишь. Что поделаешь: мы либо живые, либо выжившие».

Однажды Игорь снизошел и объяснил мне, по какому

принципу члены клуба раз и навсегда разделились на два непримиримых лагеря: одни ностальгировали, но окончательно порвали с социализмом, другие по-прежнему верили в доктрину и пытались разрешить не имеющие решения дилеммы. Незажившие раны ныли и болели. Ругань была жестокой, как ураган, сметающий все на своем пути, но успокаивался скандал так же быстро, как начинался, и никому не наносил увечий. Наружу вылезали древние конфликты и стародавние споры Центральной Европы. Поляки ненавидели русских, те питали к ним отвращение, болгары терпеть не могли венгров, которые их игнорировали, немцы гнушались чехами, которые презирали румын, которые плевать на это хотели. Здесь те и другие были апатридами и равными соперниками. Высказав наболевшее, задиры, как по волшебству, успокаивались и продолжали отложенную на время перепалки партию. Через пять минут после жаркого спора они все вместе искренне смеялись чьей-нибудь шутке. Они пили, не зная меры. Любые новости – хорошие и плохие – становились поводом для застолья с выпивкой. Водка в те времена стоила непомерно дорого, и они употребляли «местные» напитки, любили кальвадос, арманьяк и коньяк, залпом пили «102-й» – двойной «Пастис-51»⁷⁰ и всегда чокались. Когда Леонид Кривошеин приехал в Париж, он совсем не говорил

⁷⁰ Анисовая настойка, ароматизированная лакрицей и карамелью. Ее название связано с 1951 годом, когда через несколько лет после войны во Франции опять было разрешено производство спиртного с анисом крепостью 40°.

по-французски и, если хотел сказать: «Приглашаю тебя выпить по стаканчику», говорил: «Уроним бутылочку?» Завсегдатаи клуба взяли эту фразу на вооружение и с тех пор так и «роняли бутылки». По всеобщему признанию, никто не мог выпить больше Леонида и никто никогда не видел, чтобы он шатался. Даже когда «уговаривал» один или два «204-х».

На родине они могли выписывать одну-единственную газету и потому высоко ценили право выбирать прессу по собственному вкусу и усмотрению. Они читали все, что попадалось под руку, удивляясь, как может журналист критиковать министра и оставаться в живых и на свободе, почему газету, заподозрившую правительство в обмане, не закрывают. В среду был день «Канар аншене»⁷¹. Владимир, Имре или Павел читал вслух статью Морвана Лебеска⁷², которого превозносили до небес за пыл, неиссякаемую жажду протеста и «задиристую поэтичность». Его обозрения и литература боя вызывали их единодушное одобрение.

– Этого типа следовало бы объявить «общественно целебным», – утверждал Вернер.

Мне доподлинно известно, что выживали они благодаря деньгам, которыми их снабжали Кессель и Сартр. Богатые, знаменитые, великодушные и умеющие хранить чужие тай-

⁷¹ «Канар аншене» – французская сатирическая газета-еженедельник о политике, одно из старейших, популярнейших и влиятельнейших изданий во Франции.

⁷² Морван Лебеск (1911–1970) – французский журналист и эссеист. – Прим. ред.

ны, Кессель и Сартр рекомендовали своих приятелей Гастону Галлимару и другим издателям, и те иногда давали им переводы. Я много лет жил среди них и ничего не видел, а правду узнал случайно, через пятнадцать лет после закрытия клуба, когда встретил Павла на похоронах Сартра.

Я стал самым молодым членом клуба и больше не общался с друзьями по настольному футболу. Подружился с Игорем Маркишем, русским врачом, и он научил меня играть в шахматы. В Ленинграде у него остался сын моего возраста. Игорь представил меня своему приятелю Кесселю, с которым он говорил по-русски. Там же я познакомился с Сартром. Мои воспоминания о нем противоречат всем его официальным биографиям. Сартр шутил, он был веселым, забавным, жульничал в шахматах – крал с доски фигуры – и хохотал, когда Кессель ловил его за руку, заметив отсутствие коня на f5. В «Бальто» Сартр бывал редко. Он чувствовал враждебность некоторых членов клуба, обвинявших его в симпатиях к коммунистам, но не гнушавшихся его деньгами. Он мог весь вечер писать, не поднимая головы, много курил, докуривая сигарету до самого фильтра, и никто не смел нарушить его покой. Окружающие взирали на него издали, испытывая священный трепет: не каждому дано лицезреть, как творит гений. Даже те, кто его не любил, следили за соблюдением тишины:

– Не будем шуметь. Сартр работает.

Конец декабря выдался ненастным, небо над Парижем было серым, холод стоял ужасный. Мы впервые не праздновали Рождество всей семьей. Какая-то связь, удерживавшая нас вместе, порвалась. Франка, готовившегося к поступлению в Школу офицерского резерва, призвали на месяц в армию, и он совершал марш-броски по заснеженным провинциям Германии. О положении в Алжире ходили немыслимые, противоречивые слухи. Дедушка Филипп решил отправиться на место, чтобы составить собственное мнение о происходящем. Ходили разговоры, что все газеты подкуплены и доверять им нельзя, всем – за исключением «Л’Орор», да и то с натяжкой. Мама решила сопровождать своего отца, оставив на время надзор за работами в магазине: ей очень хотелось повидать любимого брата и насладиться синевой африканского неба. Жюльетту они взяли с собой, а я ехать не захотел, «прикрывшись» необходимостью заниматься.

– Дело твое, – ответила мама и не стала меня уговаривать.

* * *

Мы с папой остались холостяками. Я заботился о нем, покупал продукты, а вечером заходил за ним на авеню Гобеленов, где он руководил масштабными работами, обещавши-

ми потрясти основы семейного предприятия. Он брал меня с собой в овернское бистро на улицу Фоссе-Сен-Жак, где был завсегдатаем. В задней комнате играли в таро⁷³. Сначала правила игры до меня не доходили, потом в голове вдруг щелкнуло, и я все понял. Когда игроки садились за стол, я устраивался на стуле у отца за спиной, и он советовался со мной взглядом, пасовать ему или вистовать, торговаться, объявлять «приз» или «гарде» или делать уже ставку на бонус «петит о бу»⁷⁴.

– У Марини семейный подряд! – язвили папины партнеры, но он пропускал их шуточки мимо ушей.

Мы часто выигрывали, а потом шли ужинать. Папа обожа́л китайскую кухню, и мы каждый вечер ели в ресторанчике на улице Мсье-ле-Пренс.

Мы впервые пропустили рождественскую службу в церкви Сент-Этьен-дю-Мон. Площадь перед Пантеоном превратилась в каток. Мы провели вечер у телевизора, объедаясь рождественским «поленом» с пропиткой «гран-марнье», шоколадными конфетами от Мюрата, глазированными каштанами, и хихикали, представляя, как будут мерзнуть наши соседи по кварталу, выйдя с полуночной мессы. Злословить о добрых католиках было не слишком по-христиански, зато

⁷³ Французская игра таро – карточная игра со взятками для четырех игроков с использованием традиционной 78-карточной колоды Таро. Игра распространена во Франции и во франкоязычной Канаде.

⁷⁴ Заявки во французском таро.

очень приятно.

– Твоей маме не нужно знать о «прогуле», пусть думает, что мы стояли в задних рядах.

– Зачем нам врать?

– Чтобы избавить себя от ненужных споров и обсуждений.

– Можем сказать, что я заболел, а ты за мной ухаживал. Она поверит, в Париже сейчас эпидемия гриппа.

* * *

В конце декабря папа сделал себе лучший из подарков. Купил «Ситроен-DS19 Prestige». Разговоры об этой машине он вел целый год. Маме идея не нравилась, она отдавала предпочтение более надежному «пежо» 403-й модели. Папа нарушил мамино вето и однажды вечером между делом объявил о покупке:

– Будет так, и никак иначе.

Он приложил максимум усилий, чтобы ускорить доставку, и получил машину на три месяца раньше обычного срока. Мы отправились за ней на бульвар Араго. Церемония передачи ключей больше напоминала вынос Святых Даров в церкви. Машина в салоне была одна – черная, сверкающая глянцем, как зеркало, изящная, похожая на живое существо. Мы ходили вокруг, пытаясь осознать, что она наша, и не смея до нее дотронуться. Директор салона начал объяснять тонкости управления, папа много раз переспрашивал и повто-

рял за ним, чтобы лучше запомнить. Масса кнопок, автомагнитола стерео, мягкие, как кресла, сиденья. Поначалу у папы возникли некоторые трудности – он не мог справиться с рычагом переключения скоростей. Машина двигалась рывками, как норовистая лошадь, и то и дело останавливалась, папа нервничал. Но в конце концов он освоился, и «ситроен» поехал. Он сам вел, ускорялся, тормозил, обгонял. Водителю оставалось только не мешать. На бульварах Марешо люди оборачивались нам вслед. У Итальянских ворот мы выехали на шоссе. «DS» летел, свободный, как птица в небе. Ни одна другая машина не смела бросить ему вызов. Он легко обгонял их. Папа был самым счастливым человеком на свете. Он принялся передразнивать дедушку Филиппа, говоря с габеновским акцентом, который имитировал невероятно искусно. Я расхохотался, и он совсем разошелся, стал изображать Пьера Френе⁷⁵, Мишеля Симона⁷⁶ и Тино Росси⁷⁷. Я смеялся до слез. Папа включил радио, и мы принялись подпевать Брассенсу:

⁷⁵ Пьер Френе (1897–1975) – актер театра и кино. Лучшие фильмы: «Великая иллюзия» Жана Ренуара, «Человек, который слишком много знал» Альфреда Хичкока и «Ворон» Анри Жоржа Клузо.

⁷⁶ Мишель Симон (1895–1975) – актер театра и кино, преимущественно работал и жил во Франции. Мастер гротеска. Снимался в наиболее значительных фильмах французского кинематографа 1930—1940-х годов, работая с такими режиссерами, как Жан Ренуар, Марсель Карне, Жан Виго, Рене Клер.

⁷⁷ Тино Росси (1906–1983) – великий певец и киноактер. Второй самый известный в мире корсиканец после Наполеона Бонапарта. Наделенный оперным голосом и внешностью «латиноамериканского любовника», он стал кинозвездой.

Сидят, целуясь, парочки, как голубки,
Голубки, голубки.
Им плевать на злые языки
И косые взгляды.
Сидят, целуясь, парочки, как голубки,
Голубки, голубки.
Клятвы их так жарки и легки,
Рука касается руки⁷⁸.

На Рождество папа приготовил мне сюрприз – он повел меня в оперу. Идея пришла ему в голову в последний момент, так что за билеты в театральном агентстве пришлось заплатить бешеные деньги. Папа прифрантился и, увидев меня в потерявшем «товарный вид» костюме, был неприятно удивлен:

- Тебе больше нечего надеть? Мы все-таки идем в оперу...
- Это мой единственный костюм.
- Я скажу маме, чтобы обновила твой гардероб. Поторопись, иначе опоздаем.

Мы сидели на балконе второго яруса, на боковых местах. Я уступил папе кресло, несмотря на его протесты, а сам устроился на откидной скамейке. Чтобы видеть авансцену, приходилось все время тянуть шею. Зал был полон: дамы в вечерних платьях, мужчины в смокингах. Папа сиял.

- Твой дедушка продал бы душу за возможность послу-

⁷⁸ Перевод с французского поэта и исполнителя Александра Аванесова.

шать «Риголетто», – сказал он, сгорая от нетерпения.

Свет погас, зрители откашлялись. Оркестр заиграл увертюру. Музыка была прекрасна, но на сцене ничего не происходило. Наконец занавес открылся, и взорам публики предстал дворец герцога в Мантуе. Слава богу, что я догадался прочесть либретто, иначе ничего бы не понял. Исполнители пели на итальянском, но мне показалось, что все, кроме меня, понимают смысл слов. Папа был на седьмом небе от счастья. Я заметил, что он неслышно подпевает герцогу. Читать программку в темноте я не мог и ужасно скучал. А певцы всё пели и пели.

– Долго еще, папа?

– Наслаждайся, сынок, слушай, сейчас будет красивейший пассаж.

Проблема заключалась в том, что я не знал, чем именно должен усладить свой слух, путался в персонажах, которые сначала слушали чужие вокализы, застыв на месте как полные дураки, а потом начинали завывать сами – и так до бесконечности. Сиденье было неудобное, и я без конца ерзал, соседка даже одернула меня строгим шепотом. Папа наклонился и сказал мне на ухо:

– Закрой глаза, Мишель. Слушай. Следуй за музыкой.

Он был прав. С закрытыми глазами получалось лучше. Я мысленно переместился в «DS», а когда проснулся, не понял, где нахожусь.

– Тебе понравилось?

– О да, очень. Может, чуть-чуть затянуто... Особенно финал.

– А по мне – пусть бы длилось всю ночь.

* * *

Первого января мы собирались навестить в Лансе дедушку Энцо, но за два дня до Нового года он все отменил, сославшись на недомогание бабушки Жанны. Папа расстроился – не только из-за болезни матери, но и потому, что сгорал от нетерпения продемонстрировать родителям новую машину и уже проложил маршрут. Ему хотелось навестить старых друзей, а теперь он остался ни с чем. На звонок Батиста ответил я, думая, что это мама, и очень удивился: дядя никогда нам не звонил. Они с папой не очень-то ладили. Приглашение брата застало отца врасплох, но он его принял. Один чувствовал себя обязанным сделать дружеский жест, другой – ответить на него. Батист был старше моего отца всего на год, но выглядел намного хуже. Глядя на них, никто бы не поверил, что эти люди – братья, такими разными они были. Папа купил подарки племянникам и замечательную вересковую трубку с красивой резьбой для Батиста. Дядя нам ничего не приготовил, стал упрекать брата за то, что тот якобы хотел его унижить, и запретил детям разворачивать свертки.

– Нужно было предупредить, я бы тоже озабочился! А ты... ты... все как всегда.

Папа сдержался и не вспылil. Мои кузены умирали от желания посмотреть подарки и ждали отцовского разрешения.

– Не будем ссориться, Батист, сегодня все-таки праздник.

– Тебе хорошо известно, Поль, что у меня нет лишних денег, вот ты и решил меня уколоть.

– Я хотел порадовать детей. Ты не должен, не смеешь лишать их радости.

– Ты своей щедростью отравляешь нам жизнь. Что ты пытаешься доказать? Что богат? Ладно, ты победил! Думаю, у тебя серьезная проблема – не знаешь, что делать с деньгами.

– Перестань нести чушь!

– Ты забыл о своих корнях, Поль, в этом твоя проблема.

– Я живу в ногу со временем. Я современный человек, люблю жизнь, пользуюсь ее благами и стараюсь сделать все для своих близких. Я хочу, чтобы мы были счастливы. Что в этом плохого?

– Ты перешел на другую сторону, стал буржуем!

Папа побагровел и сжал кулаки. Я испугался, что он сейчас ударит дядю.

– По-твоему, чтобы быть хорошим человеком, нужно получать нищенскую зарплату, иметь жалкую работу и...

Он не закончил фразу – мы почувствовали какой-то странный запах. Пока папа с дядей препирались, индейка продолжала жариться. Черный дым вернул нас к реальности. Папа кинулся к окну и распахнул створки. Батист обжегся, доставая блюдо из духовки. Птица сгорела. Обуглившиеся

каштаны напоминали шары для игры в петанк. Индейка почернела, и Батисту удалось вырезать лишь тонкие серые ломтики совершенно несъедобного вида.

– Если бы ты не выпендривался и принял подарки, мы бы спокойно насладились едой. До чего же мне надоела эта грошовая мораль! Душите нас своими принципами!

– Если бы ты остался таким, как мы, ничего бы не случилось.

Папа выплюнул в тарелку сгоревший каштан.

– Я не изменился! Меняется мир. Неужели ты не можешь этого понять своим убогим коммунистическим умишком? Ну все, с меня довольно, мы уходим!

Он встал, бросил салфетку на стол, сдернул пиджак со спинки стула и пошел к двери. Батист кинулся следом, схватил его за рукав:

– Брось, Паоло, вернись, я приготовлю нам спагетти.

– Никогда больше не называй меня Паоло! Слышишь? Меня зовут Поль! С Паоло покончено! Ты испортил мне аппетит! Знаете что, ребята, если мои подарки вам не нужны, выкиньте их в помойку! Ноги моей больше не будет в этом доме.

Взбешенный, папа покинул квартиру. Я последовал за ним. Батист и кузены тащились следом по лестнице:

– Ну же, Поль, кончай дурить.

Папа ничего не желал слушать. Он почти бежал по улице, я пытался его остановить, Батист тщетно молил о прощении.

Папа шарил по карманам в поисках ключей и никак не мог их найти.

– Что это за машина?

– Хотел похвастаться, а теперь вот испытываю стыд.

– Знаешь, сколько мне нужно работать, чтобы купить такую? Лет пять, не меньше.

– Мне понадобилось три месяца. В этом и заключается разница между нами. Если бы ты увидел мой магазин – я сейчас его перестраиваю, – вообще сдох бы от зависти.

Мы сели в машину. Папа хлопнул дверцей. Тронулся с места, притормозил рядом с Батистом, опустил стекло и сказал:

– Это не просто машина, это – «DS». Если ты не способен понять, так и останешься придурковатым пролетарием!

Мы рванули с места, как будто убегали от погони. Папа гнал как сумасшедший и выглядел не слишком счастливым. Мы пообедали у китайца на улице Мсье-ле-Пренс. Ели молча, только в самом конце он вдруг спросил:

– Я не прав, Мишель?

– Кузенам подарки очень понравились.

– Бедняги. Батист всегда был брюзгой. Теперь я многое начинаю понимать.

– О чем ты говоришь?

– Да так... Дело прошлое. Оставим это.

– Расскажи.

– Расскажу, когда подрастешь. Кстати, чем бы ты хотел заниматься, когда вырастешь? Будущее за телевидением и

электробытовой техникой. Подумай об этом.

* * *

Однажды вечером Батист позвонил, чтобы поздравить папу с днем рождения. Когда Жюльетта хотела передать ему трубку, папа ответил – достаточно громко, так чтобы услышал брат:

– Скажи, что меня нет. И пусть больше не звонит!

Папа не пригласил Батиста на открытие магазина. В следующий раз они увиделись на похоронах матери, но и в этот печальный день постарались свести общение к минимуму.

Я не хотел уезжать из Парижа. Из-за Сесиль. Франк покинул ее, чтобы стать офицером, она осталась одна, и я пригласил ее к нам на ужин. Сесиль не желала встречаться с моим отцом. Я настаивал. Она наотрез отказывалась придавать своим отношениям с Франком статус официальных. Одиночество не тяготило Сесиль, совсем наоборот. Она хотела поработать над диссертацией, чтобы через год представить ее на обсуждение, и целыми днями сидела дома, не высовывая носа на улицу. Я ходил для нее в магазин, покупал молоко, кофе в зернах, сыр грюйер, пряники, яблоки и шоколад «Пулен», не понимая, как она может поглощать его в таких количествах. Меня бы стошнило. Я пытался выманить Сесиль из дому, предлагал сходить в кино, но она отказывалась, говорила: «Там холодно» или «Ненавижу зиму». Она дала мне ключи от квартиры, но пользоваться ими я не любил, рано старался не приходить и часто подолгу жал на звонок, чтобы разбудить Сесиль. Она открывала – заспанная, одетая в толстый белый свитер Пьера и закутанная в одеяло.

– Который час, маленький братец?

– Одиннадцать.

– Не может быть!

Она принимала душ, пока я готовил ей завтрак. Сесиль весь день литрами пила кофе с молоком. Каждый месяц она

писала мне короткий список продуктов, давала деньги и отказывалась брать сдачу. Сесиль была мерзлячкой, поэтому мы топили камин и проводили всю вторую половину дня в огромной гостиной-столовой окнами на Дворец правосудия. Время от времени Сесиль давала мне какую-нибудь книгу и требовала, чтобы я немедленно ее прочел и высказал свое мнение. Когда я через несколько дней делал попытку поговорить, она успевала забыть о своем поручении или ей было не до того. Я проводил время в кресле, за чтением. Как только выглядывало солнце, Сесиль тянула меня гулять. Мы бродили по набережным Сены, где она искала у букинистов раритетные издания, сидели в Люксембургском саду – ее тянуло туда как магнитом. Мы устраивались под платанами у фонтана Медичи. Это место Сесиль любила больше всего, здесь она пряталась от мира, здесь работала. Мы старались сесть на отшибе, как правило справа от фонтана, чтобы поймать солнце. Сесиль считала фонтан Медичи лучшим парижским памятником и могла часами смотреть на него, как будто пыталась разгадать тайну пропорций. Для меня это был просто красивый фонтан.

– Этот фонтан – недостижимая мечта, сотканная из воды, камня и света, – произносила она тихим нежным голосом. – Он – улада для глаз. Можно пройти мимо и не заметить его, но, если уж заметил, сразу попадаешь в плен. Флорентийская богиня завораживает тебя своими чарами. Его пропорции идеальны, перспектива совершенна. Она делает

тебя романтиком, даже если ты не таков. Вглядишься в Ациса и Галатею, разлученных и воссоединившихся навек любовников. Фонтан – маяк для влюбленных и поэтов, хранитель нежных признаний и свидетель вечных клятв. Однажды ты приведешь сюда любимую женщину и будешь читать ей стихи.

– Это вряд ли.

– Будет жалко, если не приведешь.

– Неужели Франк читал тебе стихи?

Сесиль загадочно промолчала.

– Что, он написал стихотворение? Не верю. Только не Франк.

– Запомни – этот фонтан наделен властью. Он делает нас лучше.

Я фотографировал фонтан. С близкого расстояния, изда- лека. Детали. Колонны. Скульптуры. Много снимков. Я потратил кучу денег. И все зря. Мне никак не удавалось пой- мать перспективу фонтана, она стиралась, и я не понимал почему.

Сесиль читала горы книг и делала выписки. Бывали дни, когда мы сидели каждый в своем углу и даже не разговари- вали. Я не уставал смотреть на Сесиль, ловя малейший жест, но стоило ей шевельнуться – и я прятался за книгой. Я пы- тался представить, что она читает, о чем думает, что напи- шет. Проведя много часов за изучением своих лекций, она вдруг поднимала голову, обнаруживала мое присутствие и

улыбалась:

– А не выпить ли нам кофе с молоком?

Каждый день она с нетерпением ждала прихода почтальона. Ключ от ящика был у меня, и утром я первым делом проверял его. Нет ли письма? Пьер писал раз в неделю. Франк за месяц прислал одну черно-белую открытку с видом Рейна в Майнце, на обороте он вывел: «Целую тебя, Франк».

– Он не слишком себя утруждает.

– Франк терпеть не может писать, – сказала Сесиль и улыбнулась, чтобы скрыть смущение.

– Как насчет математики? Может, позанимаемся?

– Если хочешь...

Мы погрузились в изучение «Дополнительных примеров по алгебре и геометрии» Лебоссе и Эмери. Попробовали решить несколько задач. Фантазия этой парочки мучителей была безгранична. У Сесиль имелись собственные критерии отбора: из множества примеров она выбрала задачку с велосипедистом.

– Представим себе, что мы за городом.

– Я думал, ты не любишь деревню.

– Так будет веселее, разве нет? Бассейны с вытекающей водой наводят тоску, а идущие навстречу друг другу поезда интересны лишь тем, кто работает в Национальной компании французских железных дорог. Начинаем, это будет нетрудно: «Велосипедист должен преодолеть по ровной местности 36 километров, совершить 24 подъема и 48 спус-

ков. На подъемах его скорость снижается до 12 километров в час, на спусках вырастает до 15 километров в час. Приняв за данность тот факт, что отрезок пути на ровной местности составляет треть от общей протяженности пути, а окружность колеса равна 83 сантиметрам, определите: 1) с какой скоростью велосипедист едет по ровной поверхности; 2) за какое время велосипедист проедет весь маршрут, какой будет средняя скорость, сколько оборотов совершат все колеса».

Мы слегка запаниковали. В условии задачи не сообщались ни возраст велосипедиста, ни час отъезда, мы не знали, есть ли на его машине трехскоростной переключатель и крутил ли он педали на спуске.

– Что, если нам взять мишленовскую карту? Может, так будет понятней?

Мы корпели над цифрами, взвешивали все за и против. Пришли к согласию насчет методики и остались довольны собой. Этот велосипедист не доставит нам никаких хлопот. Мы выиграем пари и станем математиками. Сесиль поручила мне перемножения и деления – я был силен в счете и с легкостью совершил все операции.

– Он едет со скоростью... 4645 километров в час!

– Ты, наверное, забыл поделить на сто. Где-то должно быть правило трех.

Мы искали. Не нашли нигде. Начали все сначала и получили тот же результат. Сесиль решила пересчитать сама и

получила результат – 4,316 километра в час. Я предложил передвинуть запятую. Сесиль отказалась. Я не видел смысла упорствовать. Возможно, этот проклятый велосипедист едет со скоростью 46,45 километра в час даже на подъемах, что объясняется его исключительными атлетическими качествами и некой математической извращенностью.

– Никто не узнает.

– Я узнаю!

– Важен результат.

– Важно найти верное решение!

– Это одно и то же.

– Как раз наоборот!

Я не видел разницы. Сесиль видела, да еще какую. Она выглядела озабоченной:

– В этом и заключается разница между мужчинами и женщинами, маленький братец. Мы по-разному рассуждаем.

* * *

Традиционные методы не сработали, и Сесиль решила проверить на мне новую педагогическую методику, призванную совершить переворот в образовании и превратить тупиц вроде меня в математических гениев. Ее теория обучения математиков базировалась не на рассуждении и накоплении знаний, а на аналитической памяти и подсознании. Нужно отставить в сторону ум и действовать помимо себя. Если ма-

тематики – логики, значит должна быть другая дверь, ведущая в подсознание. Остается ее найти. Идею Сесиль почерпнула из американского курса обучения иностранным языкам во сне. Записанный на магнитофон голос без конца повторяет фразы, и те оседают в подсознании. Можно попытаться проделать то же самое с математикой. Я читал вслух учебник, Сесиль пересказывала, запоминая его со слуха наизусть. Потом мы менялись ролями и в конце концов заучивали теоремы механически, как таблицу умножения. Должен признать – частично это сработало. Мой преподаватель математики мерзавец Лашом обалдел бы, услышь он, как непроизвольно я излагаю теорему.

– Если фигура F симметрична с фигурой F' относительно плоскости P и в то же время симметрична с фигурой F'' относительно точки O , лежащей в плоскости P , то фигуры F' и F'' симметричны относительно оси, проходящей через точку O и перпендикулярной к плоскости P .

Мы выучили учебник алгебры и геометрии наизусть. Излагали теоремы убедительным тоном, но, по сути, этот метод ничего не дал. Сесиль утверждала, что наше подсознание заблокировано, но это не такая уж редкость, а значит, наше обучение может свестись к раскупориванию забитых каналов. Нужно провести сантехнические работы по очистке собственных мозгов. После нескольких недель переливания из пустого в порожнее стало ясно, что аналитический метод был неудачной идеей. Это не означало, что метод плох сам

по себе, с другими он мог бы сработать, но либо мой мозг и математика были совершенно несовместимы, либо мне не подходили психоаналитические методы изучения математики. Сесиль не хотела сдаваться, убежденная, что необходимо дать нашему подсознанию время на усвоение теорем и что рано или поздно знания пробьются наружу, как подземные воды или световая вспышка. Увы, ни щелчка, ни сцепления не произошло. Прошло две недели, я легко перескакивал наизусть учебник математики, но не мог решить ни одного примера. Хуже того (и необъяснимей!) – скорость велосипедиста увеличилась с 4,645 километра в час до 4,817 километра в час! Мы пересчитали и получили тот же результат: велосипедист ехал со скоростью 4,817 километра в час. Мы долго искали вход в психологическую математику. И не нашли. Сесиль была раздосадована – она очень верила в эту методику. Я утешал ее, как умел, но выходило не слишком хорошо. Психология не имеет ничего общего с математикой, а вера не способна сдвинуть гору. Сесиль пришла к выводу, что блок у меня в мозгу имеет психоаналитическое происхождение.

– У тебя проблемы с отцом, верно?

– Мы хорошо ладим.

– Математика – это власть, авторитет. У того, чей мозг категорически не воспринимает математику, проблемы либо с отцом, либо с властью.

Я задумался, пытаюсь проникнуться всей глубиной идеи,

но чем дольше думал, тем больше запутывался.

– В нашем доме правит, скорее, мама.

– Хочешь сказать, у вас матриархат?

– Папа совсем не властный человек. Всем управляет мама.

А ему и дела нет. Его главный принцип – получать удовольствие от жизни. Он рассказывает анекдоты, шутит, продает что хочет. Если ты права, у меня не должно быть проблем с математикой.

– Значит, у тебя проблемы с матерью?

– С некоторых пор стало легче.

– Авторитет в вашей семье не отец, а мать. Произошла подмена образов. Она заняла его место, отсюда и твой блок. По-моему, тебе стоит выбрать литературное поприще. Нравится идея?

– Хочу стать фотографом. А ты когда поняла, чем будешь заниматься?

Сесиль задумалась. Молчала и щурилась, как будто пыталась вспомнить.

– Не знаю.

– Преподавание тоже неплохое дело.

– Мне почему-то вдруг стало страшно. Ты только представь, маленький братец, – всю жизнь иметь дело с болванами вроде нас! Стараешься, из кожи вон лезешь, а они тебя ненавидят.

– Забавно, в воскресенье отец задал мне тот же вопрос. Он хочет, чтобы я поступил в торговую школу, потому что

будущее – за электробытовой техникой.

– Какой ужас! Нельзя питать любовь к продаже ванн и стиральных машин.

– Он зарабатывает много денег.

– Вот, значит, чего ты хочешь?.. Не верю, Мишель! Только не ты!

* * *

На следующий день Сесиль объявила, что бросает учебу, потому что не хочет вечно быть преподавателем литературы.

– Может, стану психологом.

Я не был уверен, что это хорошая идея, но промолчал.

– Спасибо тебе, маленький братец.

– За что?

– За то, что мы поговорили. Ты единственный человек, с которым я могу поговорить по-настоящему.

– А с Франком не можешь?

Она улыбнулась так печально, что мне стало не по себе, пожала плечами, словно все это не имело значения, потом, в одну секунду, горькая складочка у рта исчезла, лицо просияло улыбкой.

– Можно тебя сфотографировать, Сесиль?

– Валяй. Ты не представляешь, какое это облегчение – избавиться от диссертации.

– Мне казалось, тебе нравится.

– Мой научный руководитель – коммунист и хочет порадовать Арагона – они иногда пересекаются. Будь он маршалом⁷⁹, предложил бы мне взять Клоделя. Я люблю литературу, но не преподавание. К этому нужно иметь призвание, которого у меня нет.

* * *

Вскоре после этого разговора она получила открытку от Франка все из того же Майнца-на-Рейне, в которой он все тем же телеграфным стилем сообщал о скором возвращении. Пришло и длинное письмо от Пьера. Сесиль аккуратно вскрыла конверт и осторожно достала два листка. Я читал по ее губам и слышал голос Пьера:

*Моя дорогая Сесиль,
мы вот уже две недели не видели и не слышали
ни одного партизана. Наша система слежения
и обнаружения так хорошо отлажена, что мы
пресекаем практически все попытки проникновения.
Им удаются прорывы с побережья или со стороны
Тебессы, чуть дальше на север, но на нашем участке
и в районе Сук-Ахрас все спокойно. Одного из наших
ранили – этот придурок упал с крыши, куда залез,
чтобы установить радиоантенну. Большую часть*

⁷⁹ Марешалист (или петенист) – сторонник маршала Петена. Анри Филипп Петен (1856–1951) – глава коллаборационистского правительства Виши во время Второй мировой войны.

времени мы занимаемся разминированием подступов к линии Шалля. Иногда находим пару-тройку мин. Мы остаемся в засаде по два дня кряду, но еще ни разу не сумели сцапать повстанцев. Они боятся нас как чумы, а если и обстреливают, то с такого далекого расстояния, что мы этого даже не замечаем. Никто не жалуется. Лучшие уж быть здесь, чем поддерживать порядок в Алжире или Оране. Если бы правительство отдало приказ перейти границу, мы бы давно всех их покрошили. Они по ту сторону, напротив нас, и им известно, что мы за ними не придем. Мы отсиживаемся за нашей колючей проволокой, под сторожевыми вышками, отделенные от врага границей, простой линией на песке пустыни, а они преспокойно возвращаются в Тунис и отсиживаются там. Они трусы, только и умеющие, что пытаться и убивать фермеров и беззащитных крестьян, а увидев нас, разбегаются, как кролики. Была надежда, что с появлением де Голля все изменится, мы их сделаем, прихлопнем как мух раз и навсегда, но ничего не происходит. Никакой ясности нет.

Ты поймешь, как глубоко я увяз в этом болоте, если я скажу, что провожу дни за игрой в белот⁸⁰ с тремя парнями, которых полгода назад записал в слабоумные. Сегодня они – мои лучшие друзья. Я решил опробовать на них фундаментальные принципы сенжюстизма: раз

⁸⁰ Карточная игра. Происхождение датируется концом XIX века и началом XX века.

уж собрался биться за права угнетенных, почему бы не поинтересоваться их мнением и желаниями. Это поможет избежать очередных досадных ошибок. Мне повезло, со мной служат образцово-показательные французские пролетарии из глубинки: сын фермера из Ардеша, наладчик с механического завода в Сент-Этьене, дальнбойщик из Гавра. Уровень образования – бакалавриат минус шесть⁸¹. Говорят они о девушках, футболе и тачках. Большие всего на свете любят пожрать. Плюют на политику. Лишний повод, чтобы попробовать выяснить, что у них в голове.

Моя книга продвигается. Я дописал третью тетрадь. Еще две – и моя теория станет идеально логичной, последовательной и непробиваемой. Темп замедляется. Мне предстоит решить сложные проблемы причинно-следственных связей. Я не понимал всей глубины фразы Сен-Жюста: «Чтобы наша борьба увенчалась успехом, придется убить немало противников». Я надеялся, что удастся ограничиться несколькими непримиримыми символами старого режима. Нельзя строить иллюзий относительно способности врага к сопротивлению – он пустит в ход все средства, чтобы удержать власть. Произойдет настоящая революция – или не произойдет ничего. Будет много погибших, и я не уверен, готовы ли мы

⁸¹ Шутливое обозначение первокурсника коллежа. Среднее образование во Франции продолжается 7 лет (4 года в коллеже и 3 года в лицее). Выпускник лицея становится бакалавром, если успешно сдает экзамены.

сегодня пролить реки крови. Стоит ли оно того? Конечно стоит. Поддержит ли нас народ? В этом я не так уверен. Народ порабощен и не осмелится восстать, из страха потерять свои жалкие льготы – подачку с барского плеча буржуазии. К чему драться за рабов, лижущих хозяйскую руку? По правде говоря, на этот вопрос я ответа не нахожу. Как далеко можно зайти в попытке сделать людей счастливыми помимо их воли? События в Китае поучительны и многообещающи, они служат нам ориентиром. Происходят глубинные перемены, последствия которых мы не в силах оценить. Когда демобилизуюсь, поеду в Китай, чтобы увидеть все собственными глазами. Допускаю, что примкнуть к революции мне мешает чувствительность западного человека. Не исключено, что понадобится промежуточный этап.

Напомни этому маленькому дурачку Мишелю слова Альберта Эйнштейна: «Не беспокойся насчет трудностей с математикой, уверяю, у меня их гораздо больше». Здесь снова открыли школу, которая не работала целый год, и командование попросило меня заняться с маленькими туземцами математикой. Один лейтенант из Пуатье учит их французскому и надумал поставить «Беренику»⁸². Детишки очень хотят учиться и все схватывают на лету. За месяц мы прошли программу целой четверти. Мы

⁸² Трагедия (1670) Жана Расина (1639–1699). Источником послужило жизнеописание императора Тита из книги римского историка Гая Светония Транквилла «Жизнь двенадцати цезарей».

даем образование детям наших врагов. Насколько это логично, как ты думаешь?

Я умираю от смеха, представляя себе Франка, замерзающего в снегах Германии. Война закончится до его приезда. Я ему написал, но он мне не ответил. Не знаю, дошло до него письмо или нет...

Сесиль замолчала и задумалась. Я взял у нее из рук письмо и перечитал, что оказалось непросто: почерк у Пьера был «докторский».

– Тебе не стоит волноваться. Там, где сейчас находится Пьер, все спокойно.

– Что-то не так. Должен быть другой вход. Нужно только найти правильный ключ. А пока попроси отца, чтобы оплатил тебе репетитора.

Сесиль решила выпить кофе с молоком, зарядила кофейник и составила список продуктов.

– Могла бы и сама сходить в магазин.

– Ты больше не хочешь мне помогать?

– Не в этом дело. Ты целую неделю не была на улице.

– Так ты сходишь за покупками или нет?

Она протянула мне список и две купюры по десять франков.

– Список не понадобится. Я и так все знаю: кофе, молоко, пряники и яблоки. Будешь так питаться, заболеешь.

– Не начинай...

Сесиль взяла меня за плечи и прижала к себе. Она была

неожиданно сильной для своего хрупкого телосложения.

– Вот что, маленький братец. Я не нуждаюсь ни в помощи, ни в защите. Ни от тебя, ни от кого другого. Я достаточно взрослая и могу справиться сама. Если хочешь, чтобы мы остались друзьями, никогда больше не говори мне, что я должна делать, ясно?

– Ясней некуда. Но ты слишком худая.

Сесиль толкнула меня на диванчик и принялась щекотать. Она обожала это делать, зная, как сильно я боюсь щекотки. Мы хохотали, я защищался, она нападала. Ответить я не мог – Сесиль щекотки не боялась. Я икал и вскрикивал, потом мне удалось оторвать ее от себя и поднять на вытянутых руках. Я весь взмок и задыхался, Сесиль пыхтела как паровоз. Руки у меня дрожали от напряжения, я продержался десять секунд, потом ослабил хватку. Сесиль рухнула на меня. Мы долго лежали и смеялись, выдохшиеся и счастливые, потом выпили уж не знаю какую по счету чашку кофе с молоком с бретонскими хлебцами и пряниками.

– Ты не сказала, что думаешь о теории Пьера, об этом сен-жюстизме.

– Он тысячу раз прав.

– Это будет диктатура!

– А сегодня у нас что? Демократия?

– Нельзя планировать бойню.

– Нужно знать, чего хочешь в жизни!

Тема была опасная. Вступать в спор с Сесиль мне не улы-

балось.

– Мне пора. Сегодня вечером возвращается мама.

* * *

В субботу мы устроили фотосессию в Люксембургском саду. У меня была всего одна пленка. Сесиль позировала перед фонтаном Медичи, парковыми скульптурами, рядом с музыкальным киоском. Погода была замечательная. Я не торопился, долго выбирал ракурс, ловил свет. Сесиль раздражалась, подгоняла меня, говорила, что, если выйдет ужасно, она порвет снимки, потом присела на край фонтана, и я снял ее с близкого расстояния – до лица было сантиметров тридцать, не больше. Волосы Сесиль растрепались, солнечный луч осветил ее сбоку, и в этот момент она улыбнулась – одними глазами. Лицо Сесиль выделялось на фоне неба и деревьев. Она выглядела умиротворенной и очень красивой. Мне удалось поймать ее убегающий взгляд. В тот день я сделал лучшие за всю мою карьеру фотографа снимки Сесиль. Она не стала их рвать, когда увидела.

Мама и Жюльетта вернулись из Алжира с изумительным загаром. Над городом нависало свинцово-серое небо, парижане мерзли, а они вволю погрелись на жарком солнце. Мы стали задавать вопросы о тамошних событиях, но они мало что видели. Не они – мама. Жюльетту переполняли впечатления, но папа запретил ей открывать рот.

– Мне что, уже и слова нельзя сказать?

– Я не желаю тебя слушать.

– Вот и не узнаешь, что я видела.

Мама рассказала, что на каждом перекрестке дежурят парашютисты, что несколько раз они с Жюльеттой просыпались среди ночи от грохота и пытались по звуку определить, в какой части города произошел взрыв. Однажды они с Луизой ходили по магазинам на авеню Бюжо. Какой-то тип в белой кепке дважды выстрелил в мужчину, который сидел на скамейке и читал газету, прыгнул в «стоявший под парами» «Рено-203», машина сорвалась с места, взвизгнув шинами, и скрылась из виду. Застреленный человек повалился набок, но никто не кинулся ему на помощь. Прохожие обходили скамейку, как будто ее и вовсе не существовало. Струйка крови бежала по тротуару в водосток, а люди спешили по своим делам. Но в остальном, по маминым словам, все было спокойно. Дедушка Филипп вернулся из Алжира, уверив-

шись в том, что французская армия контролирует ситуацию и граждане могут доверять и ей, и де Голлю. Очень скоро все придет в норму.

– Мы никогда не уйдем из французского департамента. Мятеж выдохся. Главари в тюрьме.

Они с Морисом решили, что сейчас самое время вкладывать в Алжир деньги. Больше того – можно хорошо заработать. Большинство людей готовы продавать свои дома за кусок хлеба, только нужно делать все по-тихому, поскольку ОАС⁸³ не хочет, чтобы французы уезжали и бросали свое имущество. Папа был не согласен, но права голоса не имел, хотя лично он предпочел бы открыть филиал магазина.

– У тебя мания величия, мой бедный Поль, – заявил дедушка Филипп. – Ты затеял строительство великой пирамиды, но я – не фараон и не дам ни франка сверх сметы. За все излишества тебе придется платить из собственного кармана. Тут есть и моя вина: не следовало давать тебе свободу, ты неуч и ничего не понимаешь в управлении.

Папа повернулся к хранившей молчание маме.

– Ты должен был все хорошо обдумать, Поль, узнать наше мнение. Этому строительству конца-краю не видно, ты поставил нас в невозможное положение.

Мы поужинали, я начал убирать со стола и носить посуду

⁸³ В 1961 году французские военные и гражданские сторонники Французского Алжира создали так называемую Вооруженную секретную организацию (ОАС). Они развернули террор во Франции и Алжире, пытаясь не допустить предоставления независимости Алжиру.

в кухню. Мама вдруг спросила:

– Чем ты занимался в каникулы, Мишель, почему так плохо выглядишь?

– Математикой.

На ее лице отразилось недоверие.

– Каждый день. Выучил учебник наизусть. Могу рассказать, если хочешь.

– И что, ты продвинулся?

– Математика – сложный предмет. Чтобы понять ее законы и правила, не достаточно просто их заучить, а причину непонимания объяснить невозможно. Мне сказали, что я психологически заблокирован.

– Только этого еще и не хватало.

– Это вроде бы не моя вина...

– А чья же?

В кухне появился папа со стопкой тарелок. Я готов был ответить, что это проблема авторитета, но воздержался. Чтобы не вступать в бесконечные объяснения. Два виновника моей математической заторможенности смотрели на меня и ждали ответа. Я пожал плечами. Неудобство психоанализа в том и заключается, что проблема не решается, даже если известна причина ее возникновения.

Я пришел в «Бальто» и сразу почувствовал: что-то случилось. За футбольными столами и бильярдом не было игроков. Все толпились у стойки и переговаривались тихими голосами. В клубе никто не играл в шахматы. Они сидели бок о бок, молчаливые и тихие, но тишина была какая-то вымученная. Сартр сидел за столом один и думал, зажав в уголке губ тлеющую сигарету. На столе перед ним стояли три пустых стакана. Появился Жаки и расставил на столах напитки, стараясь держаться как можно незаметней. Когда он проходил мимо Сартра, тот протянул ему пустой стакан. Жаки застыл на месте, бросил на Сартра огорченный взгляд, вышел и тут же вернулся с бутылкой виски «Блэк энд Уайт». Он поставил ее на стол перед Сартром, тот поднял голову, Жаки наполнил стакан, Сартр поблагодарил кивком, начал пить маленькими глотками и вдруг застыл, опустив плечи и глядя в пустоту. Он выглядел смертельно усталым. Правая рука с зажатым в пальцах пустым стаканом лежала на колене. Люди уходили и приходили, не нарушая тишины. Все смотрели на Сартра с сочувствием. Я подошел к Игорю Маркишу, с которым мы сблизились во время каникул, он ободряюще улыбнулся и положил руку мне на плечо, как будто хотел подбодрить. Я прошептал ему на ухо:

– У него в семье кто-то умер?

Мне показалось, что мой вопрос удивил Игоря. Он ответил каким-то бесцветным голосом:

– Камю умер.

– Альбер Камю?

– Разбился на машине. Погиб на месте. Ужасная потеря.

– Сартр выглядит потрясенным. Они, наверное, были очень близки?

– Дружили после войны. Когда вышел «Человек бунтующий», Сартр раскритиковал Камю в пух и прах. Его статья была исполнена презрения, Камю оскорбился, они поссорились.

– Подруга дала мне эту книгу, но я еще не успел прочесть.

Сартр лихорадочно писал, зачеркивал, начинал сначала, скрипя пером по бумаге. Закончив, он встал, залпом допил виски и ушел. Листок остался лежать на столике. Никогда не забуду мрачного выражения его лица...

Игорь и остальные захотели прочесть текст. Многие фразы были перечеркнуты, разобрать удалось всего несколько строк. Игорь начал читать вслух:

– «Мы были в ссоре, он и я. Ссора – ерунда, если знаешь, что снова встретишься, ссора – всего лишь один из способов жить рядом и не терять друг друга из виду в нашем тесном мире. Ссора не мешала мне думать о нем, чувствовать его взгляд на странице книги, газеты, которую он читал. Я спрашивал себя: „Что он об этом думает? Что говорит – сейчас, в данную минуту?..“ Его упрямый гуманизм, строго обя-

зательный и чистый, суровый и нежный, вел безнадежную битву со многими уродливыми явлениями нашего времени. Благодаря своей упрямой непокорности он непостижимым образом утверждал превосходство принципов высокой морали, защищая их от лишенных совести политиков и золотого тельца сугубого реализма...»

Павел взял из рук Игоря листок, чтобы прочесть самому – как будто не поверил своим ушам, – потом передал его Владимиру, тот – Вернеру. Текст прочли все присутствующие, каждый составил собственное мнение.

– Я думал, они враги? – удивился Имре. – «Ссора – всего лишь один из способов жить рядом и не терять друг друга из виду...» Что, черт возьми, значат эти слова? Ты либо в ссоре с человеком, либо нет!

– Поздновато для сожалений, – бросил Владимир.

Они заспорили, как делали всегда и по любому поводу, не слушая друг друга, но старались не повышать голос. Виржил ругал Сартра, Грегориос его поддерживал. Затеяв спор, они переходили с французского на родной язык – так им было легче ругаться и оскорблять друг друга. Вернулся Сартр в сопровождении Жаки, и шум затих. Сартр увидел, что мы читаем его текст, и ему это не понравилось. Он отобрал листок у Леонида, сунул его в портфель и молча покинул клуб. Все застыли. Я спросил у Игоря, чем они так потрясены.

– Он попал в точку, угадал болезненное место – общее для всех нас.

Уже много недель все разговоры в нашем доме касались только нового магазина. Восьмое чудо света. Папе пришлось не на шутку схлестнуться с Филиппом, который считал верхом глупости тратить деньги на украшения.

– Это показуха. У фирмы Делоне есть репутация. Можно было подкрасить, подновить, чтобы было чистенько, но крушить все подряд ради того, чтобы пустить пыль в глаза окружающим... Да ни за что на свете!

Судьбу битвы решила мама.

– Ты отдал мне магазин, папа, – сказала она. – Теперь делами ведаю я – и неплохо, как ты сам мог заметить. Поль прав, модернизация необходима и неизбежна.

– Выбросить миллионы на витрину окнами на авеню, мрамор, лампы дневного света и раздвижные двери, оборудовать контору на втором этаже, мастерскую во дворе и заменить мою вывеску – она была как новенькая! – на другую... Нет, я категорически не согласен, Элен. А музыка? Что за глупость? Это тебе не опера. Ты управляешь магазином, но я остаюсь акционером. Новое помещение слишком большое и слишком красивое. Не забывай, мы обслуживаем простых людей. Роскошь не в стиле нашего квартала. В делах, как и в жизни, не стоит заноситься.

Мама не любила, когда ей противоречили, но и сама ни-

когда не спорила. Она слушала – терпеливо, не перебивая, но это не означало, что доводы собеседника ее убедили. Мамино молчание не было знаком согласия. Она много лет подчинялась своему отцу, но в это воскресное утро решила расставить все по местам.

– Прости, папа, но сегодня хозяйка здесь я! – отрубила она. – Я приняла решение. Будет так, и никак иначе!

Мы с Жюльеттой переглянулись: нас озадачило, что в разговоре с бабушкой она пустила в ход любимую папину сказку. У Филиппа был такой растерянный вид, что папа решил его утешить, несмотря на их вечные разногласия:

– Людям нравится делать покупки в магазине, где умеют пустить пыль в глаза. Мы им это обеспечим. Мелкой торговле пришел конец. Мы уменьшим наценки, получим в два раза больше заказов и повысим прибыльность. Не пожалею денег на рекламу.

– В нашем квартале?

– Я говорю о настоящей рекламе – на радио и во «Франсуар»!

Дедушка встал, смерил нас негодующе-сожалеющим взглядом, словно мы были семейкой умственно отсталых, и они с бабушкой Алисой удалились, оскорбленные в своем буржуазном достоинстве. На открытие они не пришли. Мы не виделись полгода.

Я отправился на авеню Гобеленов. Старую вывеску, которая всегда казалась мне огромной, заменили новой, в два раза больше в высоту. Она сверкала, мигала и показывала время и температуру воздуха. Ее было видно от самой площади Италии. Накануне открытия на стройке царил полный хаос. Старый магазин, незаметный, скромный, не менявшийся полвека, превратился в сверкающий огнями суперсовременный торговый центр, отделанный белым мрамором. В большом зале красовались ванны, сантехническое и кухонное оборудование. Все размахивали руками и суежились, как в фильмах Чаплина. Мама кричала на папу, обвиняла его в грядущей катастрофе, говорила, что ей следовало прислушаться к словам Филиппа. Папа угрожал архитектору, обещая набить ему морду, а потом засудить и разорить. Архитектор подгонял рабочих, те клялись, что работу тормозят электрики, которые возились с подвесным потолком и никак не могли закончить, но им никто ничего не говорил, потому что их прораб, двухметровый итальянец, орал благим матом, перекрывая могучим басом песенку из фильма «Мост через реку Квай». Связываться с итальянцем никто не рисковал: когда-то он работал светотехником на студии «Чинечитта», относился к своей работе очень серьезно, выставлял свет так тщательно и любовно, как если бы кухонные плиты

были старлетками. Будущие продавцы распаковывали товар, наводили лоск и глянец и насвистывали в такт работе «*Привет, солнце сияет, сияет, сияет*». Папа дирижировал, как на параде, и на лету раздавал ценные указания. Пронзительный свист из динамиков заставил всех вздрогнуть, радист всплеснул руками и выключил звук, но в конце концов справился с норовистой аппаратурой, убрал помехи, и в зале снова зазвучал оркестр. Архитектор бегал за папой, потрясая пачкой листов, на которые папа не пожелал даже взглянуть и отослал его к маме. Она начала изучать бумаги, и на ее лице отразилось недоверчивое изумление. Архитектор протянул маме ручку, чтобы она подписала.

– Что это?

– Доплата за проделанные работы.

– Уберите звук! – кричал папа.

Пришедшая в ужас мама пробежала глазами накладные:

– Что за бред? Быть такого не может! Я не стану ничего подписывать. Это жульничество! Вам ясно?

– Ваш муж сказал мне...

– Вот пусть он и платит! Я и на сантим не превышу первоначальную смету!

Они спорили, стараясь перекричать друг друга. Мама была не из тех женщин, которых мог запугать архитектор, пусть даже дипломированный специалист и здоровенный мужик, вдвое больше ее в размерах. Папа, ведавший исключительно поставками, неожиданно вспомнил, что у него назначе-

на срочная встреча, и ускользнул через заднюю дверь. Мама с архитектором искали его, но не нашли – никто не видел, как он уходил. Папино исчезновение еще больше их раззадорило. Архитектор счел, что его держат за болвана. Мама оскорбилась. Оба заявили, что вызовут своих адвокатов, и стали грозить друг другу судами. Каждый был уверен, что выиграет: архитектор пользовался влиянием, у мамы были высокопоставленные знакомые. Послушать их, так выходило, что один из них будет жалеть о случившемся до конца своих дней. Мама сняла трубку и набрала номер. Ее адвоката на месте не оказалось. Она не разрешила архитектору звонить из своего кабинета. Он приказал рабочим покинуть стройку. Мама пригрозила, что не заплатит, если они не закончат работу, и несчастные не знали, что делать. В этот момент снова появился папа, что только подогрело иступление архитектора, мамы и прораба-итальянца, требовавшего немедленной оплаты. Перед лицом коллективного безумия я почувствовал себя бессильным, вернулся домой и взялся за «Человека бунтующего».

Папа вернулся рано утром, выжатый как лимон, но выглядел он довольным. В магазине все было готово – за исключением звукового сопровождения. Судя по всему, проблему разъяренного архитектора и дополнительной оплаты удалось утрясти. Родители об этом не говорили. Папа лег поспать на два часа, чтобы отдохнуть перед заключительным актом. Мама никак не могла решить, что надеть, и поинтересовалась

моим мнением. Я не знал, что посоветовать – шикарный наряд, не слишком подходящий для торгового мероприятия, или скромную одежду, не соответствующую уровню мероприятия, призванного сыграть решающую роль в будущем семьи. Я размышлял над этой дилеммой, а мама вдруг спросила:

– А ты в чем пойдешь?

– Да так и пойду.

– В джинсах? Что за нелепая идея!

Мама проинспектировала мой гардероб. У меня было три пары серых брюк, доходивших до щиколоток, и тергалевый костюм, поношенный, залатанный на коленях и слишком узкий.

– В чем ты ходишь в лицей?

– В брюках. Джинсы запрещены.

– Само собой разумеется... Это моя вина. Я уделяю тебе недостаточно внимания.

Мы немедленно отправились в магазин на бульваре Сен-Мишель, где мной занялся сам хозяин. Мама воспользовалась моментом и пригласила его на открытие вместе с женой.

– Моему сыну нужна новая одежда. Проблема в том, что он все еще растет.

– Возьмите брюки из эластана, эта ткань – новое слово в брючном деле.

Так я стал обладателем трех пар брюк, которые должны были «взрослеть» вместе со мной.

– Вы решили проблему с архитектором? – спросил я у мамы, пока мы ждали подгонки.

– А как ты узнал о проблемах?

– Я заходил в магазин вчера вечером.

– Мы пришли к соглашению, которое меня устроило.

– Разве вы не обговорили все условия заранее?

– Он решил воспользоваться доверчивостью твоего отца и сорвать куш на доделках. Но мы ему не позволили.

– Я бы никогда не подумал, что...

– Когда-нибудь ты поймешь, как делаются дела, Мишель.

Я кивнул.

– Скажи-ка, ты знаешь, где твой брат? Мы совсем его не видим. Он превратился в невидимку.

– Франк передо мной не отчитывается.

– Возможно, он с этой... девушкой.

– Ей он тоже ничего не говорит.

– Он у нее?

– Не думаю.

– Тогда это несерьезно. Он мог завести другую подружку.

Я напрягся. Мама никогда ничего не говорила просто так – в отличие от папы и большинства окружающих. Энцо как-то раз заметил, что у нее всегда есть задняя мысль в разговоре с людьми. Ей это не понравилось. Неприятное впечатление усугубляла улыбка, никогда не сходявшая с маминых губ. Она продолжила допрос. Знаком ли я с этой девушкой, какая она, чем занимается. У меня не было ни малейшего

желания обсуждать Сесиль с мамой. Она бы все равно не поняла, даже если бы я нашел нужные слова. Мама и Сесиль находились на расстоянии многих световых лет друг от друга. Франк мог сыграть единственную роль – стать причиной противостояния. Я прикинулся дурачком. Мама не отступалась. Она многое знала – или делала вид, что знает. Была в курсе, что брат девушки Франка – лейтенант и служит в Алжире, что я в тот достопамятный вечер побега из квартиры был на его прощальной вечеринке, что брат и сестра живут одни после гибели родителей в автокатастрофе. Думаю, Франк кое-что ей рассказал. Я сделал большие глаза, изобразил святую невинность и пожал плечами. Наступила тишина. Мама несколько раз бросала нетерпеливый взгляд на часы – она боялась опоздать к парикмахеру.

Желая задобрить судьбу, папа выбрал для открытия двадцать второе ноября – годовщину их с мамой свадьбы. Она даже слышать об этом не хотела – для нее эта дата была навечно связана с трагедией – гибелью любимого брата Даниэля. Папа настаивал, и мама сделала вид, что готова уступить. Обольщаться ему не следовало, мама предвидела, что благодаря доделкам убьет двух зайцев: открытие не только отодвинется на несколько недель, но и освободит ее от докучливой опеки Филиппа.

Церемония должна была начаться в четыре часа и продолжаться весь вечер. Я вернулся домой, чтобы переодеться. Жюльетта увидела пакеты, ее одолела зависть, и она заканючила свой любимый припев: «Мне нечего надеть». Папа, обзванивавший журналистов, прогнал ее, чтобы не мешала. По его словам выходило, что сегодня вечером в Париже ожидается самое важное коммерческое мероприятие со времен открытия драгстора⁸⁴. Он повесил трубку и объявил торжествующим тоном:

– «L'Aurore» будет!

Он взял свой список и начал набирать номер «*Elle*».

Жюльетта пришла ко мне, чтобы посоветоваться, рядов

⁸⁴ Драгстор – американский аптекарский магазин с дешевым баром, продажей мороженого, кофе, журналов и т. п.

у этой маленькой модницы было более чем достаточно. Я выставил ее за дверь и разложил вещи на кровати. Нерон с интересом наблюдал за мной. В новом костюме и при галстуке я выглядел как взрослый. Я пригладил волосы, развернул плечи, сунул руки в карманы, убрал с лица улыбку, посмотрелся в зеркало и... дал себе шестнадцать, нет – семнадцать лет. Вернулась мама. Ей сделали красивую завивку, и вид у нее был очень довольный. Я повернулся, чтобы позволить ей оценить результат, и тут из ванной донесся папин голос. Он распевал во все горло: *«La donna è mobile, qual piuma al vento, muta d'accento, e di pensiero...»*⁸⁵

Мама изменилась в лице, вскочила, побежала к нему, и они сразу заспорили.

– Ты с ума сошел? Дерешь глотку так, что весь дом слышит.

– Мне что, уже и попеть нельзя?

– Только не по-итальянски. Не хочу, чтобы соседи что-нибудь подумали.

– Это «Риголетто»! Верди!

Хлопнула дверь ванной. Мама вышла в коридор, а папа снова запел любимую теноровую арию.

У мамы был редкий талант – она умела кричать, не повышая голоса.

– Прекрати немедленно, Поль!

⁸⁵ Песенка герцога «Сердце красавиц склонно к измене» из оперы Джузеппе Верди «Риголетто» (1851). – Прим. ред.

После возвращения из Германии Франк почти не бывал дома. Он прибегал, устремлялся к холодильнику, съедал все, что находил, запирался в своей комнате и часами висел на телефоне – словом, вел себя как заговорщик. Потом исчезал, не попрощавшись. Сесиль тоже его не видела. Она часто звонила и упрекала меня за то, что не передаю брату ее сообщения. Франк не давал о себе знать. Дома он не ночевал. С Сесиль не общался. Она беспокоилась. Никто не знал, чем он занимается.

Но в тот день Франк появился. Выглядел он плохо: круги под глазами, недельная щетина. Мама заговорила с ним в резком тоне, и он с ходу взял сторону папы:

– Сколько лет ты достаешь нас разговорами о соседях? Плевать, что они думают. Здесь нечем дышать. Мы ходим в мягких тапочках. Приглушаем звук радиоприемника. Осторожно!

Мама была шокирована:

– Соседей нужно уважать. Они добропорядочные люди, и я не разрешаю...

Франк, недослушав, уселся за стол и принялся за жареного цыпленка. Мама попыталась сдержать гнев:

– Я рада, что ты вернулся. Скоро открытие, так что переоденься.

– Только не сегодня. Я не пойду.

– Могу я узнать почему?

– У нас собрание ячейки. Я должен все подготовить.

– Воистину Господь испытывает меня...

– Пойду я туда или нет, это ничего не изменит. Вы без меня обойдетесь. Партия – нет.

– Собрание жалкой ячейки для тебя важнее интересов семьи?

– Члены этой «жалкой», как ты изволила выразиться, рисковали быть расстрелянными, когда другие жирели и наживались, спекулируя на черном рынке, – если ты понимаешь, о чем я.

– Нет, не понимаю, – ледяным тоном произнесла мама. – На что ты намекаешь?

– Ах да, конечно, я и забыл, что Делоне во время войны вели себя героически. Храбрый дядюшка Даниэль. Он погиб не напрасно.

– Не смей! Это низко.

– Разве Делоне не обогатились на войне?

– Это ложь! Нас оправдали.

Папа почувствовал, что разговор принимает опасный оборот, и попытался успокоить страсти:

– Все это в прошлом, Франк. Я провел в лагере пять лет, а теперь у нас с немцами дружба. Страница перевернута, и слава богу. Я думаю о будущем и о семье. Последуй моему примеру.

– Послушай, папа, я действительно должен пойти на собрание. Это очень важно.

– Но что может быть важнее нашего магазина?

– Увидишь!

На этом все могло бы закончиться. Ссора как ссора, каких миллион. Каждый дуется на кого-то, все сидят по углам и копят злобу, а через три дня не могут вспомнить причину размолвки. Не случилось ничего из ряда вон выходящего. Наша жизнь могла бы вернуться в привычное русло, но... Мама расправила плечи и отчеканила:

– Сейчас ты извинишься, Франк. Возьмешь назад все свои слова.

Наступила долгая пауза. Мамино лицо оставалось бесстрастным, только глаза сверкали. Я знал, что ответит Франк. И в глубине души надеялся это услышать, что доказывает, каким глупым я тогда был.

– Никаких извинений. Я сказал чистую правду.

– Ты возьмешь назад свои слова или убереешься отсюда!

Франк встал. В руке у него была зажата куриная ножка. Папа сделал последнюю попытку:

– Так, давайте успокоимся. Послушай, Элен, не стоит так нервничать. Франк не хочет идти на открытие – тем хуже для него, нам достанется больше шампанского.

– Я не собираюсь и дальше терпеть в доме предателя. Ты немедленно извинишься!

Франк яростно отшвырнул обглоданную кость:

– Вы меня не скоро увидите!

Он кинулся в свою комнату, запихал одежду в рюкзак и ушел, хлопнув дверью. Мы сидели, пытаясь осознать случив-

шееся. В острые моменты нужно уметь промолчать. Проигрывает тот, кто первым открывает рот.

– Ты не должна была этого говорить! – буркнул папа.

Мама взорвалась. Стала обвинять папу во всех смертных грехах. Соседи наверняка слышали каждое слово. Говорила, что причиной всему его необразованность и политические взгляды семейства Марини. Пусть кто угодно говорит что угодно, в семье Делоне ребенок никогда не позволил бы себе говорить с матерью в подобном тоне, а отец не делал бы отсутствующего вида. И тут произошло нечто из ряда вон выходящее: папа не смолчал, не стал ждать, когда все успокоится, а долбанул кулаком по столу. Да так сильно, что опрокинул хрустальную вазу. Вода разлилась по паркету. Но никто не шевельнулся.

– Замолчи! – гаркнул папа. – Ты только что выгнала сына из дома! Довольна?

– Не волнуйся, он вернется.

– Дура!

Мама растерялась, мы тоже. Папа ушел в ванную. Но петть не стал.

* * *

Часом позже мы собрались в прихожей. Папа надел свой лучший костюм из черной альпаки и надушился. Жюльетта сидела рядом с ним на диванчике и болтала ногами. Она дер-

жала папу за руку. Когда я подошел, они подвинулись, чтобы дать мне место. Я взял папу за другую руку. Появилась мама в любимом костюме от Шанель. На нас она даже не взглянула. Мы встали.

– Опаздываем, – будничным тоном заметил папа.

Вид у всех был такой, как будто мы идем не на открытие нового магазина, а на собственные похороны. Мы были уже на площадке, когда зазвонил телефон. Папа кинулся обратно, думая, что это Франк, ответил, протянул трубку мне:

– Тебя.

Звонила Сесиль. Голос у нее был какой-то странно осипший.

– Мишель, приходи скорей, умоляю!

– Что случилось? – закричал я.

– Приходи, я умираю!

Повторять ей не пришлось – я сломя голову кинулся бежать вниз по лестнице, слыша, как мама кричит мне вслед:

– Куда он?

* * *

Я мчался как сумасшедший, расталкивая прохожих, одним махом миновал бульвар Сен-Мишель, оказался на набережной Августинов. Взлетел по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, так что едва не взорвались легкие. Я звонил и барабанил в дверь, пытаясь отдышаться. Никто не

отозвался, и я открыл своим ключом. Во всех комнатах горел свет. Я начал обход огромной квартиры, не переставая звать Сесиль. А потом нашел. Она лежала на полу в ванной, без чувств. Я орал, выкрикивал ее имя. Она не отзывалась. Была ужасно бледная. Я тряс ее, тряс изо всех сил. Она не реагировала, повисла у меня на руках, как тряпичная кукла. Я приложил ухо к ее груди и услышал, что сердце едва бьется. Я совершенно растерялся. Ждал, что она шевельнется, поднимет голову, но ничего не происходило. У меня дрожали ноги. Внутренний голос вопил мне в ухо: «Соберись, кретин, не время паниковать!» Я вызвал «скорую». Диспетчер спросил адрес и сказал, что они уже едут. Следующие двадцать минут стали самыми длинными в моей жизни. Я намочил махровую рукавичку в холодной воде и положил ее на лоб Сесиль. Я целовал ей руку. Гладил по лицу. Шептал на ухо: «Не умирай, Сесиль, останься со мной, умоляю тебя...» Я прижал ее к себе и баюкал, сжимая все крепче и крепче, чтобы задержать на этом свете, не дать уйти, и вдруг увидел на полу под раковиной флакон. Приехали спасатели, надели на Сесиль кислородную маску. Я отдал им флакон. Они обшарили аптечку и обнаружили кучу лекарств. Тот, кто постарше, спросил, не больна ли Сесиль. Я хотел ответить «нет». И не мог. Сесиль сделали укол. Потом один из спасателей сгреб все препараты в пластиковый пакет, и они понесли носилки вниз. По Парижу мы мчались на бешеной скорости. Дико завывала сирена. В больнице «Кошен» Сесиль отвез-

ли в приемное отделение скорой помощи. Ко мне подошли молодой врач в белом халате и медсестра. Они начали задавать вопросы, на которые у меня не было ответов, я назвался ее другом, сказал, что она мне позвонила. Как я понял, в аптечке Сесиль оказалось множество лекарств, которых там не должно было быть. Я остался сидеть на стуле у входа и наблюдал, как «скорые» и полицейские привозят в больницу печальный груз – умирающих, истекающих кровью раненых – и отправляются за очередной порцией. Сестра попросила меня заполнить бюллетень госпитализации, но я мало что знал о Сесиль и сделать этого не смог. Какой-то мужчина привел женщину – она вопила от боли, зажимая рукой окровавленный живот. По перешептываниям персонала я понял, что она пыталась вызвать у себя выкидыш. Я закрыл глаза.

* * *

Я двигался по бесконечно длинному темному коридору, пытаюсь найти Сесиль. Открывал двери палат, но никого не видел. Кое-где стены были в крови. Жуткие крики страдальцев вели меня по пустынному лабиринту коридоров и лестниц и стихали, как только я останавливался, чтобы определить, откуда они исходят. Я задыхался от омерзительного запаха и вдруг с ужасом заметил, что испачкал руки в дерьме. Мимо, не заметив меня, прошел ошалевший от боли человек – ему оторвало руку до самого плеча. Сесиль кричала и

звала, а я не мог ее найти. В глубине коридора я заметил зеленоватый свет – там был пожарный выход – и побежал туда в надежде на спасение. Чем быстрее я бежал, тем дальше отступал свет. Я слышал зов Сесиль, но не понимал, откуда он. Наконец я добрался до выхода, толкнул дверь, собираясь выскочить, и тут гигантская рука схватила меня за плечо и встряхнула. Я вздрогнул и резко распрямился, стряхивая остатки сна. Молодой врач смотрел на меня, вопросительно вздернув бровь:

– Мсье, мсье... Ваша подруга жива. Пока.

– Что с ней?

– Она приняла столько таблеток, что и слон бы свалился.

Мы промыли ей желудок. Когда она проснется, проведем обследование.

– Ей что-то угрожает?

– Она чувствует себя как нельзя лучше.

– Можно мне к ней?

– Нет. Она спит. Приходите завтра.

– Я не уйду, пока не увижу ее!

Врач тяжело вздохнул, давая понять, что зачислил меня в разряд «доставал», повернулся и, не сказав ни слова, пошел по коридору. Он придержал створку автоматической двери, чтобы я успел пройти, и кивком указал на дверь палаты. Кроме Сесиль, там было еще пять женщин. На соседней кровати бредила и заговаривалась старушка. У Сесиль было умиротворенное лицо, дышала она тихо и ровно. В правую руку

была вставлена игла капельницы.

— Когда она проснется?

— Ближе к полудню.

* * *

Домой я пришел в четыре утра. Позвонил, дверь распахнулась, и стоявший на пороге папа крепко обнял меня:

— Как ты, мой милый? Все в порядке?

Мама забросала меня вопросами. Откуда я явился? Что делал? Отдаю ли себе отчет в том, как она волновалась? Чем она прогневала Бога, что Он наказал ее такими сыновьями? Папа велел ей замолчать и оставить меня в покое, но она не унималась и все говорила и говорила как заведенная. Почему я ушел? Я был один? С Франком? С Сесиль? Зачем она звонила? Что произошло?

— Ничего, — ответил я спокойным тоном и закрыл за собой дверь в свою комнату.

Они остались караулить в коридоре, потом тоже отправились к себе. Спать не хотелось, и я просто сидел на кровати, прижав к себе Нерона.

* * *

Это был один из тех злосчастных, горьких дней, когда

жизнь лишается всякого смысла, проскальзывает, как песок между пальцами. Таким же был день испорченной свадьбы моих родителей, когда они узнали о гибели дяди Даниэля. День открытия магазина омрачила не только попытка самоубийства Сесиль, но и ссора между мамой и Франком. Сначала никто не придавал ей особого значения – всех отвлек мой поспешный уход. Они никогда раньше не ругались с такой бешеной злобой, но почему-то казалось, что все наладится. Подумаешь, глупый спор, чего не бывает между своими? Чрезмерное напряжение, нервы, усталость, разговор на повышенных тонах, неприятное замечание, слова, которых не вернешь, хотя сам в них не веришь, и, наконец, громкий финал. Мама и Франк – люди цельные, не умеющие уступать. После того злосчастного дня они не виделись и не разговаривали двадцать пять лет и все эти потерянные годы наверняка задавали себе одни и те же вопросы: почему это случилось, как они дошли до такого и стоило ли ссориться насмерть из-за таких пустяков, если ни один не может вспомнить брошенных в запале слов. Наша память устроена так странно, что все плохое мы забываем, а хорошее помним. Двадцать лет спустя папа спросил, помню ли я, что спровоцировало ту ссору, и мне пришлось напрячься, чтобы вспомнить. Если бы мама и Франк все знали заранее, они бы помирились, но никто не способен предсказать будущее. Люди живут одним днем. Наши ожидания не оправдываются, стройные планы рушатся. Мелочные расчеты моей матери

обернулись катастрофой. Открытие обновленного магазина должно было стать праздником для всей семьи, подарить нам надежду. Увы – в тот день красивое здание дало трещину.

Игорь Маркиш жил во Франции уже семь лет. Обстоятельства своего бегства из Ленинграда он вспоминать не любил, но родину, судя по всему, покинул по политическим мотивам – как и остальные члены клуба. Если я заговаривал об этом, он отделялся скупой и не слишком приветливой улыбкой. Игорь Маркиш и Вернер Толлер основали клуб и консультировали остальных по вопросам бюрократических формальностей. Все они были одержимы одним-единственным желанием – получить документы, чтобы не арестовали во время банальной полицейской проверки, чтобы не выслали, чтобы можно было наконец разобрать чемодан, оставить прошлое в прошлом, начать новую жизнь, работать. Они хотели «быть в порядке». Лишь те, кто по личному опыту знает, что такое жизнь на птичьих правах, способны понять вечный страх беженца, спасшегося от верной смерти и вынужденного бороться с загадочным противником – чиновником префектуры. Они часто обсуждали, где чиновники самые мелочные, непредсказуемые и злобные, и каждый с жаром отстаивал для своей страны не слишком почетное звание глупейшей власти в мире. Они рассказывали немыслимые случаи, например о том, как человеку приходилось доказывать, что он живой, а не покойник или что он не однофамилец врага народа, не подозреваемый, и так далее и тому

подобное. Знали они об этом не понаслышке. Самой ужасной, по общему мнению, была советская власть. У каждого из членов клуба – будь он чех, поляк или венгр – был свой душераздирающий пример. Леонид Кривошеин на полном серьезе рассказал однажды такую историю:

– Я оказался в камере с двумя русскими, не понимавшими, за что их арестовали. Лично я, сказал киевлянин, опоздал на пять минут на работу, и меня обвинили в саботаже. А я, сказал новгородец, пришел на пять минут раньше, и меня объявили шпионом. А я пришел вовремя, и меня обвинили в том, что у меня часы западной марки.

Все расхохотались. Леонид клялся, что это не анекдот, а чистая правда. В доказательство он показал свои часы «Lip Président»⁸⁶ с увеличительным стеклом, подаренные во время пересадки в Париже, когда он летел рейсом Москва—Лондон. Такие же носили де Голль и Эйзенхауэр. Присутствующие не поверили, и Леонид оскорбился. Это было частью игры. Леонид шутил не переставая, и никто не знал, что в его историях правда, а что – вымысел.

– Ты издеваешься, – бросил Тибор. – Тебя никогда не арестовывали. Не знаю, кто ты – король лжецов или король придурков.

Леонид перестал улыбаться и сверкнул на Тибора:

– Обзовешь меня так еще раз, и я тебя убью. Обещаю. За-

⁸⁶ Фирму «Lip» основал часовой мастер Эммануил Исаак Липман, фирма начала работать с 1867 года в городе Безансон. – Прим. ред.

душу собственными руками. И поверь, это будет взаправду, а не понарошку.

Жюри знатоков присудило «Золотую пальмовую ветвь» за абсурд высшей марки Томашу Загеловскому, который был журналистом «Трибуна люду» и обладателем завидного титула «жертвы первого класса», пострадавшей от польского режима. Его вызвали в мэрию квартала, в предместье Варшавы. Бдительная чиновница спросила, кто он такой. Он назвался, она возмутилась и обвинила его во лжи: «Настоящий Томаш Загеловский уже три месяца сидит в государственной тюрьме Бьялолека!» Томаш понял, что полицейские ошиблись и арестовали вместо него какого-то бедолагу, хотя тот клялся, что его зовут Петр Левинский и он ни в чем не виноват. Произошло чудовищное недоразумение: этот Левинский был правове́рным коммунистом. Томаш решил, что пропал, что его немедленно задержат, и тут чиновница (она не осталась равнодушной к его чарам) сказала, что Загеловский во всем сознался и его приговорили к десяти годам тюрьмы за предательство. Томаш выкрутился, заявив, что он и есть Петр Левинский, но иногда называет себя Томашем Загеловским, потому что живет в его доме и спит с его женой. Чиновница колебалась, но он привел убойный аргумент:

– Думаете, я рискнул бы прийти сюда, будь я предателем Томашем Загеловским? Разве я похож на дурака, лезущего в пасть к волку?

Она не нашлась что ответить, а Томаш пообещал сходить домой за паспортом и вернуться. Его отпустили, и он тут же скрылся, бросив все, что имел. Добравшись до Франции, Томаш написал в Польшу, чтобы рассеять недоразумение. Он не знал, какие последствия возымело его письмо и возымело ли вообще. Члены клуба считали, что инициатива Томаша осталась втуне. Власти ненавидят признавать свои ошибки и терять лицо. Как заметил бывший варшавский адвокат Ян Пачковский: если приговор вынесен, второго шанса человеку не дают, особенно в коммунистической стране. От этих слов и истории Томаша у меня похолодела спина. Я представил себе несчастного Петра Левинского, которого не только осудили за преступления, которых он не совершал, но и отняли имя, и не мог понять, зачем он признался. Игорь объяснил:

– У нас дома подозрение равнозначно уверенности. На этом зиждется власть. Ты виновен, раз попал под подозрение. Думаю, Петру было в чем себя упрекнуть.

– Но он был невиновен!

– Этого мало. Нужно еще хоть немного удачи. Судьба нам ее не послала. Петру тоже не повезло.

После своего невероятного побега из Польши Томаш нашел работу продавца в магазине одежды на Елисейских Полях и прилично зарабатывал. Он был хорош собой, элегантно одевался, обожал женщин и по воскресеньям ходил в дансинги на улице Лапп, а потом рассказывал нам о своих по-

бедах, хотя никто никогда не видел его с дамой.

Французская система управления госструктурами была, по всеобщему мнению, образцом прозрачности и простоты, особенно в сравнении со странами Восточной Европы. Но горе тому, кто сталкивался с тайным врагом, притаившимся в чаще административного леса: каждый коммунистический функционер ненавидел предателей, шельмующих СССР и братские социалистические страны, ведь СССР – родина счастливых трудящихся. Высшей, заветной целью был статус политического беженца. По логике вещей, люди из-за железного занавеса должны были получать его на «раздва-три», если бы не непредвиденное и непреодолимое препятствие в лице ужасного Патрика Руссо, елейно-слащавого главы отдела по работе с политэмигрантами. Его лучезарная улыбка была фальшивой, а участливость он пускал в ход, когда хотел запутать собеседника и убить в нем надежду. Владимир как-то раз застукал его за чтением «Юманите» у стойки быстро по соседству с «Бальто», Руссо смешался, а потом заявил, что называться политическими беженцами достойны только испанцы и португальцы, потому что у них на родине у власти находятся фашисты. Этот извращенец намеренно тормозил рассмотрение дел выходцев из Восточной Европы, избавлявшейся, по его словам, от своих пьяниц и преступников. Он вечно заявлял, что не хватает документа, свидетельства или аттестата, а когда человек, пройдя двадцать кругов ада, уже надеялся, что все в порядке, оказывалось,

что одна из справок потерялась или составлена не по форме, и приходилось все начинать сначала. Руссо удалось вывести из себя флегматичного Павла Цибульку: он не придушил его только потому, что рядом был Игорь. Руссо требовал предъявить карточку гражданского состояния, которую беженец получить не мог, но Руссо настаивал – под тем предлогом, что Павел родился в Богемии, а статус политического беженца циркачам не положен. Бывший посол в Болгарии воспринял эти слова как смертельное оскорбление, он ответил Руссо пощечину, и статуса ему пришлось ждать еще три года. Игорь хорошо знал каждый отдел префектуры, мэрии и некоторых министерств, какие документы и в скольких экземплярах нужно представить, кого из чиновников следует избегать, а кого можно купить. Судя по тому, какие трудности приходилось преодолевать для получения бумаг, все чиновники парижской префектуры были убежденными членами ВКТ⁸⁷.

* * *

Игорь говорил по-французски с легким акцентом. Его часто принимали за уроженца Эльзаса. Он происходил из той среды, где французский начинали учить раньше русского. Его отец на весь год арендовал виллу в Ницце. Игорь лю-

⁸⁷ Всеобщая конфедерация труда.

бил рассказывать, как во время летних каникул гулял по Английской набережной. Вообще-то, Игорь не слишком любил предаваться воспоминаниям. Он приложил слишком много усилий, чтобы начать новую жизнь, и не мог позволить себе попасться в ловушку прошлого. Его семья жила весьма обеспеченно. У отца, знаменитого хирурга, была собственная клиника в Санкт-Петербурге. Революция лишила их всего, но Игорь ни о чем не жалел. Страна создавала новый мир. Каждый участвовал в строительстве социализма. Получив диплом, Игорь работал врачом в больнице, но кардиологом не стал, потому что не смог продолжить учебу: нужно было кормить семью. Они были счастливы. А потом земля перестала вращаться и взорвалась. Однажды, в воскресенье вечером, Игорь кое-что рассказал мне о своей прошлой жизни:

– В блокаду и на фронте я был хирургом. Даже делал кесарево сечение под бомбами в «Гостином дворе». Мать и ребенок выжили. Ты и представить не можешь, какие операции я делал. Я бы и сам не поверил, что такое возможно, расскажи мне кто-нибудь об этом до войны. Но я их делал. Я видел, как медсестры ампутировали руки и ноги, продезинфицировав инструменты в огне. Чтобы оперировать на фронте, диплом не нужен. Главное – выжить, так ведь?

Война нанесла жестокие раны родному городу Игоря. Он был военврачом в Красной армии, чудом выжил в блокаду, воевал на территории Германии. Полгода Игорь вместе с другими ленинградцами работал на стройке, восстанавливая

больницу. Блокада осталась самым страшным воспоминанием его жизни. Разбомбленный город. Развалины. Прозрачные от голода люди на улицах, готовые на все ради крошки хлеба. После войны люди стали отстраивать Ленинград заново. Они не сомневались, что все восстановят и город станет еще прекрасней. Ленинград превратился в гигантскую стройку, такое было по силам только русским. Игорь не любил вспоминать то время и на вопросы отвечал нехотя, через силу.

– Почему ты уехал на Запад?

– Мне грозила смерть.

– Почему? Расскажи мне.

– Ты не поймешь. Это сложно объяснить. Продолжим игру. Не уподобляйся любопытной кумушке.

Я делал ход. Выжидал. И задавал следующий вопрос. Иногда мне удавалось разговорить Игоря, и он кое-что рассказывал, а я пытался восстановить целое по деталям. На родине у Игоря остались мать, жена, сын, мой ровесник, и маленькая дочь. Он восемь лет не имел о них никаких известий.

– Я прожил несколько жизней и забыл о них.

– Нельзя забыть по мановению волшебной палочки.

– Можно. Условие простое – забудь, или умрешь.

Загадочное молчание Игоря разжигало мое любопытство. Он был сдержан, замкнут, не любил расспросов, что делало его «человеком с прошлым», чью тайну я жаждал разгадать. Игорь не поддавался, решив, что теперь у него одна настоя-

щая жизнь – та, что началась после переезда во Францию. Игорь был человеком пылким, легким и бескорыстным. В разговоре с ним любой чувствовал себя непринужденно, все его любили и уважали, я ни от кого не слышал о нем ни одного дурного слова. Игорь и внешне был очень хорош: высокий, статный, синеглазый, с густыми волнистыми волосами и теплой улыбкой – мужчина в стиле Берта Ланкастера⁸⁸. В клубе это сходство было предметом шуток.

– Тебе бы следовало податься в кино, – говорили насмешники.

– Увы! – отвечал Игорь. – Я не умею врать.

* * *

Игорь научил меня играть в шахматы. Он первым из членов клуба предложил мне партию:

– Ты умеешь играть?

– Немного.

– Садись.

Мне достались белые фигуры. В шахматы я не играл никогда и двинул пешку вперед, вспомнив, как это делали другие. Он поставил свою пешку перед моей. Следующие два хода я сделал по наитию и попал, а потом пошел офицером,

⁸⁸ Бертон Стивен («Берт») Ланкастер (1913–1994) – один из самых успешных актеров в истории американского кино, обладатель премии «Оскар» (1960) и приза Венецианского кинофестиваля (1962).

как пешкой.

– Ты не знаешь правил!

– Вообще-то, нет.

– Я тебя научу.

Игорь оказался хорошим учителем. Через несколько дней я усвоил правила, начал механически их применять и не понял, почему Игорь сказал:

– Ну вот, ты освоил шахматы, а теперь должен стать игроком. Получится не сразу.

– Когда?

– Это зависит от тебя. Понадобится пять, а может, десять лет. Взять хотя бы Имре. Ему пятьдесят, он передвигает фигуры по доске тридцать пять лет. Приложив немного усердия, ты сумеешь у него выиграть. Запомни: главное – сосредоточение ума плюс капелька воображения.

Мы встречались в конце дня, чтобы сыграть пару быстрых партий, чаще всего – в полном молчании.

– Хочешь потрепаться – сходи в бистро за углом.

Игорь все время выигрывал. Я напряженно размышлял, учился предвидеть ходы противника, мысленно представлял расположение собственных фигур, вырабатывал стратегию и маскировку, но все было тщетно – Игорь читал мою игру как открытую книгу.

– Ты правильно пытаешься разблокировать свою ладью, но не открывай диагональ для моей дамы, иначе получишь мат в три хода.

– Как ты узнал, что я собираюсь пойти ладьей?

– У тебя нет другого решения. Не торопись. Не атакуй беспорядочно. Закрепи позицию, тогда будет легче защищаться.

– Не буду атаковать – не смогу выиграть.

Игорь огорченно качал головой:

– Ты осел. А я не люблю тупых зверюшек. Ты не дурак, просто не умеешь слушать. Делай записи.

Игорь считал, что я должен наблюдать за тем, как играют другие, записывать все ходы и повторять партии на карманных шахматах. Время от времени Игорь заглядывал в мой блокнотик. Он мог реконструировать всю партию, оттолкнувшись от короткой записи: 1. e4 c5 2. Cf3 e6 3. g3; 3... d5 4. exd5 exd5 5. Fg2 De7 6. Rf1; 6... Cc6 7. d4 Cf6 8. Cc3 Fe6, – и позволял себе комментарии:

– Никакого прогресса в игре. Владимир по-прежнему все усложняет. Слишком много вывертов.

– Он выиграл!

– Ничуть не бывало. Это Павел проиграл. Хочешь повысить свой класс, наблюдай за Леонидом, он – лучший. Простота и эффективность.

Целых два года Игорь оставался моим единственным партнером. Опытные – или считавшие себя таковыми – игроки не имели ни малейшего желания тратить время на дебютанта. Если я предлагал партию, они отвечали: «Сначала научись играть».

Они терпели меня только из-за Игоря. Любой мог прийти в клуб и сыграть партию, но решение о членстве принимали Игорь и Вернер. Единственным критерием была их добрая воля. Оба умели обескуражить надоеду и отвергнуть его со всей возможной учтивостью: «Это частный клуб. Мы на время прекратили прием. Запишитесь в лист ожидания».

Через два года, играя с Игорем, я создал патовую ситуацию. Никто не победил, но никто и не проиграл. Для меня это была победа, и Игорь это понял:

– Еще два-три года, приятель, и ты сумеешь взять надо мной верх.

Мне понадобился год, чтобы поставить Игорю мат, хотя победа не была чистой: у него в тот день случился приступ ишиаса и ему трудно было сидеть. Оказавшись во Франции, Игорь попробовал устроиться на работу врачом. Ему отказали. Диплом, выданный в СССР, во Франции не котиrowался, сдать экзамены в университете он не мог. Ленинград Игорь покидал в спешке, без бумаг и документов, подтвердить его слова было некому. Ни служба военврачом, ни медали не были приняты во внимание. Один маститый французский коллега предложил решение – начать все с нуля. В пятьдесят нелегко провести на студенческой скамье еще семь лет. У Игоря было две проблемы: отсутствие средств и бессонница. Он перестал спать в марте пятьдесят второго, после бегства из СССР. В Хельсинки Игорь провел одиннадцать дней без сна, надеясь, что усталость возьмет свое и проклятие будет

снято, но ничего не вышло. Кончилось все невесело: «скорая помощь» забрала Игоря прямо с улицы – он шел, голый по пояс (в десять градусов мороза!), и горланил песню. Ему сделали укол успокоительного. Оклемавшись, он отказался принимать снотворное, и все вернулось на круги своя. Помог Игорю коллега-врач, сам переживший ужас бессонницы. «Вы не спите по ночам, – сказал он, – из-за сбоя внутренней временной настройки. Причина этого феномена неизвестна, хотя предположения есть. Что делать? Понятия не имею. Возможно, вам стоит вернуться в Ленинград, но, боюсь, лекарство будет опасней болезни. Берите пример с меня. Спите днем. Работайте по ночам».

Игорь последовал совету, и его жизнь вошла в нормальную колею. В Париже он сначала работал у зеленщика на Центральном рынке, ожидая ответа от коллегии врачей, но у него сильно болела спина, и он устроился ночным портье в гостиницу рядом с площадью Мадлен. Его существование было невыносимо скучным. Два года он проработал ночным санитаром в больнице «Питье», терзаясь вопросом, за какое прегрешение судьба так жестоко его наказывает, пока однажды ночью она не свела его с двумя людьми, которым было суждено изменить его жизнь.

* * *

Граф Виктор Анатольевич Володин водил ярко-красную

«симку-ведет-режанс» с поистине аристократическим изяществом и имел почтенную профессию шофера второго класса – иными словами, был таксистом. В ту ночь он подобрал на улице Толбиак окровавленного бродягу, которого избили и бросили умирать. Граф успел затормозить в последний момент. Бродяга едва дышал, но был жив. Во время Гражданской войны Виктор повидал немало раненых и убитых. Он отрезал нос и уши нескольким красногвардейцам и разбирался в вопросе. Бродяга выглядел неважно.

Виктора Володина можно было по праву назвать хамом, мошенником и лжецом, он никогда не был графом, не служил царю-батюшке на Святой Руси, не был ни родственником, ни другом убийцы Распутина Феликса Юсупова, хоть и уверял в этом потрясенных клиентов. Его убедительные, изобиловавшие деталями рассказы объясняют ошибки в трудах некоторых именитых историков, принявших враки «графа» за чистую монету. Виктор утверждал, что возил князя, когда тот жил в Париже. Российские проблемы он не обсуждал, но до собеседника снисходил, говорил с ним по-русски и был якобы совершенно убежден в неизбежном и скором падении коммунистического режима и своем триумфальном возвращении на родину. В действительности Виктор Володин был простым солдатом царской армии, служил в Белой армии – был адъютантом «болвана Деникина», а потом Врангеля, имевшего «крутой нрав». Итак, он высадил из машины двух пассажиров, которых взял у «Фоли-Бержер»

на Пигаль, чтобы погрузить в такси кандидата в покойники и отвезти в ближайшую больницу.

В час двадцать пять ночи санитар Игорь помог вытащить раненого и услышал, как Володин выругался, обнаружив кровь на белом сиденье. Человек может прожить в Париже тридцать лет и говорить по-французски без малейшего акцента, но, выйдя из себя, он ругается на родном языке. Когда два изгнанника встречаются за границей, они испытывают чувство счастья вне зависимости от собственного прошлого. Им были суждены ненависть и взаимоуничтожение. Они упали в объятия друг друга. Как же хорошо было услышать обращение по имени-отчеству, во Франции, как известно, у людей есть только имя и фамилия. Обоим показалось, что они ощутили аромат родной страны, им почудились ее музыка и свет, хотя один был белогвардейцем, православным, антисемитом, женоненавистником и ненавидел большевиков, а другой – его исконным врагом, «краснопузым», с энтузиазмом и по велению души участвовавшим в строительстве коммунизма. На родине подобные различия заставили бы их прикончить друг друга, на чужбине они растворились в воздухе. Тем более что оба страдали бессонницей.

Я впервые в жизни прогулял лицей. Раньше мне это никогда не приходило в голову, я даже самые скучные занятия высиживал со стоическим смирением. Но теперь все изменилось, у меня появилось серьезнейшее основание для такого поступка: Сесиль нельзя было оставлять одну. Я вышел из дому, как делал каждое утро, и отправился в больницу «Кошен». Там был просто проходной двор. В палате Сесиль осталось всего три пациентки. Я спросил медсестру, куда ее перевели, она ответила недоуменным взглядом, устремилась в палату и окаменела при виде пустой койки и распахнутого шкафа:

– Больная сбежала!

Перепуганная сестра схватила трубку, позвонила на пост охраны, чтобы предупредить об исчезновении пациентки, и коротко ее описала. Никто не видел Сесиль. Проявился профессор со свитой студентов, и ему сообщили неприятную новость. Сестра заверила, что всего четверть часа назад проверяла больную и та спала, а потом... Она не договорила. Профессор наградил ее множеством нелестных эпитетов, был крайне агрессивен, оскорблял женщину, а она не реагировала. Он повернулся к студентам и бросил через плечо:

– Вы еще здесь, идиоты? Чего ждете?

Профессор вошел в палату и захлопнул за собой дверь,

даже не взглянув на меня. Студенты и медсестра разлетелись, как стайка перепуганных воробьев, и принялись опрашивать посетителей и пациентов. Сесиль испарилась. Я покинул больницу. Заходил в кафе на противоположной стороне улицы, задавал вопросы официантам, но никто ничего не видел. Я спустился по улице Сен-Жак к Сене, заглядывая по пути в кафе. Ни следа Сесиль. Лелея в душе безумную надежду, я поднялся в квартиру на набережной Августинцев. В квартире царил разгром. Мне стало не по себе, я почувствовал себя начинающим грабителем. Я долго ждал Сесиль, бродил по комнатам, твердя про себя, как заклинание: «Она сейчас придет... Она сейчас придет». В алькове висели часы, сделанные во Франш-Конте. «Она будет дома в десять».

Часы прозвонили, и я пошел к входной двери, уверенный, что она возникнет на пороге как по мановению волшебной палочки. Ничего не произошло. Стоя у окна, я искал Сесиль глазами в толпе. В половине одиннадцатого я стоял, уткнувшись носом в стекло часов. «Она вернется в одиннадцать. Она не может не прийти». С одиннадцатым ударом надежда рухнула. Глупо было верить в чудо. Я ушел, оставив ключи под ковриком, испытывая липко-неприятное чувство, что Сесиль не вернется и, если сделает еще одну глупость, я об этом не узнаю. Я засунул под дверь записку: «Предупредите меня, что бы ни случилось. Мишель Марини» – и номер телефона. Я бродил по кварталу, заглядывал в магазины и кафе, куда обычно ходила Сесиль, обошел улицы Сент-Ан-

дре-дез-Ар и Сен-Сюльпис. Никто ее не видел. Понутив голову, я шел вдоль решетки Люксембургского сада. Возвращение в исходную точку. Направление – лицей Генриха IV. Радоваться было нечему. Я тщетно пытался найти предельно правдоподобное объяснение своего прогула, которое даже такой хитрец, как Шерлок, не подверг бы сомнению и не вознамерился проверить. В этой вечной игре в кошки-мышки я был маленьким, насмерть перепуганным зверьком, который не знает, как спастись. Старый пройдоха Шерлок все поймет и разорвет меня на куски. Я смирился с грядущей казнью у входа в театр «Одеон», в нескольких метрах от фонтана Медичи. Было около двух, вот-вот должен был прозвенеть звонок, но я вдруг застыл на месте. «Если Сесиль там нет, я больше никогда ее не увижу».

Я развернулся и побежал. До фонтана было не больше пяти минут. На стульях читали люди, обнимались влюбленные парочки. Никаких следов Сесиль. Она часто говорила со мной об этом фонтане и его совершенной красоте, ей хотелось, чтобы я разделил ее страсть. Я слушал – терпеливо, но без всякого интереса. А потом вдруг заметил два цветочных пятна – зеленое и белое – в самом центре и, непонятно как и почему, тоже влюбился. Я не мог отвести взгляд от Полифема⁸⁹. Такого прекрасного, чудовищного, несоразмерного и несчастного, застигшего Галатею и Адиса на ме-

⁸⁹ Полифем – в древнегреческой мифологии жестокий циклоп, сын Посейдона и нимфы Фоосы. Был влюблен в Галатею.

сте преступления и собирающегося убить пастуха. Неизбежное и бессмысленное преступление. Я увидел Сесиль в самом дальнем углу. Она спала в кресле, запрокинув голову и бессильно свесив руки, мертвенно-бледная, с запавшими щеками. Мне показалось, что Сесиль не дышит. Я приложил ладонь ко лбу, почувствовал жар и прикрыл ее своей курткой. Сел рядом. Она приподняла веки, не удивилась и с робкой улыбкой протянула мне руку. Я сжал ее пальцы в ладони.

– Ты не очень-то торопился, – прошептала она.

– Я повсюду тебя искал.

– Я боялась, ты не придешь.

– Вот он я.

– Не бросай меня, очень тебя прошу.

– Не волнуйся, не брошу. Хочешь пойти домой?

Она покачала головой, и мы остались сидеть у фонтана. Я не знал, спит Сесиль или просто отдыхает, смотрел на Галатею с Ацисом – таких одиноких в этом огромном мире и таких безмятежно-счастливых – и вдруг почувствовал, что она за мной наблюдает.

– Они прекрасны, правда?

– Они в опасности, но не знают этого.

– Они счастливы. Полны жизни. Любят друг друга. Все остальное не имеет значения. В том числе опасность. Они останутся вечными любовниками. У тебя есть деньги?

– Немного.

– Хочу кофе со сливками.

Сесиль с трудом поднялась со стула и пошла мелкими шажками, опираясь на меня, но метров через двадцать отпустила мою руку. Мы отправились в бистро напротив под названием «Пти-Сюис» и сели на террасе.

– Хочу есть.

– Это хорошо.

Сесиль проглотила два круассана и заказала еще одну чашку кофе, начала было говорить, передумала и замолчала, но потом все-таки решилась:

– Я могу на тебя рассчитывать, Мишель?

– Конечно.

– Ничего не было. Ты понял? Совсем ничего. Мы никогда даже не заговорим об этом. Будем вести себя так, как будто ничего не случилось.

– ...Как скажешь.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– И ни слова Франку. Ничего не произошло! – воскликнула она, заметив, что я поджал губы и промолчал. – Франк не должен ничего знать. Как и все остальные.

– Я не могу не сказать ему. Он убьет меня, если вдруг сам узнает.

– Если ты не скажешь, если я не скажу, он никогда не узнает. Это в любом случае не важно, мы расстались.

– Что ты такое говоришь?!

– Между нами все кончено.

– Давно?

– Не знаю. Мы больше не видимся. Он... испарился.

– Дома он тоже не появляется.

– Когда у тебя отношения, ты не пропадаешь на много недель без особых причин. Я раз сто ему звонила. Говорила с твоим отцом, с твоей мамой, с тобой и даже с твоей сестрой. Сто раз просила передать одно и то же, но он не перезвонил. Наш единственный разговор продлился тридцать секунд – он был уже в дверях и очень спешил. Пообещал позвонить вечером. Прошло три недели. Как правило, когда мужчина ведет себя с женщиной подобным образом, когда... уклоняется, это означает одно: он встретил другую и не смеет признаться.

– Этого не может быть. Только не Франк.

– Поклянись, что ничего не знаешь.

– Клянусь.

– Тогда как ты объяснишь его исчезновение?

– Объяснение наверняка есть. Я знаю, он тебя любит.

– Он сам тебе сказал?

– Дал понять.

– Когда это было?

– У тебя дома.

– Я знаю, у него есть другая женщина.

Я мало что понимал в любовных отношениях – весь мой опыт был сугубо литературным! – и не мог объяснить постоянных отлучек брата. После возвращения из Германии

Франк ночевал дома не больше трех или четырех раз, но Сесиль я об этом не сказал.

– Если так, он настоящий мерзавец.

Сесиль пожала плечами, попыталась улыбнуться и покраснела. Глаза у нее были на мокром месте, она закусил губу, шмыгнула носом и вздохнула, пытаясь совладать с чувствами.

– Глупо лишать себя жизни из-за парня! И думать, что все кончено. Нужно ожесточиться, стать непробиваемой.

– Я все равно не могу поверить.

– Такова жизнь. Хотя я могла бы поклясться... Да нет... Хочу домой.

Официант принес нам счет. У Сесиль при себе не было ни су, а мне не хватало двух франков шестидесяти, и я не знал, куда деваться от стыда, но официант оказался хорошим парнем.

– Пустяки, – сказал он, – занесете потом, я вам доверяю. Совсем простить долг не могу – я сдаю выручку патрону.

– Принесу завтра же, не сомневайтесь, – поклялся я.

– Не дадите сигаретку? – спросила Сесиль.

Он достал пачку «Житан», чиркнул спичкой. На лице Сесиль отразилось неземное блаженство.

– Не уверен, что тебе сейчас полезно курить.

– Слушай, Мишель, перестань все время указывать мне, что делать.

Я проводил Сесиль до дома. Шли молча – говорить не

хотелось ни ей, ни мне, дважды ненадолго останавливались, чтобы она могла передохнуть.

– Может, все-таки вернешься в больницу?

– Мне не нужна нянька, забыл?

Я первым поднялся по лестнице, успел незаметно забрать свою записку и достал ключ из-под коврика. Сесиль вошла в квартиру. Я остался за дверью.

– Не волнуйся, все будет в порядке.

– Хочешь, я верну тебе ключи?

– Нет, оставь у себя... Конечно, если не собираешься меня бросить.

– Не глупи!

Она поцеловала меня в щеку.

– Постараюсь заглянуть завтра.

– Приходи, когда захочешь.

* * *

Я снова обошел все быстро, на сей раз в поисках Франка. Никто его не видел.

Два приятеля брата отвели меня в сторонку, но они просто решили пошутить надо мной.

– Может, твой брат где-то завис с Сесиль? – сказал один.

– Если найду Сесиль, Франку точно не скажу, – пообещал другой.

Я и не думал реагировать – мне было не до шуток – и везде

просил об одном и том же: «Увидите его, передайте, чтобы связался с братом. Срочно».

Я заглянул к лучшему другу Франка Ришару, жившему за мечетью. Они были членами одной партиячейки и вместе продавали «Юманите диманш» на рынке, что на улице Муфтар. Я удивился, увидев бритую наголо голову Ришара, а он, как мне показалось, растерялся.

– Что-то случилось?

– Почему ты так говоришь?

– Твоя прическа...

– Слушай, Мишель, я очень занят, у тебя какое-то дело?

– Я надеялся найти здесь Франка.

– В последнее время я его не видел. Он сказал, что ночует у меня?

– Ничего он не говорил, я и так знаю, вот и подумал...

– Он, наверное, у Сесиль.

– Увидишь Франка, попроси, чтобы связался со мной. Это важно.

– Обязательно.

Пауза продлилась на несколько секунд дольше, чем следовало. Ришар, всегда такой непосредственный и открытый, держался настороженно и с трудом сохранял спокойствие. В этом было что-то гадкое, фальшивое. Умелые лжецы ничего не боятся и всегда смотрят собеседнику в глаза, те же, кто врать не умеет, отводят взгляд, как будто обороняются. Нужно это запомнить.

– Новая прическа идет тебе меньше прежней.

Для очистки совести я зашел еще к двум товарищам Франка. Они не знали, где он может быть, но пообещали передать ему сообщение – если увидят.

За ужином мама спросила:

– Как дела в лицее?

– Как обычно.

– Чем вы занимались?

– На английском продолжали изучать Шекспира, на занятиях по французскому начали читать «Сутяг»⁹⁰.

– Ты подготовился к контрольной по математике?

– Мы с Николя много занимались.

– Жалко, что мы давно не видели твоего друга, – сказал папа. – Пригласи его как-нибудь в воскресенье на обед.

* * *

Полночи я придумывал правдоподобные отговорки для Шерлока, которые он мог бы принять, не усомнившись в моей правдивости. Спал я плохо, а утром с тяжелым сердцем решил отправиться на заклание и вдруг нащупал в кармане куртки листок – бюллетень госпитализации, который дала мне заполнить медсестра в больнице, куда мы привезли Сесиль. Это был знак судьбы. Спасительный выход. Я ко-

⁹⁰ «Сутяги» – трехактная стихотворная комедия Расина (1668), которая высмеивала нравы, царившие в парижском Дворце правосудия.

лебался. Можно было подделать бюллетень, это было нагло, но именно поэтому могло получиться. Иного решения все равно не существовало. Я взял черную шариковую ручку и вписал свое имя и минимум деталей. В графе «причина несчастного случая» поставил «был сбит велосипедистом». Я постарался изобразить мелкий, неразборчивый «медицинский» почерк, а вместо подписи поставил закорючку. Когда я протягивал листок Шерлоку, сердце у меня бешено колотилось; он взглянул и спросил, как я себя чувствую.

– Сегодня на улицах приходится быть очень внимательным – слишком много машин, автобусов, велосипедистов. Пусть это станет тебе уроком.

Я обнаглел и поддал жару:

– Он даже не остановился!

– Позор! В какое время мы живем...

– Ничего страшного, не волнуйтесь обо мне. Врач сказал, все скоро пройдет. Но я очень испугался.

Николя помог мне справиться с контрольной по математике – дал списать, как обычно. Из-за треволнений с Сесиль я уделял ему мало внимания, но мой друг был незлопамятен. Чтобы загладить вину, я предложил сыграть в настольный футбол, и мы отправились на Мобер. Я не подходил к столу целых три месяца, но навыка не утратил: настольный футбол – это как велосипед.

Сдав умирающего с рук на руки усталому дежурному интерну, который не знал, с какого бока к нему подступиться, Игорь и Виктор отправились в «Аустерлицкую пушку» обмывать знакомство. Очень скоро водка у них кончилась, и Володин спросил:

– Пил когда-нибудь виски, Игорь Эмильевич?

– Ни разу.

– Вкус странный, но привыкаешь быстро.

– Не люблю все американское.

– Ошибаешься, настоящий виски – шотландский напиток.

Свой первый стаканчик виски Игорь выпил по-русски – залпом. Не водка, но тоже неплохо. Мужчины поклялись быть друзьями навек и поведали друг другу о своей жизни. Виктор был хитрецом и прекрасно понимал, что соотечественник его разоблачит, поэтому сказал правду. Всю как есть. Он знал, что эйфория встречи очень скоро сменится недоверием к историческому врагу. Виктору, как и всем лжецам, трудно было поверить, что человек способен говорить правду, и он не поверил Игорю:

– Да какой ты врач! Быть того не может!

– Клянусь честью. Я закончил Военно-медицинскую академию в Ленинграде, но мой диплом во Франции недействителен. Я специализировался в кардиологии. Практико-

вал пятнадцать лет. Консультировал в больнице Тарновского⁹¹. Во время войны служил военврачом в армии Жукова, в звании лейтенанта. Я был хорошим врачом, пациенты меня обожали.

– Думаешь, я поверю в эти небылицы? Ты санитар! А что в медицине кумекаешь, так это потому, что навидался больных и наслушался докторов. Папашу Виктора не проведешь. Мы с тобой похожи. Обмануть невежду и дурака легко, но я не таков, так что хватит вешать мне лапшу на уши... товарищ!

Игорь столкнулся с неразрешимой проблемой. Как доказать, что он действительно врач? Все его объяснения натывались на глухую стену недоверия. Виктор желал получить настоящее доказательство. На бумаге с водяными знаками, государственными цветными печатями и официальными подписями. Диплом Игоря остался в Ленинграде.

– Ты такой же врач, как я – кузен князя Юсупова! – ухмыльнулся Володин.

– Но ты и *есть* его кузен!

– Это я рассказываю туристам, ради смеха. Признаю, ты силен. Главное – уметь произвести впечатление. Я знаю великих герцогов и графов, которые выглядят как портье или

⁹¹ Бывшая Калининская больница в Санкт-Петербурге (известна также под именем Секретная больница) – первая венерологическая клиника в России. Была учреждена в середине XVIII века на основе одной из тюрем для женщин, уличенных в занятиях проституцией. В 1922 году ей присвоили имя В. М. Тарновского (1837–1906), российского венеролога, сексопатолога, судебного психиатра.

сапожники. Когда они заявляют о дворянском происхождении, их называют лжецами. А вот мне все верят.

Игорь решил не настаивать. Бегство из СССР и пережитые мытарства заставили его переоценить такие понятия, как правда и ложь. Он теперь ни в чем не был уверен, разве что в том, что жив. Для него это была единственная истина на земле: человек либо жив, либо мертв. Остальное – вопрос верований или идеологии.

– Думай, что хочешь, мне все равно. Ты прав, здесь я не врач, а санитар.

Виктор расценил столь стремительную капитуляцию как доказательство мастерства Игоря в искусстве обмана и решил, что из него выйдет хороший таксист.

– Сколько ты сейчас зарабатываешь?

– Не много.

– Хочешь зарабатывать больше и быть свободным?

– Кто же от такого откажется? Если работа честная, я согласен.

– Ты решил меня оскорбить или просто неудачно шутишь? Не забывай, я бывший офицер царской армии. Надеюсь, ты не еврей?

– Я жив, разве это не доказательство?

* * *

Игорь стал работать таксистом на графа Виктора, чье

весьма растяжимое понятие честности не распространялось на клиентов, особенно на иностранцев.

– Зря ты цепляешься к мелочам, Игорь Эмильевич. Ты меня знаешь, я человек верующий и соблюдаю заповеди. Бог создал простодиль, чтобы их надудали.

Игорь не сразу стал настоящим парижским таксистом. Париж – огромный город, все парижане – бешеные, парижанки пребывают в состоянии перманентного возбуждения, в предместьях черт ногу сломит, а их обитатели – скупердяи. Игорю помогла его докторская память, и он в конце концов выучил наизусть план города и те места, где возникали самые безнадежные пробки.

– Раньше Париж ехал. После Освобождения движение по улицам было просто отличное. Потом появился «Ситроен-2CV»⁹² и испортил нам жизнь. А после того, как завод «Рено» выпустил дамский «дофин», начался настоящий бедлам.

– Я согласен – при одном условии: буду работать по ночам. Днем я сплю.

– Даже не знаю... Ночной таксист – особая профессия.

– Решай, Виктор Анатольевич, ты хозяин, тебе и карты в руки.

– Моя жена вынесет тебе благодарность. Дневной води-

⁹² Микролитражный автомобиль, выпускавшийся с 1949 по 1990 год, мощностью в две лошадиные силы. Французское прозвище Deux chevaux превратилось в русское Дё-шево.

тель меня обкрадывает. Насчет тебя я спокоен, у коммунык одно достоинство – честность. Посоветуешь снотворное?

– Я не разбираюсь во французских препаратах, но сам снотворного не пью. Давно у тебя бессонница?

– Как попал в Париж, так и перестал спать. Поправился на сорок кило. В молодости ел мало, как птичка, а спал как убитый. Чертов вун! Будь ты врачом, знал бы, как мне вылечить.

Виктор рассказал Игорю, какие хитрости и уловки позволили ему купить белый домик на холмах Лей-ле-Роз, откуда был виден весь Париж, Эйфелева башня и Сакре-Кёр. До самой своей смерти от сердечного приступа, случившейся двенадцать лет спустя, в мае шестьдесят восьмого, в гигантской пробке на Национальном шоссе № 7 в окрестностях Орли (он довел до полного иступления пассажира-техасца, которого два часа мотал по южному предместью!), Виктор считал Игоря первоклассным выдумщиком, который ни дня не работал врачом. Граф заставил Игоря поклясться на образе, что он будет хранить его секрет вечно, и рассказал, как отвлечь внимание клиента и возить его по кругу, делая вид, что едешь по прямой, как продлить поездку, ловя «красную волну» светофоров, на каких улицах движение тормозят мусоровозы и где три раза в неделю гарцуют национальные гвардейцы. Он учил его, что нужно выбирать маршрут по проспектам, где идут дорожные работы, а не те, где их уже закончили. Игорь узнал, как выгодно бывает застрять за фур-

гоном, доставляющим продукты или перевозящим мебель, и как отвлечь внимание пассажира. Одним словом, Игорь постигал науку, как честным трудом заработать на домик в предместье. Виктор предостерегал Игоря против «буров» – садистов-полицейских, пристраивающихся к таксистам, чтобы прищучить их под любым предлогом, учил, как распознать мерзавцев и как с ними договориться – на самый крайний случай.

– Они ездят только на черных «Пежо—четыреста три». Заметил такую сзади, поднимай флажок, как положено. Тебе повезло – они редко работают по ночам.

Игорь и Виктор не стали подписывать договор – они ударили по рукам и расцеловались. Игорь ворчал, что Виктор его эксплуатирует, но продолжал на него работать. Он игнорировал все советы нанимателя и всегда выбирал самый прямой и экономичный для пассажира маршрут. Он был сам себе хозяин и без труда зарабатывал на жизнь. Только это и было для него важно. Игорь ни разу никому не сказал, что он русский, – в отличие от Виктора, который таким образом набивал себе цену. Ему случалось возить советских партийных функционеров, обожавших парижские русские кабаре, слышал много секретов. Он рассказал нам о смещении Никиты Хрущева и назначении генсеком Леонида Брежнева за четыре дня до этих событий. Он знал, что похожий на Бастера Китона бессменный министр иностранных дел СССР Андрей Громыко, бывая в Париже, навещает очень дорогую

любовницу по имени Мартина.

Франк стоял у церкви Сент-Этьен-дю-Мон, курил и ждал, когда в лицее Генриха IV окончатся занятия. Я учился у тех же преподавателей, что и он, но ко мне они относились весьма скептически.

– Вы родственник Франка Марини?

– Да, мадам, я его брат.

– Он был куда способней вас.

Десять дней назад Франк покинул наш дом, хлопнув на прощание дверью. Я перешел на другую сторону улицы, и брат вдруг чмокнул меня в щеку. Я ужасно удивился и отнес это на счет нервов.

– Мне передали твое сообщение. Может, посидим где-нибудь, выпьем кофе?

На улице Кловис мы наткнулись на Шерлока – он наблюдал, как ученики покидают здание, заметил нас, подошел, протянул Франку руку и улыбнулся:

– Как дела, Марини?

– У меня все хорошо, мсье Массон. Что скажете о Мишеле?

– Хорошо, что несчастный случай обошелся без последствий.

– Ты попал в аварию? – поразился Франк.

У меня задрожали ноги, по телу побежали мурашки.

– Да нет, так, ерунда, потом расскажу, – промямлил я.

– Нужно быть внимательней, Мишель, – назидательным тоном произнес Шерлок. – Я наблюдал, как вы переходили улицу. Ни один из вас не посмотрел по сторонам!

– Обещаю стать осторожней, мсье.

– Невероятно, Франк, Мишель выше вас ростом, а к учебе относится иначе. Довольствуется «среднепереводными» оценками, так сказать.

– Будьте с ним построже, мсье.

– У меня создалось впечатление, что его интересы лежат, скорее, в области настольного футбола.

– Футбол в прошлом, теперь он увлекся шахматами.

– Неужели? Это интересно! Давайте как-нибудь сыграем, покажете, на что вы способны, Мишель.

Мы отправились на площадь Контрэскарп, в «Ла Шоп».

– Что это за история с несчастным случаем?

– Да так, натрепал Шерлоку, чтобы оправдать прогул.

– Ты совсем обалдел?

– Не волнуйся, я стараюсь не зарываться.

– За такую глупость тебя могут исключить из лица! Ты о родителях подумал?

– Беспокоишься о них?

– Не о них – о тебе. Кончай валять дурака, подумай о будущем и начни как следует вкалывать.

Официант принес наш заказ – пиво Франку и лимонад с белым вином мне.

– А ты никогда не делаешь глупостей?

– Я получил диплом и теперь могу делать что захочу. За чем вызывал, что за срочность? Если решил помирить меня с родителями, ничего не выйдет.

– Сесиль... Ты уже забыл ее?

– А что с Сесиль?

– Она несчастна. Ты пообещал перезвонить – и не перезвонил. Уже много недель она ничего о тебе не знает и не понимает, что происходит.

– Не лезь не в свое дело.

– Я думал, ты ее любишь.

– Сказал же – не лезь!

– Она потрясающая, замечательная... «Я люблю девушку с прелестным затылком, красивой грудью, изящными запястьями, чудным голосом, дивным лбом и классными коленками...» Помнишь?

– Прекрати! Что за игру ты затеял? Это Сесиль попросила тебя усовестить меня?

– Она уверена, что у тебя другая и ты не решаешься признаться!

– Бабский бред! Нет у меня никого.

– Ты ее бросил?

Франк не ответил. Он опустил голову, достал из пачки сигарету, закурил, спохватился, что в пепельнице дымится другая, затушил ее и бросил на меня недобрый взгляд:

– Умеешь хранить секреты?

– Ну вот, и ты туда же...

– Я был на призывном пункте и записался. Еду в Алжир.

– Ты студент.

– Я отказался от отсрочки.

– С ума сошел!

– Попробуй объяснить женщине, что бросаешь ее ради армии. Что можешь провести на военной службе много лет. Я ничего не сказал Сесиль, потому что это выше моих сил.

– Но она считает, что ты променял ее на другую женщину!

– Я поступил так сознательно. Чтобы она отвязалась.

– Почему было не объясниться, не сказать правду в лицо?

– Да потому, что я люблю ее, придурок! Я бы просто не смог. Не хочу, чтобы она меня ждала. Не желаю быть на привязи. Я решил уехать, ничего не говоря.

– А меня зачем посвящаешь в свою тайну?

– Ты перебудоражил весь Париж! Я думал, стряслось что-то ужасное.

– Стряслось!

– Что?

– Иди ты к черту! Ты ее не достоин!

Я вскочил и выбежал из бистро. Франк догнал меня на площади. Схватил за отвороты куртки, встряхнул и заорал:

– Господи, да что с тобой такое?

Никогда еще я не видел брата в таком напряжении. Он сел на скамью. Рядом, на асфальте, спал клошар. Я рассказал Франку все. Он слушал, не перебивая, с мученическим

выражением на лице, погруженный в собственные мысли, но я видел, что он потрясен.

– Спасибо, – тихо произнес он и покачал головой. – Она... выкарабкалась?

– Ей бы следовало провести еще пару дней в больнице, но она ничего не желает слушать.

– Ну ты и говнюк! – Глухой голос принадлежал лежавшему рядом со скамейкой бродяге. Оказалось, он давно пробудился, сел на бордюр тротуара и слышал весь наш разговор. На его лице была гримаса презрительного отвращения. Он наставил на Франка указательный палец и вынес вердикт: – Нужно быть королем придурков, чтобы записаться во французскую армию и бросить подружку. Ты, парень, психованный идиот! Можешь собой гордиться!

Франк пришел в ярость. Я испугался, что он бросится на несчастного с кулаками.

– Какого черта ты лезешь, кретин? Убирайся, или намну тебе бока!

Бродяга собрал пожитки, недопитую бутылку вина и заковылял прочь, унося с собой кислый запах немытого тела.

– Придурки! – бурчал он. – Кругом одни придурки!

Он свернул на улицу Муфтар, расталкивая прохожих и бранясь во все горло, и исчез из виду.

– Ты повидеешься с ней?

Франк покачал головой.

– Это же Сесиль!

– Думаешь, мне легко? Я никогда не решусь сказать ей правду в лицо.

– Она могла умереть из-за тебя!

– Мне жаль. Я знаю, что виноват, но уже слишком поздно. Через четыре дня я уезжаю. Окажусь в безопасности, напишу письмо и все объясню, а когда вернусь, посмотрим, что будет.

– Думаешь, Сесиль станет ждать? Да она тебя ненавидит!

– Это моя жизнь, Мишель! Я должен так поступить.

– Ты чертов кретин, Франк, вот кто ты такой!

– Ничего ей не говори, пока я не уеду, прошу тебя. Дай мне все сделать самому.

– Ты совсем потерял голову и будешь жалеть об этом всю жизнь.

– Не терзай меня! Лучше пойдем поедим.

– Не хочу. Надо вернуться домой.

– Я должен с тобой поговорить. Это важно.

Я колебался. Франк выглядел потерянным, и у меня появилась надежда его переубедить.

– Позвоню и скажу, что останусь на ужин у Николая.

* * *

Он пригласил меня в «Вулкан», маленький греческий ресторанчик с домашней кухней. Мы зашли в кухню, заглянули в кастрюли и выбрали еду по аромату – рагу из баклажанов,

кабачков и перцев, томленных с луком, тмином и лаврушкой. В тот вечер Франк поведал мне историю нашей семьи: встреча родителей, война, его рождение, пятилетняя разлука, возвращение отца, брак по обязанности. Ему нужно было выговориться, и я молча слушал. Дети ничего не знают о жизни родителей. Сначала они об этом не думают, потому что мир возник в момент их рождения. У родителей нет никакой собственной истории, они имеют дурную привычку говорить с отпрысками о будущем и никогда – о прошлом. Это серьезная ошибка. Если не говорить о прошлом, оно превращается в зияющий темнотой провал.

– Она меня ненавидит. Я не сразу с этим смирился. Из-за меня ей пришлось выйти замуж за папу, и она испортила себе жизнь. Если бы я не родился, мама нашла бы хорошую партию.

Франк был прав. Возразить было нечего.

– Меня она тоже ненавидит?

– Ты ни в чем не виноват. Она хотела семью, но ты для нее не Делоне, а Марини. Помни об этом. Я не собираюсь настраивать тебя против мамы, я на нее не злюсь, но ты должен знать.

Между мной и Франком существовала огромная разница. Я был ни при чем, но изменить ничего не мог. И меня волновала только Сесиль.

– Почему ты записался?

– Если не начнем шевелиться, не справимся с фашистами.

Возможно, мы уже опоздали, но нужно попробовать.

– Думаешь, тебе удастся изменить общество?

– Я не один.

– А как же папа?.. Он тебя любит. Нельзя просто взять и уехать, ничего ему не сказав. Это несправедливо.

– Насчет папы я согласен. Но ни слова Сесиль.

Я злился, но был бессилен. Низко скрывать новость от Сесиль, но, если я все ей расскажу, потеряю брата. Он сделал выбор не в пользу Сесиль. Я чувствовал себя замаранным, я попал в западню, и это меня бесило. Будь я посильнее, набил бы Франку морду. Логика – не мой конек. Я никогда не понимал, как можно говорить одно, а делать совсем другое. Клясться, что любишь, и ранить любимого человека. Дружить и легко забывать о друге. Принадлежать к одной семье и ничего не знать друг о друге. Провозглашать высокие принципы и не следовать им, утверждать, что веришь в Бога, и поступать так, словно Его нет, мнить себя героем и поступать как сволочь.

Пить Игорь не любил – алкоголь плохо на него действовал, – а если такое все-таки случалось, начинал философствовать, ненавидя и философию и философов.

– Не стоит заноситься, – говорил он, – чтобы не было больно падать.

В ту ночь он вернулся в больницу «Питье» на бровях и получил выволочку от старшей медсестры, подавлявшей коллег ростом и высокой прической. Ей не было дела до встречи Игоря с соотечественником, она пригрозила, что напишет на него докладную за «оставление поста и пьянство на работе». Игорь расхохотался даме в лицо и пошел за вещами, чтобы навсегда покинуть тошнотворную юдоль страданий, но тут увидел в коридоре каталку, на которой лежал давешний пассажир Виктора. К нему так никто и не подошел. Все дежурные врачи были заняты, заведующий отделением приходил в восемь утра, так что несчастный, лежавший без сознания человек был обречен на смерть. Игорь проверил зрачки, посчитал пульс и измерил давление. Сломанный нос мешал человеку дышать, у него была сломана нижняя челюсть, выбито несколько зубов, лицо покрывала корка засохшей крови. Игорь попробовал разжать ему челюсти. Мужчина застонал. Игорь вытащил изо рта осколки зубов и освободил трахею. Взял ножницы и разрезал одежду, чтобы проверить состоя-

ние грудной клетки. Бугор в районе солнечного сплетения указывал на перелом ребер. Появилась медсестра:

– Что вы делаете? Прекратите немедленно! Это безумие! Вы не имеете права!

– Я врач! У этого человек гемоторакс. Он умрет, если не поставить плевральный дренаж. Несите трубку. Мне понадобится йод и ксилокаин.

– У меня нет анестетика.

– Обойдемся.

Игорь не без труда раздел своего пациента. Вернулась сестра с йодом и полужесткой трубкой с зажимной муфтой:

– Больше ничего нет.

– Помогите поднять его. Держите под мышками и подпирайте.

Они усадили так и не пришедшего в сознание мужчину, Игорь протер ему спину спиртом, выбрал точку между первым и вторым ребром и твердой рукой воткнул иглу. Пациент вздрогнул, но сестра не дала ему упасть, чтобы Игорь успел откачать кровь. Вся процедура продлилась десять минут, потом Игорь резко выдернул иглу и занялся другими ранами. Медсестра побежала к телефону, набрала номер и принялась орать в трубку, грозя невидимому собеседнику полицией, если он не появится через пять минут. Кроме того, она пообещала вырвать ему глаза.

– Кровотечение не останавливается, – сказал подошедший Игорь. – Необходима срочная торакотомия. Если не

прооперируют они, это сделаю я – с наркозом или без.

Ровно через пять минут появились два интерна и повезли пациента в операционный блок. Сестра повернулась к Игорю. Он был бледен, выглядел смертельно уставшим, его одежда промокла от крови.

– Почему никто не знает, что вы врач?

– Я санитар.

– Не беспокойтесь, я не стану докладывать об... инциденте.

После секундного колебания Игорь пожал плечами:

– Для меня все кончено. Счастливо оставаться.

Он вышел из приемного отделения, бросил халат в мусорный бак и отправился в «Аустерлицкую пушку» выпить последний за день кофе с кальвадосом. Расплатившись, достал из кармана пачку «Житан», на которой записал телефон Виктора Володина, и, несмотря на поздний час, позвонил ему:

– Я согласен. Когда выходить на работу?

– Для начала поездишь со мной, я все тебе объясню. По рукам?

– Конечно.

– Встретимся завтра, что я говорю – сегодня, в семь вечера, на площади Нации у пивной «Ле Руаль». Знаешь это место?

– Найду. Спокойной ночи, Виктор Анатольевич.

– И тебе, Игорь Эмильевич. Сладких снов.

Игорь без малейших сожалений расстался с работой санитара. Сняв халат, он поклялся себе, что ноги его больше не будет в больнице и рядом с пациентами. В тот же вечер началась его новая – счастливая – жизнь водителя такси.

Виктор был ужасно болтлив. В его компании можно было не утруждать себя поиском темы для разговора – он вел беседу один. Сидя на переднем сиденье, Игорь вместе с потрясенными пассажирами-англичанами слушал рассказ о том, как «граф» едва не стал участником убийства Распутина вместе с кузеном Феликсом Юсуповым. Он якобы сильно простудился во время тайного сборища в холодном коридоре, заработал ужасный бронхит, и его жена графиня Татьяна, дочь эрцгерцога Орлова и родственница Растопчиных, не позволила ему покинуть розовый особняк на набережной Невы. Такси стояло на Вандомской площади у отеля «Риц», счетчик работал... «Выступление» продлилось час двадцать минут и не стало рекордом Виктора Володи́на. Этого человека никто не назвал бы вралем или выдумщиком – он был рассказчиком, и каким! Виктор украшал свои истории неожиданными или неизвестными деталями, делал пикантные или скабрёзные уточнения, что заставляло слушателей безоговорочно верить его словам. Если клиенты того заслуживали, то есть были англичанами или американцами, Виктор доставал

из бардачка кусок лилового, с золотым шитьем, бархата, благоговейно его разворачивал и как величайшую тайну демонстрировал богатым туристам инкрустированный бриллиантами казачий кинжал, пронзивший сердце Распутина. При этом он говорил, что кинжал – подарок Юсупова, залог вечной дружбы. Зачарованные англичане не только платили астрономическую сумму за поездку на такси, но и давали щедрые чаевые «этому несчастному аристократу, жертве большевистских зверств». Смутить Виктора было невозможно, ни один англичанин не мог устоять перед его напористостью.

Как-то раз пассажир спросил Виктора, сколько ему было лет в момент убийства Распутина. В вопросе не было ни малейшего подвоха. Виктор лучезарно улыбнулся, делая в уме подсчеты:

– А сколько вы мне дадите сейчас, сэр?

– Думаю, пятьдесят пять. Значит, в тысяча девятьсот шестнадцатом, в год убийства Распутина, вам было шестнадцать.

– Вы очень любезны, милорд. Жизнь жестока. Через два месяца мне исполнится семьдесят один год, но я вынужден работать, чтобы кормить семью.

– Черт побери, вы отлично выглядите!

Апрель пятьдесят шестого выдался по-летнему жарким. Виктор Володин опустил стекло и с наслаждением вдохнул парижский воздух. Ему недавно исполнилось пятьдесят шесть лет, но никакой британец – будь он трижды лорд и пэр

королевства – не уличит его во лжи.

– Погляди, какая красота, – сказал он Игорю.

Вандомская площадь и весь мир принадлежали им.

– Совсем как в Санкт-Петербурге.

– Я называю его Ленинградом.

– Если хочешь, чтобы мы остались друзьями, не произноси при мне этого слова.

Игорь не собирался ссориться с патроном в первый же рабочий вечер из-за лингвистических разногласий. Они любили один и тот же город, какое бы имя он ни носил.

– Скажи-ка, Игорь Эмильевич, немцы действительно разрушили город?

– Блокада длилась девятьсот дней, его бомбили и обстреливали из артиллерийских орудий. Миллион погибших. Ты видел съемки Хиросимы? Очень похоже. Но город отстроят заново, и он станет еще красивей.

Виктор угостил Игоря сигаретой. Они курили, вспоминая, как прекрасен был до войны Зимний дворец. Игорь ужасно разочаровался, узнав, что хранящийся в бардачке кинжал никогда не обагрят кровь Распутина. Он был берберским, Виктор купил его за весьма умеренную сумму в триста пятьдесят франков во время Колониальной выставки 1931 года. Теперь он покупал кинжалы оптом в марокканской лавочке в Монترейе и дарил друзьям на день рождения. Одной паре виноделов из Бордо Виктор поклялся здоровьем своих несуществующих детей, что уверенно опознал великую княжну

Анастасию, последнюю из Романовых. Да хранит ее Господь! В детстве они вместе играли в садах Петродворца, куда государь часто приглашал его семью.

– Видишь, как все просто? Чем грубее ложь, тем правдивей она выглядит.

– Увы, врать я не умею.

– Я не вру – рассказываю истории.

– Не думаю, что смогу научиться.

– Тогда простись с мыслью о хороших чаевых. Тем хуже для тебя. Ничего удивительного, ты ведь получил идиотское коммунистическое воспитание.

В ту первую ночь Виктор был так доволен выручкой, что решил закончить пораньше, и около четырех утра высадил Игоря у его маленькой гостиницы рядом с площадью Бастилии. Спать он не хотел и отправился в больницу, хотя поклялся никогда туда не возвращаться. Старшая сестра решила, что он вернулся насовсем. Игорь спросил, как себя чувствует раненый.

– Пока жив. В себя он пока не пришел. Прогноз более чем осторожный. Мазерен оперировал пять часов. Профессор сказал, что вы спасли больному жизнь. Документов при бедняге не было, так что мы даже имени его не знаем. Так вы не передумали?

– Могу я увидеть пациента?

– Корпус Шарко, палата сто двенадцать.

Мужчина с распухшим лицом лежал в палате на первом этаже. Один. Он был интубирован, подключен к сердечно-му монитору и системе искусственной вентиляции легких, в вену на правой руке была вставлена игла капельницы. Перевязанная голова делала его похожим на мумию. Игорь просмотрел бюллетень и отчет об операции и не нашел там ничего утешительного. Он сел на стул у кровати и взял в ладони правую руку пациента. В палате было тихо и душно жарко, но эта серая морщинистая рука была ледяной. Игорь начал осторожно растирать ее, дышал на пальцы, чтобы согреть, и преуспел. Он не знал, борется организм больного или нет, и не представлял, что еще можно сделать. Неужели медицина бессильна и этот человек обречен? Он еще побарахтается или потонет? Игорь ощутил забытый азарт противостояния смерти. Ему захотелось вступить в схватку, лишиться «безносую» высшего удовольствия, украсть у нее добычу. Он вспомнил тех, кого не смог спасти на фронте: скрюченные, вцепившиеся в матрас пальцы, ужас в блестящих от жара глазах, разверстые в тщетной попытке сделать глоток воздуха рты. Множество забытых, принесенных в жертву людей, до которых никому нет дела. Игорь чувствовал глубинное, неискоренимое отвращение к смерти и горечь от предощущения неизбежного поражения. Зависший между

жизнью и смертью незнакомец был сейчас самым близким для него человеком. Собратом по разуму. Этого пациента он смерти не отдаст.

– Ты будешь жить, клянусь тебе, – произнес он по-русски и еще крепче сжал пальцы больного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.